

ЯПОНИЯ

ПУТЬ КИСТА И МЕЧА

№ 4/2003 (8)

Учредители — ООО «Будо-спорт»

и А.М. Горбылёв

(Лицензия ИД № 04346)

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-95-24

E-mail: boss@budo-sport.ru, sale@budo-sport.ru;

http://www.budo-sport.ru

Главный редактор — А.Н. Мещеряков

Заместитель редактора — А.М. Горбылёв

Руководитель проекта — С.А. Косоротов

Компьютерная верстка — А.А. Иванов, А.В. Смирнов

Корректор — С.А. Дудник

Адрес редакции:

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06

E-mail: shigetsu@rol.ru (заместитель редактора)

boss@budo-sport.ru

sale@budo-sport.ru

Перепечатка материалов производится исключительно с согласия редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность информации публикаций, точность цифр и цитат, за содержание рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели. Публикуя материалы, редакция не всегда разделяет точку зрения их авторов. В переписку редакция вступает по своему усмотрению.

Отпечатано в типографии ОАО «Типография № 9»,

г. Москва

© ООО «Будо-спорт», 2003 г.

Редакция приглашает к сотрудничеству в подготовке материалов и распространении сборника заинтересованные организации и частных лиц.

Содержание

Этнография

А. Мещеряков

Сумо..... 3

Е. Бакшеев

Острова этнографических сокровищ: культуры и верования островов Мияко, Окинава (по материалам полевых исследований)..... 4

Александр Мещеряков: право на смысл..... 10

Люди

Н. Леценко

«О этот мир, печальный мир и бранный!» Тайра Киёмори и Токива..... 14

Пересмешник

А. Куланов

Записки от зависти 16

Кафедра

А. Мещеряков

Словарь японских религий 18

Наука

Е. Сахарова

Окружной уровень административно-территориального деления в Японии VIII века..... 29

Сила

А. Горбылёв

«Сердце коня — мое сердце»..... 36

А. Горбылёв

Секреты бесшумного шага 47

Слово

Новые переводы лирики Сайгё (из антологии «Синкокинсю», 1205 г.). Перевод А. Долина..... 53

Осараги Дзиро

Рассказы. Перевод Е. Ионовой..... 55

Хинацу Сиродзэмон Сизэтакэ

Краткая история воинских искусств Японии.

Перевод А.М. Горбылёва..... 59

Фонарь

Е. Сахарова

При свете светлячков и снега.

Японская библиотека 63

Заканчивается второй год существования нашего журнала. Спасибо всем, кто был это время с нами нашим читателям. Хотелось бы, чтобы они тоже благодарили нас, авторов, за то, что мы успели за это время рассказать кое-что полезное и интересное. Хотелось бы...

Итак, что же интересного и полезного обнаружит читатель в очередном номере?

Мы начинаем рубрику «Кафедра», материалы для которой будут готовить, в основном, сотрудники недавно созданной кафедры истории и культуры Японии ИСАА при МГУ, которой заведует Е.К. Симонова-Гудзенко. Главная цель этой рубрики — предоставить справочные и учебные материалы. Для студентов, преподавателей и всех, кому интересна Япония. В первой выпуске — словарь японских религий.

Далеко не каждому японисту удастся принять участие в этнографической экспедиции. Е.С. Бакшееву посчастливилось. О некоторых своих наблюдениях он рассказывает в статье, посвященной островам Мияко. Со времен Н. Невского на этих далеких островах побывало совсем немного отечественных исследователей.

Н.Ф. Лещенко рассказывает драматическую историю про Тайра Киёмори и красавицу Токива, а Е.Б. Сахарова научно обосновывает, что не сразу Япония строилась.

Решив, что Японии без поэзии не бывает, мы помещаем новые переводы стихов бесподобного Сайгё в исполнении А.А. Долина. А чтобы не было обидно любителям прозы, печатаем два рассказика очень известного писателя Осараги Дзиро. Это двойной дебют: первый перевод на русский язык произведений писателя и первый переводческий опыт студентки РГГУ Е. Ионовой. Рассказики про котенка Сироёси, что согласуется с анималистскими пристрастиями главного редактора. Кроме того, эти рассказы годятся для того, чтобы впервые познакомить детей с японской литературой.

А. Куланов делится с нами своими остроумными наблюдениями относительно национального характера японцев. Специально «под него» мы завели раздел «Пересмешник». По-моему, очень своевременно чтобы учиться серьезно было бы немного веселее.

В продолжение серии интервью с японистами ваш покорный слуга выступил в этом номере в качестве интервьюируемого. В чем-то

я согласился с предыдущими исследователями, в чем-то поспорил. Много из того, что я говорю, является проблемой веры. Одна из прелесть наших занятий состоит в том, что японистов у нас не так много, как точек зрения на предмет

Год кончается. Спасибо авторам и читателям. И не забудьте подписаться!

Авторы «Японии»

Бакшеев Е.С. — научный сотрудник Международного центра по изучению японской культуры (Нитибункэн, Киото), автор ряда работ по археологии и культуре Японии.

Долин А.А. — профессор Токийского государственного университета иностранных языков. Автор книг: «Японский романтизм и становление новой поэзии», «Очерки новой японской поэзии», «Новая японская поэзия», «Кэмпо — традиция воинских искусств» и др. Переводчик: «Осенние цикады», «Одинокий сверчок», «Голоса вещей», «Кокинвакасю», «Ветер в соснах», «Старый пруд», «Багряные пионы», «Танэда Сантока» и др.

Горбылев А.М. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ, главный редактор журнала «Додзё. Боевые искусства Японии». Автор многочисленных работ по истории японских боевых искусств.

Ионова Е. — студентка РГГУ, публикуется впервые.

Куланов А. — журналист, главный редактор сайта «Японский журнал — Jaron.ru».

Лещенко Н.Ф. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор книги: «Япония в эпоху Токугава».

Мещеряков А.Н. — доктор исторических наук, научный сотрудник Института восточных культур РГГУ. Автор книг: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм», «Древняя Япония: культура и текст», «История Древней Японии» (совместно с М.В. Грачевым), «Герои, творцы и хранители японской старины», «Книга японских символов и обыкновений», «Линия жизни», «За нами — только мы», «Мещеряков@япония.ru» и др.

Сахарова Е.Б. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, автор ряда работ по истории Древней Японии.

Александр Мещеряков

Сумо

Сумо — один из самых популярных в Японии видов спорта. Общациональные турниры по сумо, которые проводятся шесть раз в год, привлекают огромное количество зрителей, транслируются по телевидению. Большие впечатлительные схватки борцов производят и на Западе. И правда: специально откормленные мужчины под два центнера весом, ловко толкающиеся на глиняном помосте (дохё, для его постройки требуется 30 тонн глины), — есть на что посмотреть. В то же время мало кому приходит в голову, что изначально сумо — вовсе не спорт, а ритуальное действо.

Схватки борцов происходили как при государевом дворе, так и во время деревенских праздников. На иллюстрации представлен эпизод именно такого сельского праздника. В левой части иллюстрации видно синтоистское святилище и жрец, возносящий молитву. Сами борцы выступают на круглой арене, которая окружена мешками с землей из рисовой соломы, напоминающими толстый канат. Такой канат — симэнава — обязательный аксессуар синтоистского святилища. Он ограждает сакральное пространство, запретное для непосвященного. Задача борца — вытолкнуть соперника за пределы этого священного круга. В парадную форму борцов, которые носят самый высокий титул — ёкодзуна, входит пояс из симэнава.

Считалось, что сумо — действо, угодное божествам, а потому схватки проводили в качестве благодарения за урожай.

Такое действо падало на осень. В начале весны по результатам схватки определяли виды на урожай. Подобные гадания проводились и при государевом дворе. Открытое пространство перед дворцом делили на две части — восточную и западную. Прорицатель определяя, какая из них является счастливой (урожайной) на следующий год. Борцы также делились на две команды — «восточную» и «западную». Считалось желательным, чтобы победила команда, которая «защищала» урожайную сторону. И сегодня тоже борцы перед началом поединка занимают восточную и западную стороны арены.

В некоторых землях было распространено «одиночное сумо», когда схватку с противником изображает один борец. Но на самом деле это не столько схватка, сколько подобие танца, партнером по которому является божество.

В Японии считалось, что чем сильнее топашь босыми ногами по земле, тем плодороднее она будет. Нынешние профессиональные борцы (это касается, правда, только ёкодзуна) перед тем, как броситься на противника, также исполняют подобие танца, во время которого они с силой поочередно топаят по помосту широко расставленными ногами. До сих пор перед началом схватки борцы посыпают дохё солью. Это делается потому, что соль считалась средством, с помощью которого можно прогнать злых духов. Той же цели служат и стрелы, которые закреплены на поясе борца.

ОСТРОВА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОКРОВИЩ: культы и верования островов Мияко, Окинава (по материалам полевых исследований)

Слово «Окинава» обычно толкуют как «Веревка (цепь островов) в открытом море», но на самом деле это японизированное слово «Адзинава», что значит «Место рыбной лова воядя».

В сознании людей старшего и среднего поколений прочно закрепился образ Окинавы «под пятой американского империализма». Для поклонников японских боевых искусств Окинава — это родина

каратэ. А для японоведов, изучающих японскую старину, здесь находятся истоки культуры Японии.

Исследование фольклора и языка Мияко было начато Н.А. Невским в 20-х годах прошлого столетия. На Мияко гордятся тем, что культура их маленьких островов стала известна всему миру благодаря русскому ученому, и поэтому у Мияко с Россией — «особые отношения».

Николай Александрович Невский принадлежит к плеяде великих российских японоведов начала XX в. (Конрад, Елисеев, Розенберг и др.). Н. Невский родился 2 марта 1892 г. в самом сердце России, на Волге (в Рыбинске), и был убит коммунистическим режимом в 1937 г. в самом расцвете своей научной карьеры. 15 лет он изучал в Японии традиционную и народную культуру различных регионов этой страны, став одним из основателей японской этнографии и фольклористики.

Такие отечественные ученые, как Л.А. Громковская, Е.И. Кычанов, А.Н. Кабанов, Л.М. Ермакова, В.М. Алпатов, А.М. Решетов, Н.С. Шефтелевич и др., сделали многое для того, чтобы научное наследие Невского стало принадлежать народам — как русскому, так и японскому. Память о великом ученом живет и в России, и в Японии, на Мияко. Добрые островитяне дорожат этой памятью; в 2001 г. в городе Хирара (столица Мияко) был проведен симпозиум, посвященный Невскому, воздвигнута памятная стела, его именем названа улица, по которой он ходил. По этому случаю приезжали дочь и внучка Невского (он был женат на японке).

Невский побывал на Мияко по совету родоначальника японской этнографии Янагида Кунио (который считал, что японская культура «есть и пошла» с Окинавы), совершив туда три экспедиции (1922, 1926 и 1928 гг.), посетив острова Мияко, Икэма, Ирабу, Тарама, Минна. Был он также и на о. Исигаки из другой группы островов — Яэяма. Этому есть логичное объяснение: о-ва Яэяма — своего рода «мостик» между о-вами Тарама и Минна, отдаленными от основной группы Мияко, и о. Тайвань (Формоза), где Невский побывал летом 1927 г. и изучал язык аборигенов цоу.

Из опубликованных на русском языке работ Невского Мияко посвящены: «Фольклор островов Мияко», «Общие сведения о географическом положении, официальном статусе и языке Мияко», «Луна и бессмертие», «Лечение болезней \на Мияко\», «Мунай», «Мики», «Почему перестали рождаться красавицы». Однако еще многое, слишком многое, из его научного наследия лежит под спудом в архивах Японии и России, неопубликованное и практически недоступное даже специалистам (например, словарь диалекта Мияко — великое, пока непревзойденное достижение).

В своем отчете (1916 г.) о стажировке в Японии Невский указывал, что «единственный путь для исследования первичных верований Японии — это прибегнуть к сравнительной этнографии и фольклору разных провинций». Обращая особое внимание на народную духовную культуру (т.е. на «анимистиче-

ские» представления, которые являются объектом активных исследований и в современной японской науке), он, в частности, писал, что т.н. «первичный, или чисто синто... оказывается сложным из таких элементов, из которых... состоят верования примитивных народов. Таким элементом... является анимизм, пронизывающий с начала до конца всю японскую мифологию. С его необходимыми составными слагаемыми: верой в тележную душу и психоз. Для изучения анимизма необходимо обратить внимание на похоронные обряды, гадания и чародейства... Из анимизма же вытекает и японское шаманство... Шаманство в древности... занимало одно из первых мест в верованиях народа. Но и в настоящее время шаманки играют немалую роль, особенно в глухих провинциях».

В статье «Лечение болезней» Невский различает на Мияко несколько категорий «шаманок», т.е. различных культовых функционеров. В деревне Сарахама на о. Ирабу: «знахарка» *munusi*; и *si:juma* («тот, кто урезонирует»; *si* — «резон, повод, предлог», *jum* — «говорить»); в Псара (г. Хирара), о. Мияко: «одержимая богами» *kamkakar'a*; в «волости Сымудзы»: *kamtitsa* (полностью этимология слова Невскому неясна). Невский едва ли не первый среди этнографов также обратил внимание на уникальный культ личного «бога-хранителя» *мауган* (подробно об этом ниже). Основные научные интересы Невского были фольклорно-лингвистические, и в его работах, доступных нам, пока не обнаруживаются упоминания о святилищах Мияко, известных как *утаки*.

Этнограф Т. Симоно и автор у памятника Н.А. Невскому

Я заинтересовался Мияко и Окинавой, когда, копаясь в хитросплетениях происхождения японцев и их культуры, пытался разобраться в работах Невского, но целостной картины как-то не складывалось. Позже, уже на Мияко, после бесед с местными краеведами, которые сетовали, что даже в Японии работы Невского изданы с недостаточными комментариями, я пришел к выводу, что его работы — как верхушка айсберга, для их понимания требуется серьезное знание этнографии Окинавы и Мияко, как говорится, «из первых рук». Еще одна причина моего интереса к Мияко — исследования погребальной обрядности и анимистических верований Японии — ведь на Окинаве сохранились их древнейшие формы, соотносимые не только с японскими, но и с юго-восточноазиатскими и даже полинезийскими. Поэтому, когда мне представилась возможность принять участие в полевых исследованиях на Мияко вместе с японскими этнографами, упустить этот случай было бы преступлением.

Действительность превзошла все мои ожидания: я увидел «неяпонцев» и «неяпонскую» культуру (затем у меня сложилось более сбалансированное мнение, но и сейчас я часто слышу от японских ученых, что «Окинава — неяпонская культура»). Достаточно упомянуть, что на Мияко практически отсутствуют столь

привычные и неотъемлемые для Японии синтоистские и буддийские храмы! И местные жители, контактные, общительные, говорят по-японски как-то слишком чисто (язык-то выучен в школе), а внешне они совсем другие, скорее похожи на индонезийцев. С удивлением я обнаружил, что, в отличие от «настоящих» японцев, обитатели Мияко никуда не торопятся, опаздывая на деловую встречу подобно нам.

Но главное для меня открытие — то, что местная традиционная культура не только еще не «переварена» японской, но все еще сохраняет, пусть — увя! — в угасающих формах, многие культы, верования, ритуальные практики далекого прошлого. И свою задачу я вижу не только в том, чтобы изучать их, но и «сохранять», пусть на фото- и видеопленке, то, что через несколько лет, может быть, исчезнет навсегда. Некоторые из фотоснимков, сделанных во время этих полевых исследований, читатель может видеть на страницах журнала.

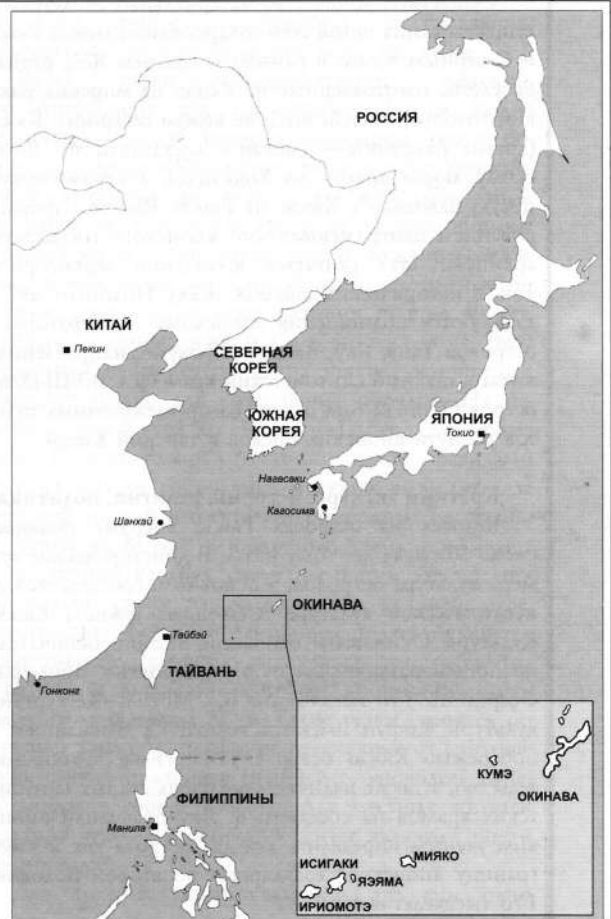
Восточная Азия, Океания/Япония, Окинава

Окинава лежит на перекрестке многих культур и цивилизаций: Юго-Восточной Азии, Океании, Китая и, конечно, Японии. Согласно авторитетной теории К. Ханыхара, рюкюсцы и айны — прямые потомки неолитического населения (период Дзёмон)

Географическая справка

Острова Рюкю (общим числом 73, не считая рифов) протянулись гигантской дугой в 1200 км в Тихом океане от о. Кюсю до о. Тайвань; они занимают северную оконечность Юго-Восточной Азии и находятся почти в центре Восточно-Китайского моря на одинаковом удалении от Японского архипелага и островов Микронезии. Их принято делить на Северные — Амами (административно входят в префектуру Кагосима), Центральные — Окинава и Южные — Сакисима. Последние, в свою очередь, состоят из 2-х групп: Мияко и самых южных Яэяма.

Мияко — это группа из 8 островов: Мияко, Курима, Икэма, Ирабу, Симодзи, Огами, Тарама, Минна (в работах А.Н. Невского, который здесь побывал в 20-х годах XX в., названия некоторых из них на местном диалекте звучат как Мьяку, Ффима, Икима\Икама, Ирав, Сымудзы, Угам). Слово «Мияко» сейчас записывается двумя иероглифами: «дворец\храм» и «древний, старый», но считается, что оно произошло от слова «мяка», что на местном диалекте означает «каменная могила» (гигантские гробницы, сложенные из каменных глыб и плит, являются одной из особенностей традиционной культуры Мияко). Острова Мияко (население — около 60 тысяч человек) находятся на широте о. Тайвань, до которого около 400 км (300 км до о. Окинава). Это довольно плоские острова (на основе коралловых рифов) с невысокими холмами; острова находятся в пределах прямой видимости или возможности добраться на лодке за световой день. Климат — субтропический с тайфунами и цунами, которые подчас уничтожали целые деревни. Строительного леса нет, все старые сооружения — из кораллового камня. Издавна основные занятия — рыболовство и сельское хозяйство. По языку и культуре Мияко, которые считаются самыми древними на Рюкю, значительно отличаются от главного острова Окинава. Более того, есть большие различия и между самими островами группы Мияко, и даже между деревнями на одном острове.

Гробница древнего правителя Мияко

Японского архипелага, которое в преддверии нашей эры было рассечено новой волной переселенцев с материка (период Яёй); наложение этой волны на старое население и создало японский этнос. Другими учеными люди Дзёмон понимаются как реликтовое население периферийной Юго-Восточной Азии, изолированное на Японском архипелаге, равно как и на Филиппинах, Тайване и в прибрежной зоне Китая (я добавляю сюда и острова Рюкю); говорило это население, предположительно, на протоаустронезийских языках.

Существует множество материальных свидетельств существования целой сети товарообмена между Рюкю и Северным Кюсю в раннем и среднем Яёй: ручные браслеты, изготовленные на Рюкю из морских раковин гохоора, носили высшие вожди северного Кюсю (другие раковины — имогаи — доставляли по Японскому морю вплоть до Хоккайдо), а керамическую посуду завозили с Кюсю на Рюкю. Вместе с формированием централизованного японского государства архипелаг стал считаться вассальной территорией. Так, в исторических анналах «Сёку Нихонги» 699 г. датируются подношения японскому «императору» с островов Танэ, Яку, Амами и Токуно, направленные затем в главный синтоистский храм Исэ. В VIII-IX вв. остров Окинава был одним из промежуточных пунктов на пути японских посланцев в танский Китай.

Краткий экскурс: история, религия, политика

Человек на островах Рюкю впервые появился около 30 тысяч лет тому назад. В доисторические времена культура островов, в основном, соответствовала неолитической культуре Дзёмон на южном Кюсю. Культуры Окинавы и основной Японии окончательно пошли различными путями, вероятно, примерно с середины 1-го тысячелетия н.э. Могильные курганы культуры Кофун имеются только на ближайшем к побережью Кюсю острове Танэгасима; это обстоятельство, а также наличие двух очень старых синтоистских храмов на соседнем о. Яку позволили японским ученым определить эти два острова как южную границу японского государства во второй половине 1-го тысячелетия н.э.

Архипелаг Сакисима был заселен во 2-м тысячелетии до н.э. Археологические раскопки показывают, что до объединения в королевство Рюкю в XV в. культура северной части Рюкю (Амами, Окинава) все-таки была ближе Японии, а южной (Мияко, Яэма) — Аустронезии (Индонезия, Полинезия).

До конца XIX в. на Рюкю правила местная королевская династия Вторая Сё (остров Окинава, город Сюри). Основатель Первой династии Сё — Сё Хаси добился политического объединения о. Окинава в 1429 г. после долгих междоусобных войн. Государство было устроено по танскому образцу; до эпохи Мэйдзи платили дань Китаю, но его суверенитет над Окинавой был номинальным. В 1609 г. клан Симадзу (Кюсю) провел военную акцию: острова Амами попали под контроль княжества Сацума, и власти Сюри стали платить ему дань. Только в 1879 г. все острова Рюкю были официально включены в состав Японии.

Мияко в 1390 г. впервые признали над собою власть рюкюского короля, а до этого управлялись совершенно самостоятельно. Первым правителем Мияко был Мэгуромори Цуюмия. В 1500 г. из Сюри на Мияко был назначен новый правитель Накасонэ Цуюмия. Его жена стала Упу-аму (яп. Оаму — «Великая Мать») — главой всех женщин Мияко (в то время жены чиновников звались аму). Упу-аму выбрала 16 важнейших святилищ-утаки (главным святилищем было Харимидзу в городе Хирара) и назначила в каждое святилище жриц. Главная жрица молилась за мир в королевстве и здоровье короля Рюкю, за обильный урожай на Мияко, за благополучное морское сообщение между Мияко и Окинавой. Система Упу-аму была официально отменена в 1879 г., но организации «божских дев» все еще существуют.

Святилища утаки — основа духовной культуры Мияко

Этнографы определяют верования Окинавы как анимизм. Там все еще живы верования во множество божеств ками (кам, ган, гам) и духов, которые «курируют» различные сферы жизни людей. Божеств Окинавы можно разделить на три группы: 1) божества, которые спускаются с небес; 2) божества, которые приходят из-за моря (из потустороннего мира нирай-канай); 3) боги-предки.

Священное место, куда опускаются с неба божества первой группы или где они «обитают», принято называть утаки. Утаки (о-такэ — «священный пик») — общеокинавский термин, обозначающий святилище в культе жриц. Утаки — тип святилища, характерный для всего Рюкю. Обычно это священная роща со священным камнем, в котором пребывает дух божества. Этнографы спорят о том, где «пребывает» дух божества, спустившегося с небес: в (на) дереве, в камне или в жрице. Я склоняюсь к компромиссной точке зрения: дух последовательно «переходит» с дерева на камень и, наконец, на жрицу.

Дорога к святилищу

Утаки островов Мияко, где их более 900, считаются самыми древними по своей структуре. Они устроены по стандартной схеме с вариациями, иногда весьма значительными. Базовая структура: дорожка (тропинка, ведущая вглубь рощи), площадка (где собираются молящиеся), внутреннее святилище (иби — «алтарь»). Часто и внутреннее святилище, и вся территория утаки окружены каменными оградами. Центральным объектом почитания на «алтаре» — по крайней мере, на многих из них — является «священный камень». Перед ним — место (сейчас чаще каменный сосуд, похожий на маленькое корытце) для возжигания курений. Сохранились ранние формы утаки, которые находятся под открытым небом возле большого дерева; иногда это просто куча морского песка на лужайке (таких много на о. Икэма). В других утаки камень может находиться в бетонном (!) «храмике», конструктивно сходном с синтоистским хокора.

Утаки

«Священный» камень

В каждой деревне есть хотя бы одно святилище (считается, что любое поселение начиналось с утаки), но их может быть и несколько.

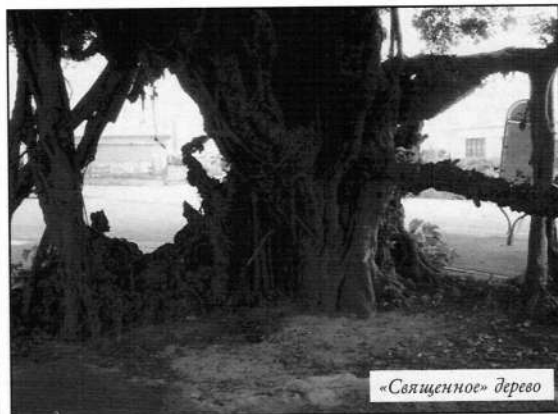
Утаки являются коллективными святилищами (семейно-родовыми, деревенскими, поселковыми); они расположены непосредственно в населенных пунктах или неподалеку от них, обычно у перекрестка дорог — там, где есть хотя бы небольшая рощица.

Почитание предков — неотъемлемый компонент культа утаки. В поселке Каримата (о. Мияко), знаменитом своим обрядом уяган (см. далее), в четырех главных святилищах почитают: божество-основателя поселения, божество-покровителя мореплавания, сельскохозяйственное божество, божество воды.

Культе утаки — преимущественно женский. Его отправляют так называемые «божьи люди» (каминтэ) — «люди, которые одержимы духом бога» — полупрофессиональные религиозные функционеры, выполняющие обряды для всей социальной группы. В эту категорию, кроме жриц всей общины и родственных групп, также входят мужчины-служители, помогающие жрицам. Жрицы, выбранные по жребию из числа местных женщин старше 40 лет, проводят сезонные обряды для всего населения. Этот «персонал» не присутствует на утаки постоянно, а приходит только для совершения обрядов. На некоторые утаки вход до сих пор закрыт всем, кроме жриц. В соответствии с установленными правилами местные жители собираются на утаки и молятся за хороший урожай и отсутствие природных бедствий.

Утаки на Мияко в настоящее время пребывают на различных стадиях своей эволюции: от предположительно своих изначальных (по крайней мере, древнейших) форм до святилищ, подвергнувшихся значительному влиянию «государственного синто» в результате активной политики японизации, произошедшей с начала XX в. Такие утаки строятся по синтоистским образцам и не отличаются от синтоистских святилищ-дзиндзя (например, «новодел» Мияко-дзиндзя в городе Хирара). Для местных жителей названия «утаки» и «дзиндзя» сейчас являются почти синонимами.

Для древних типов святилищ есть еще одно местное название — угандзэ («место поклонения»)

«Священное» дерево

моления»). Исходная форма утаки — это, очевидно, роща или большое дерево с камнем под ним. При этом дерево или камень считаются вместилищем божественного духа, аналог синтоистского синтай («тела божества»). Можно сделать вывод, что утаки — это вариант древнеяпонского святилища, известного как мори (=дзиндзя); различные типы мори продолжают существовать в современной Японии как в пределах синтоистских храмов, так и в местных народных культах.

Можно сказать, что культура утаки Окинавы принадлежит к общей для всего Японского архипелага культуре священных гор и рощ (вертикальная космография), которая распространялась с севера на юг и наложилась на исконную рюкюскую культуру моря — верования в нирай-канай (горизонтальная космография). Считается, что огонь для распространения на Рюкю культа божества огня/домашнего очага был доставлен из нирай-канай.

Жрицы и шаманки Окинавы и Мияко

Принято считать, что жрецы (жрицы) отправляют религиозные обряды, обращенные к божествам, а шаманы (шаманки) заняты лечением болезней, изгнанием разных бед и скверны, обрядами, связанными с погребальным культом. Социальное положение жриц сравнительно высокое, шаманки же ведут маргинальное существование.

Однако, как указывают многие исследователи, на Мияко такое различие не имеет абсолютного характера. Шаманки там обладают подчас большим, чем у жриц, влиянием в отправлении культов божеств и предков. Возможно, причиной этого является то, что под влиянием последних социальных изменений и урбанизации на Окинаве традиционная структура деревни трансформируется и разрушается; в этих условиях духовный авторитет жриц ослабевает, а влияние шаманок, наоборот, усиливается. Эта тенденция характерна для Мияко: сильное влияние шаманок простирается не только на «моления» и гадания на индивидуальном и домашнем уровне, но и на религиозные ритуалы на региональном уровне. Сами шаманки причисляют себя к «божьим людям»,

несмотря на то, что из-за их ассоциации с болезнями и бедами они «нечисты», т.е. несовместимы с ками. В то же время, хотя жрицы должны тщательно избегать «скверны», они традиционно использовали шаманистические практики низведения на себя духа божества, часто покойного предка.

Обряды на утаки

Обряды (моления и сезонные празднества) на утаки проводят жрицы — «божьи девы» (цукаса или уяган). На большинстве утаки до сих пор проводятся четыре сезонных празднества. Во второй месяц лунного календаря молятся за хороший урожай пшеницы, в четвертый — за хороший урожай риса и проса, в девятый — за урожай всех культур. Моления десятой луны направлены против пожаров.

Кроме этих главных всеобщих обрядов, в каждом селении есть свои местные сезонные ритуалы, которые сохраняются и поныне. Так, на о. Икэма, о. Ирабу (в Сарахама) и о. Мияко (в Нисихара) в 9-м месяце лунного календаря проводится юкуи — тайный ритуал испрашивания богатого урожая (некий эквивалент синтоистского тосигои-но маури). Его проводят достигшие преклонного возраста деревенские женщины, которые, принимая на себя «священные обязанности», становятся «временными жрицами» и вместе с местными жрицами цукаса обходят несколько утаки и молятся за урожай.

Ритуал уяган проводится на о. Огами (по лунному календарю 6-10 мес.), на о. Мияко — в Каримата и Симадзире (10-12 мес.) пять раз в течение трех месяцев. Более десяти местных жриц, которые зовутся уяган (бог-предок), на несколько дней скрываются в горах и постытятся. Восхваляя достоинства богов-предков в ритуальных песнях, они сами «превращаются» в них и затем в их обличье появляются в своем селении.

Куль божества мауган

Куль мауган встречается только на о-вах Мияко; он мало изучен даже японскими этнографами. Божество мауган — это не коллективное синтоистское божество, а индивидуальный «бог-хранитель», очевидно, бог-предок. Почитание мауган, как правило, начинается после того, как его будущему обладателю исполнится сорок лет, и может вызываться несколькими причинами; наиболее частой является заблуждение самого информанта или ребенка в семье. Куль мауган связан с утаки: божество, почитаемое в святилище, просят стать личным хранителем, и шаманка «сопровождает» его в дом. Она молится и призывает дух предка; мауган «устанавливают» со словами «Мау приди! Мау явьсь!». В некоторых селениях во дворе устраивается маленький алтарик с камнем — символом мауган (камень берут из моря).

Куль мауган предполагает обязательное наличие в доме маудана («полка божества»). Маудана представляет собой полку прямоугольной формы, обычно подвешенную на стене (в углу, чаще у входа

Маудана

в помещении) на высоте выше человеческого роста или под потолком в нибанза (там же находится и токонома). Иногда маудана имеет боковые и заднюю стенки, обитые фольгой; практически на всех маудана стоят кувшинчики с зелеными ветками местного растения инумаки, чаша для курений, чашечки и стаканчики с подношениями.

Каждый день перед маудана совершается обряд — подносится чай и произносится молитва, а по праздничным дням подносится саке.

После смерти «владельца» мауган почитание прекращается, и маудана снимается.

Камдана\буцудан

В отличие от маудана, почти во всех домах местных жителей Мияко есть алтари под различными названиями: камдана («божница») или же бучидан, но с одинаковыми функциями почитания усопших предков, т.е. буддийского алтаря буцудан. Другими словами, на Мияко буцудан называют камдана. Почти все сооружения такого типа представляли собой типовое деревянное сооружение («шкаф» с полками) с открытой верхней частью; набор ритуальной утвари, расположенной на полках, в основном, стандартный: увеличенные фотографии покойных родителей (отец — справа, мать — слева), вазочки-кувшинчики (из белого фарфора) с зелеными веточками, чашечки для возлияний, курения. Камдана\буцудан имеются только в так называемых «основных семьях» и отсутствуют в «боковых». Фотографии покойных родителей заменяют на новые после смерти представителей очередного поколения. По сравнению с основной Японией, на Окинаве переход покойников в разряд божеств более прост; на Мияко усопший может стать kami еще до истечения положенных в Японии и на Окинаве 33 лет.

Панту

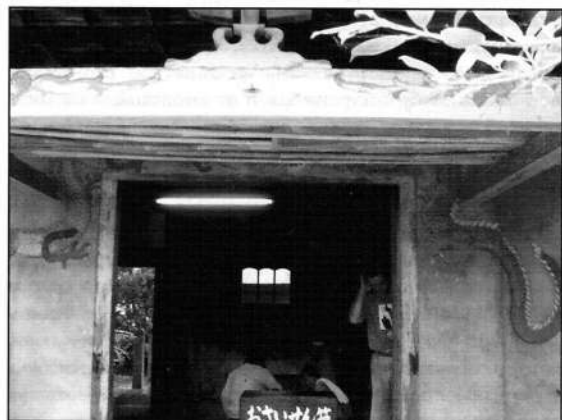
На Рюкю почти все обряды совершаются женщинами, и сами боги обычно предстают в женском облике. Одно из редких исключений — когда мужчины «наряжаются» богами в масках и в одежде из травы — панту на о. Мияко (Симадзири, Нобару), о. Курима. Панту из Симадзири — самые известные.

На диалекте Мияко панту — это оборотни. Считается, что эти божества (панту-ками) изгоняют из селения злых духов, болезни и прочие бедствия. Я отношу их к разряду «божеств, пришедших из-за моря». Можно сказать, что панту — это эквивалент намахагэ или они («чертей») из Северо-Восточной Японии. Они являются воплощением усопших предков; сам же обряд проводится три раза в год (в третьем, шестом и девятом месяцах по старому стилю).

Вместо заключения

Объем публикации не позволил рассказать о многих других важных и интересных сторонах культуры Мияко и Окинавы. Например, о поклонении божествам домашнего очага, неба и солнца, о культе предков, об интервью с шаманками и жрицами (видеозапись таких интервью войдет в мой фильм о культуре Мияко), о замечательных сиси — «львятах Мияко», о местной кухне и о местном же напитке авамори (крепость 30%) и о традиционных способах его употребления. Не стал я пугать читателей и рассказом о традиционных похоронных обрядах, самый знаменитый из которых — сэнкоцу, т.е. «мойка костей» покойника. Не вошли в эту статью и обряды поклонения Дракону — морскому божеству (рюгу нигай), посланцем которого является морская змея. Она явилась мне в последний день моего пребывания на Мияко: на прощание я нырнул в Восточно-Китайское море и наткнулся на желто-черную полосатую морскую змею... Только потом местные рыбаки, смеясь, объяснили мне, что этот вид морских змей не ядовит, а у ядовитых такая маленькая пасть (яд, правда, смертельный), что укубить они могут разве что за палец, и то, если им (пальцем) в них тыкать. Радует то, что хоть наземных змей на Мияко нет, потому что острова — коралловые (на других, вулканических, островах Рюкю их изобилие).

Повстречавшись с морской змеей, я уплывал от нее быстро, так что не успел понять, прощается ли со мной морская повелитель или же, наоборот, не отпускает. Так или иначе, сейчас я собираюсь в очередную экспедицию на Мияко...

Александр Мещеряков: право на смысл

Журнал «Япония. Путь кисти и меча» в трех предыдущих номерах опубликовал серию интервью с интересными людьми — нашими японистами, волею судеб живущими сейчас в Японии. Должен сказать, что сам факт публикации этих бесед радует мое сердце и согревает душу, ибо интервью с Дмитрием Ковалениным, взятое еще два с половиной года назад, никого из издателей тогда не заинтересовало. Митя Коваленин классиком признан не был, и читатели текста не увидели. Не думаю, что два других материала — беседы с профессором Долиным и доктором Молодяковым — вызвали бы более радужный прием — слишком много острых вопросов они ставят. Важно, однако, не это, важно, что главный редактор журнала, который вы сейчас держите в руках, — один из самых известных японоведов нашей страны, редактор и, самое главное, широко мыслящий человек профессор Александр Николаевич Мещеряков — напечатать эти интервью решился. Он счел предложенные ему материалы интересными, несмотря на то, что далеко не во всем согласен с моими предыдущими собеседниками. Чтобы выяснить, в чем же конкретно он с ними не сходится во мнениях, ему пришлось на время переквалифицироваться из главного редактора в интервьюируемого. Итак...

— Александр Николаевич, вы сказали, что далеко не во всем согласны с предыдущими героями интервью в Вашем журнале. Но мне не кажется, что эти беседы образуют некий блок «Молодяков — Долин — Коваленин» с общим идеологическим посылом. Отношение к Японии у них у всех довольно разное. Коваленин, например, стоит на ярко выраженных глобалистских позициях. Не знаю, повлияло ли на него так творчество Мураками или оно попало на уже благодатную почву. Василий Молодяков эту позицию если и разделяет, то не так кардинально. Его интервью, его позиция занимает скорее промежуточное место между Ковалениным и профессором Долиным, в высказываниях которого заметно разочарование. Это, кстати, очень популярная и естественная позиция, поскольку современная Япония к такому разочарованию подталкивает.

— Мне жаль тех русских людей, которые живут там долго и хотят прожить там всю жизнь. Жаль потому, что японцами они никогда не станут, а очень многие, хотя как раз к нашим героям это и не относится, хотят именно этого. Надо понимать, что иностранец в Японии находится на особом положении. Как бы там ни было хорошо, ты все время в гетто. Ты — хэннагайдзин, и ничего с этим поделать нельзя! В чем причина? На мой взгляд, в том, что японцы такие, какие они есть, и мы, русские, — такие, какие мы есть. Но исследователь, как мне кажется, должен уметь — хотя бы немного! — отстраняться и устраняться. Его задача, по возможности, отстраниться и от японской, и от собственной культуры, хотя понятно, что окончательно это сделать невозможно.

Допустим, тебе твоя страна чем-то не очень нравится. Я легко могу понять эту позицию. Но моя, лично моя позиция в этом смысле абсолютно примитивна: где родился, там и живи. Она окончательна, это вопрос веры, а не логики. Если же ты пытаешься внедриться в другую страну, тем более такую, как Япония, то должен понимать, что она тебя неизбежно отвергнет. Многие люди, которые эмигрируют, рассуждают так: я не встроюсь в эту жизнь, но дети смогут. Такое запросто случается в других странах, но в Японии? Думаю, что дети там тоже

не смогут «встроиться». Разве что внуки... Что далеко ходить за примерами, возьмем китайцев и корейцев, которых в Японии 600 тысяч, которые живут там в третьем поколении, которые блестяще говорят по-японски, неотличимы с первого взгляда по своему внешнему облику и которые все равно остаются чужими.

— Ну, что касается китайцев и корейцев, то, возможно, они и сами не очень-то хотят ассимилироваться.

— Да, здесь есть, безусловно, и это, но, тем не менее, среди этих тысяч китайцев и корейцев есть люди, которые хотели бы натурализоваться в Японии, но живут там с видом на жительство и ни с чем другим — это о многом говорит. Японцы до сих пор, на фоне всех разговоров на официальном уровне о глобализации, этого не допускают, не признают. И это их право, они не хотят, чтобы их устои расшатывались поликультурностью, которая — что бы мне ни говорили — вносит в общество дестабилизирующий элемент.

— Не только китайцы и корейцы, наши люди тоже живут там подолгу с видом на жительство. Например, знаменитый доктор Аксенов. Он в Токио с 1942 года, у него хороший бизнес, хорошая семья и отсутствие гражданства. Но его это устраивает. Он — вечный иностранец. Он в этом не одинок, это — позиция, и позиция популярная. Многим нашим молодым японистам эта позиция импонирует, и мне представляется, что они, в сравнении с теми, кому хочется полностью раствориться в японской среде, более дальновидны, разумны, правы.

— Конечно, все люди разные. Один хочет быть хозяином, другой всегда хочет быть гостем. У гостя тоже много преимуществ и привилегий.

— Ему не надо мыть посуду.

— Совершенно верно! Ему не надо мыть посуду, но эти, порой сомнительные, привилегии неизбежно оборачиваются и поражением в правах.

— Хорошо, это во многом проблемы личностные. Есть проблемы гораздо более общие. Например, с точки зрения многих наших в Японии, понимание этой страны в России лишено практической основы, знания наших японоведов, живущих не здесь, а там, оторва-

ны от реальности. Прочитав наше с вами интервью, обязательно найдутся люди, которые скажут, что это написали те, кто сам в Японии устроиться не смог, кто эту страну не знает, не понимает и не воспринимает правильно.

— Такие люди, конечно, найдутся, хотя это соображение ко мне лично не относится — меня звали туда преподавать, но мне все равно комфортнее здесь. Те, кто живут там, действительно очень много знают о Японии. Другое дело, что знание никогда не бывает полным. Может быть, им приятнее жить там, потому что они Японию знают лучше, чем Россию. Я знаю по себе: я русскую историю знаю хуже, чем японскую. Глупость, конечно, но так сложились обстоятельства. Японские русисты, кстати, тоже обычно плохо знают Японию, вернее, традиционную японскую культуру.

— Мне кажется, что наши ученые в принципе гораздо шире образованы.

— Здесь дело такое: японская гуманитарная наука, особенно в последнее время, развивается по западному образцу. Во-первых, гуманитарии вечно испытывают комплекс неполноценности по отношению к естественникам, смотрят — какие у них там методы? И расчленяют объект. Они его разрезают, что в естественных науках приводит к определенному результату. Когда же мы пытаемся расчленить человека: вот это у него психология, вот это у него язык, вот литература, вот это история, на мой взгляд, ничего хорошего из этого не получается. Стоит ли говорить, что почти нет людей, которые пытаются собрать человека по частям обратно.

— А стоило разбирать?

— Может быть, и стоило. Все-таки важно знать, как работают пальцы, кисть, нога... Но это не есть конечный результат! Важно понять, как работает человек в сборке. Поэтому эти науки и называются гуманитарными — науки о человеке, а не науки о ногах или руках. Россия, как более отсталая, в определенном смысле, страна, здесь парадоксальным образом выступает как хранительница некоей гуманитарной традиции, и поэтому нам бывает трудно разговаривать и с западными, и с японскими учеными. Когда ты задаешь им простой вопрос: «Ты исследуешь свой керамический допотопный горшок. А зачем?» — на тебя смотрят как на полного идиота, потому что с их точки зрения горшок важен сам по себе. Да, конечно, важен. Но ведь были люди, которые этот горшок лепили, которые в него что-то наливали, это что-то пили, и им от этого было хорошо. Собрать по частям единое — задача, не имеющая отношения к нашей реальной жизни. Ну, хорошо, собрали человека по частям — скажет кто-нибудь: «А что я могу потребить из этого?» Да ничего, кроме чувства родства. Но для меня, например, это страшно важно — ощущать себя частью Целого! Уникальной, безусловно, частью, но Целого, только на фоне которого твоя жизнь и имеет какой-то смысл. Сам по себе ты родился, умер — ну и что? А когда ты часть целого организма, мне кажется, в условиях прогрессирующего атеизма только это дает право на смысл.

— У меня такое ощущение, что идея глобализма, о которой столько говорил Дмитрий Коваленко, кажется вам не слишком близкой.

— Для меня это странный, не очень понятный термин. Видимо, глобализм — это нечто, что подразумевает состояние гомогенности человечества. Если не сейчас, то

хотя бы в будущем — как цель. Были разные культуры, разные люди, они плохо друг друга понимали. У них были разные языки. Как здорово будет, если все будет похоже! Это как у Шолохова в «Поднятой целине»: «При коммунизме не будет ни белых, ни желтых, ни черных, а все будет приятно смуглявые». Но система должна быть многообразной. Если она не многообразна, она не устойчива, а это очень опасно. Несколько утрируя ситуацию, можно сказать, что глобализация, например, в пищевом коде сводится к тому, что в результате все будут ходить в Макдональдс. Никаких суси не будет — рыбы не хватит. Сведется все к набору, который в Японии называется «кокусай рёри» — не пойми что. Что потом? Достаточно эпидемии коровьего бешенства, и всё — кушать нечего.

Мне кажется, запад глобализма имеет глубоко христианскую, а если смотреть глубже — греческую природу. Единое, цифра «1» считается там лучше, чем цифра «2». На Востоке философия более полицентрична. Есть мужское и женское, Инь и Ян, и это сразу создает большее количество возможностей. Христианская цивилизация подразумевает книжку с определенным артиклем: The Bible — ОДНА книжка. В Китае — Четверокнижие, Пятикнижие, Семикнижие... Если говорить о буддийском каноне, то его вообще никто прочесть не может — настолько он велик! С достаточно давних пор на Востоке заложено Поли — много всего. Мне кажется, для выживания это более плодотворно, чем сведение всего к чему-то Одному.

— То, что вы говорите, выглядит если не критикой, то сомнениями в ценности глобализации. Но проблему можно повернуть другой стороной — Японии глобализация нужна для преодоления внутреннего однообразия, Япония глобализацию переживет, переварит, восприняв глобалистские ценности, но сохранив самобытные ценности — суси останутся.

— Существуют, по всей вероятности, некоторые тенденции, которым мы помешать не можем. Ну, например, глобальное распространение информации. Нравится мне это, не нравится — дело моего вкуса. Мир объективно движется в этом направлении. Но дальше встает вопрос: я это знаю, но хочу ли я этому способствовать?

— Но если процесс объективный, то не достаточно ли просто отойти в сторону?

— Мы с вами твердо знаем, что умрем, не так ли? Тем не менее, каждый хочет прожить подольше. Это иррациональное чувство. С точки зрения логики, оно не имеет никакого смысла — мы все равно умрем. Более того, рано или поздно и планета Земля прекратит свое существование. Мы же почему-то хотим эту земную жизнь продлить. Несмотря на объективность некоторых процессов, каждый из нас занимает некую позицию. Моя личная позиция заключается в том, что культурное, животное, биологическое многообразие дают устойчивость системе. Многообразие дает шанс на продление существования системы в целом. Поэтому все эти идеи глобализации мне не нравятся — они не продуманы стратегически. Они продуманы в практическом отношении — удобно торговать, общаться — это дело хорошее, но в стратегическом отношении они мне кажутся непродуманными.

— Тем не менее, активные сторонники глобализации утверждают, что этот процесс Японии не только полезен, но и необходим, иначе японское общество просто выродится, и признаки этого уже видны. Действительно, это общество, на наш взгляд, выглядит

довольно странно. С одной стороны. Но вот какой вопрос возникает: почему оно выглядит именно так? Не потому ли, что когда-то, не так уж и давно, оно слишком бездумно ринулось в объятия западной цивилизации? Ведь для японцев глобализация началась в Реставрацию Мэйдзи — сто пятьдесят лет назад.

— Безусловно.

— Мне в свое время довелось беседовать с одним психологом на несколько странную тему — о сексуальных отклонениях у японских мужчин, которые носят, к сожалению, довольно распространенный характер. Японец, принимавший участие в беседе, высказал мысль о том, что во время Реставрации Мэйдзи японцы не выдержали столкновения с западной психологией, с западными ценностями жизни, что привело к сбоям в психологических установках — прошу прощения за, возможно, не совсем верные, с научной точки зрения, формулировки. То есть японцы выглядят порой так странно именно потому, что не выдержали, не переварили первого этапа глобализации. Если это так, то возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, японцам явно тесно на островах, с другой — непонятно, к каким последствиям приведет, будем так говорить, абсолютная глобализация. Известный дипломат Акио Кавато, которого в нелюбви к родине упрекнуть трудно, прямо говорит о возможности исчезновения японской нации. Смогут ли японцы переварить глобализацию? Нужна ли она им? Надо ли им оставаться японцами?

— Вы совершенно правильно затронули этот аспект проблемы. Он обсужден и решен в кибернетике: система, которая не имеет связи с другими системами, замкнута и не получает притока новой информации, вырождается — это безусловно. Все дело в степенях — насколько это хорошо или плохо. К сожалению, мы с вами эти степени определить не можем. Моя позиция заключается в следующем: я вижу, что темпы глобализации стремительно растут, я сильно боюсь ее последствий, и моя ответственность заключается в том, чтобы предупредить о том, чтобы не слишком увлекаться. Что касается того, переварят японцы или не переварят, то мое глубокое убеждение заключается в том, что пока сохраняется родной язык, все переваривается. Для меня прелесть человечества заключается в многообразии людей. Люди разные и культуры разные. Я с любовью отношусь и к так называемым «примитивным» культурам — это просто слово такое неудачное. Они культуры себе как культуры, совершенно самостоятельны и отлично себя чувствуют. И к «продвинутым» культурам отношусь хорошо — лишь бы люди были довольны.

— Мне кажется, чем более продвинута культура, тем менее она самостоятельна.

— В результате — да. Она все время требует экспансии — без этого она не может существовать. Для развитого экономического общества трагедией является простая стагнация экономики. Нулевой рост — это паника, люди разоряются! Это несмотря на то, что население не растет. Люди привыкли к тому, что они каждый год должны жить все лучше и лучше. Если этого движения нет, им кажется, что жизнь бессмысленна. В этом смысле менее технологичные общества гораздо более устойчивы психологически. Как наше российское, например.

Мы — выживаем. Выживаем за счет внутренних резервов, за счет того, что «и не такое видали».

Очень все это неоднозначно. Цели, которые поставлены высокотехнологичным обществом, вроде повышения жизненного уровня, — это ценности, которые работают на определенном временном отрезке. На другом отрезке в случае серьезного кризиса все это может обернуться совершенно другим — страшным образом. Те же самые японцы абсолютно беспомощны в самых простых непредсказуемых ситуациях. Я всегда вспоминаю, как в свое время ездил переводчиком с одной японской делегацией в Ташкент. В местной цеховской гостинице были неплохие номера, но не оказалось затычек в ванной. Японцы ко мне, я — к коменданту. Он говорит — нету, мол, и взять их негде. Я сажусь в свою ванну, включаю воду и моя пятка естественным образом входит в сливное отверстие. Сидишь, моешься совершенно спокойно! Я иду к японцам и объясняю, что надо делать. Вы бы видели, как они меня зауважали — я вывел их из чрезвычайно стрессовой ситуации.

— Смекалка дэ! Японцам можно позавидовать — они живут в обществе, где это качество уже не нужно. Когда мы попадем в Японию, то довольно легко адаптируемся. А вот каждый японец, самостоятельно поживший в России хотя бы год, мне представляется едва ли не геросом.

— Это правда. Но вот те, которые могут это переваривать и сумели понять относительность всего, это совершенно нетривиальные люди. Таких в Японии не так много.

— Мне часто приходится слышать выражение «серый кардинал японской политики». А разве там есть красные кардиналы? Те, кто не сер, кто выделяется — манерами, активностью, прической, как правило, занимается лишь внешней, видимой стороной политики. Но мы отвлеклись от темы. Вы говорили о языке, Александр Николаевич: нация жива, пока жив язык. Я не филолог, но, насколько мне известно, в японском языке есть такое странное явление, как катакана, которая сейчас везде очень густо натыкана. Такое ощущение, что половина японского языка состоит из заимствованных слов.

— Интересное дело, статистика свидетельствует, что в процентном отношении количество заимствованных слов — гайрайго — не меняется уже долгие годы. Появляются одни слова, другие исчезают, то есть меняется состав, но не количество. Корневой состав языка не меняется — это страшно интересно!

— Почему-то катакана тоже воспринимается как удар по самобытности японцев. Думаю, нам просто-напросто обидно японцев терять. Вернее даже, не японцев — обидно терять образ.

— Да, образ обидно терять, безусловно. Русская культура вообще с большим трепетом относится к иностранному.

— К восточному особенно.

— Да, в духовном смысле. Способ восприятия себя в мире хорошо виден на следующем примере. Был японский император, и был русский царь. Какие у них были регалии? У нашего царя: скипетр, держава, шапка Мономаха. У их тэнно: меч, зеркало, магатама — такая священная яшмовая штука в форме запятой. Русские всегда подчеркивали иностранное происхождение свои

регалий, гордились тем, что Русь «благословлена» Византией. В Японии меч, безусловно, китайского происхождения. Зеркало — тоже китайское. Магатама, скорее всего, корейского происхождения. Тем не менее, это воспринимается и пропагандируется как свое, и японцы жутко обижаются, когда им говорят, что на самом-то деле все это — чужое! Это глобальная разница в мировосприятии. Японцы говорят, что у них все свое, хотя в своих истоках — почти все корейское или китайское. Русские говорят: «Вот эта вещь хорошая, потому что она иностранная», — и это тоже далеко не всегда правда. Вот такая смешная ситуация получается.

— И все же есть что-то такое, что нас с японцами друг к другу притягивает. У нас с ними какие-то странные отношения...

— Странные, да, очень странные отношения. С китайцами и корейцами такого нет. Если навскидку, русские и японцы — люди очень чувствительные.

— Позвольте вас поправить, профессор! Мне кажется, японцам больше подходит термин «сентиментальны».

— Да, пожалуй, это более правильное слово. Японцы более рациональны, чем мы, но женская сторона души у них развита довольно сильно. Японцы любят русские песни — наш склад души им оказывается близок и понятен. Для русских Япония — в значительной степени мифическая страна. Не случайно русская народная утопическая традиция помещала мифическую страну на востоке. Япония — на востоке. Утопия — всегда остров. Япония — остров. Некоторые русские всерьез считали, что страна Беловожье находится в «Опоньском крае», и в конце XIX-го — начале XX-го веков ездили в Японию на поиски этой страны. Были чрезвычайно удивлены тем, что находили там совсем иное! Там все было устроено по-другому. Но что-то тянет до сих пор... Что-то неопределенное. Я тоже до конца не могу это сформулировать. Может быть, так: в Японии, раз она пока все-таки держится своей культуры, тоже очень силен иррациональный элемент... Культура сама по себе — вещь абсолютно иррациональная.

— Есть в этом что-то слегка мистическое...

— Да, что-то мистическое, что мы сами себе никак не можем проговорить.

— Митя Коваленин помогает создавать образ японца в джинсах — правдивый, в общем-то, образ, но будь Мураками полинезийским писателем, вряд ли он имел бы такой огулительный успех. Если бы «Охота на овца» была книжкой просто о кризисе среднего возраста, это было бы не так интересно. А вот то, что у «Тошубы» тоже кризис среднего возраста, вот это да!

— Безусловно, один образ в этом случае сыграл на другой. И здесь надо сказать, что у русского человека интерес к Японии более бескорыстный, чем на Западе. После того, как Япония несколько сдала свои экономические позиции, после того, как продырявился мьялный японский пузырь, интерес к ней у западных людей заметно остыл, людей, которые хотят изучать Японию и японский язык, стало гораздо меньше. Стало понятно, что на этом особенно не заработаешь. Русские люди в этом смысле более наивные. Я лично не вижу, чтобы интерес к Японии стал в России меньше.

— Да он и возник уже в посткризисный для Японии период. Мы любим Японию просто за то, что

она есть. Но все-таки интересно, почему мы ее так любим?

— Тоска по идеальной жизни, которая где-то должна обязательно быть. Если нет надежды на то, что хоть где-то на Земле должна быть идеальная жизнь, русскому человеку делается обидно.

— Я частенько говорю, что Япония у каждого своя. Какая она у вас?

— Я, безусловно, тоже строю свою утопию. Несмотря на многочисленные столкновения с реальностью, образ некой идеальной Японии во мне живет. Я до сих пор считаю, что японцы люди обязательные. В то же время одним из самых больших разочарований стало мое столкновение с японской академической средой. Это было удивительным и чрезвычайно неприятным открытием, чрезвычайно. Может быть, это произошло потому, что я думал, что вхожу в эту среду как равный, без всяких скидок. Я пришел со своими идеями, кого-то пытался развить, кого-то опровергнуть, и получал чрезвычайно большое противодействие.

— Боюсь, что проблема эта еще шире. Мне много приходилось и приходится сталкиваться с японскими бизнесменами и журналистами, выступающими в роли работодателей. К сожалению, многие из них видят в нас туземцев, готовых работать за бусы. При этом сами они о России имеют смутное представление. Для некоторых таких «специалистов» Россия — это страна рядом с Камчаткой. У нас три города — Москва, Санкт-Петербург и Киев, а между ними Лебединое озеро, на берегу которого Чайковский со Щелкунчиком пьют водку из самовара. Так что если вы — не Чайковский, то миф о том, что придет богатый японский дядя в кимоно и с мечом и засыплет вас деньгами, не имеет права на жизнь.

— Простая вещь: если ты повел японца в ресторан, а не он тебя, — производит на него ошеломляющее впечатление! Это для него шок и ему даже обидно!

— Мы немало говорим о нашем представлении об идеальных японцах. Мне кажется, что образ Японии как страны, близкой по своим характеристикам краю, а жителей, добродетелями своими напоминающих бодхисаттв, поддерживается не только усилиями японского правительства и различных фондов, но и самих японцев. Это здорово! Я бы бы рад, если бы мы — каждый из нас — также поддерживали имидж своей страны! Но иногда у меня возникает ощущение, что японцы, как бы это помягче сказать, зазнались.

— Да, зазнались, у меня тоже такое ощущение. Я помню, как когда-то я купил японский магнитофон, а он сломался. Я сказал об этом своему приятелю японцу, а он гордо ответил: «Этого не может быть!» Им обидно! А ведь последствия глобализации для них тоже могут быть очень обидными.

— Для японцев взгляд на себя со стороны может сыграть с ними заую шутку. Они могут испытать очень серьезный шок. Как они это воспримут?

— Это очень серьезный вопрос, очень. Я думаю, они сунутся в эту глобализацию, а потом немножко остынут — такое мое ощущение. Надеюсь на то, что Япония останется. Та Япония, которую люблю я, которую любят другие. Иррационально верю, что суси останутся!

Беседавал Александр Куланов

Нелли Лещенко

«О этот мир, печальный мир и бренный!» Тайра Киёмори и Токива

У знаменитого художника Хокусая (1760-1849) есть одна замечательная гравюра. Мы видим сидящую вполоборота женщину с распущенными волосами. Горе словно надломило её, поза выражает состояние печальной задумчивости, отрешенное лицо говорит о том, что она погружена в мир внутренних переживаний. Ей надо принять какое-то трудное решение, но каким бы оно ни было, ей это причинит только боль. На ней дорогое кимоно, спадающее тяжелыми, красивыми складками.

Рядом с ней стоит мужчина, одетый в темное кимоно, он опирается на меч. Он выглядит массивным по сравнению с хрупкой женщиной. Его поза передаёт чувство сострадания — он чуть подался вперед и слегка склонился над женщиной.

Это Тайра Киёмори и Токива, жившие в далёком XII веке. Судьба столкнула их в тяжелейшую минуту жизни Токива, когда от воли Киёмори зависела жизнь трёх её сыновей — их отцом был Минамото Ёситомо, а дом Минамото был злейшим врагом Тайра. Киёмори, пораженный красотой Токива, обещал пощадить её детей, если она станет его наложницей. Трагический момент в судьбе Токива и отразил художник, а гравюра стала прекрасной иллюстрацией к известному историческому сюжету.

Кто же такой Тайра Киёмори?

XII век в Японии — период, полный драматизма, время жестокой и кровопролитной борьбы могущественных домов, каждый из которых претендовал на верховную власть в стране. Неукротимый Тайра Киёмори (1118-1181) вёл своё происхождение от императора Камму, который основал в конце VIII в. новую столицу Хэйан. Как правило, представители этого рода назначались на должность управителей провинций, и эта служба ослабила связи Тайра с правящим домом. Но при Киёмори его род достиг вершины славы, в своём могучем кулаке он сжал дряблый, погрязший в интригах, выродившийся, всецело увлеченный обманчивым блеском чинов и церемоний двор. Беспощадно сметая всё на своём пути, упиваясь властью, он однажды дал приказ остановиться солнцу.

При Киёмори весь его род благоденствовал — начальники дворцовой стражи, сановники и чиновники, правители разных земель назначались из дома Тайра, казалось, будто на свете и впрямь нет достойных людей, кроме отпрысков дома Тайра.

У Киёмори было восемь дочерей. Всех он удачно выдал замуж. Одна стала супругой государя, у неё родился сын, его вскоре объявили наследником. Родная дочь князя Киёмори, Мать страны — что может быть почетнее! С восшествием на престол наследного принца Киёмори с супругой стали дедом и бабкой государя.

Из 66 провинций Японии под властью семейства Тайра находилось свыше тридцати. А сколько было у них личных поместий, сколько полей — не счесть! Усадьба Рокухара расцвела яркими красками; золото, драгоценная яшма, атлас, парча из Китая — все сокровища были здесь. По роскоши усадьба Киёмори не уступала дворцу государя или принца. Нарядные люди толпились в залах, кони и кареты гостей рядами стояли у ворот, там было оживленно и многолюдно, как на городском торжище.

Говорили, что дом Тайра процветает благодаря воле богов. Киёмори храбро сражался на стороне государя и сурово карал изменников смертью, за что и получал награды и привилегии. Таких почестей, каких удостоился Киёмори, не знал никто из девяти поколений его предков.

Пятидесяти лет от роду Киёмори внезапно занемог и поспешил принять монашество. Он взял имя Дзёкай, что значит «Океан чистоты». Видимо, и вправду этот поступок был угоден буддам — Киёмори исцелился от недуга и прожил столько лет, сколько было уготовано ему свыше. И опять все смиренно повиновались его приказам, старались любыми способами порадовать с домом Тайра. Во всём, что ни возьми, будь то покрой одежды или обычай по-особому носить шапку, стоило только заикнуться, что так принято в Рокухара, как все спешили сделать точно так же.

Красавица Токива была придворной дамой при дворе государыни Кудзё, где ее и замети-

Ёситомо из дома Минамото. Этот дом вёл своё начало от одного из сыновей государя Сэйва, что правил в IX в. В прежние годы и вплоть до недавних времён войны Тайра и Минамото вместе служили трону, вместе усмиряли мятежников. Оттого покой и порядок царили в Поднебесной. Но в XII в. в стране началась смута, которая развела дома Тайра и Минамото по разные стороны и сделала их злейшими врагами.

Ёситомо сделал Токива своей наложницей, она родила ему трёх сыновей, самый младший из которых по имени Ёсицунэ впоследствии возглавил дружины Минамото и разгромил дом Тайра, а сводный брат Ёситомо — Ёритомо — стал сёгуном.

В 1159 г. Ёситомо выступил против Тайра, но потерпел поражение и был убит во время бегства вероломным вассалом. Его старшие сыновья погибли, но младшие уцелели. Токива в это время находилась в столице, старшему сыну было семь, среднему — пять, а младшему — Ёсицунэ — не исполнилось и года. До Токива дошли ужасные слухи, что Тайра Киёмори приказал схватить всех оставшихся в живых детей Ёситомо и зарезать. Подхватив троих сыновей, она покинула столицу и укрылась в провинции Ямасиро. Но вдруг пришло известие, что её матушка, проживавшая в столице, схвачена людьми из Рокухара и подвергается жестокому допросам. Узнав об этом, Токива впала в отчаяние. «Ведь если спасать матушку, то надо отдать под нож троих сыновей. А если спасать сыновей, то погибнет престарелая родительница». Она извелась, рыдая о матери и мучаясь думой о детях, и не знала, на что решиться. Даже ради матери можно ли обречь на смерть родное дитя? Но если чтить родителей превыше всего, так не послужит ли это во благо и сыновьям? Уповая на это, взяла она троих детей и с горьким плачем пустилась в столицу.

Когда весть об этом дошла до Киёмори, он повелел своим вассалам доставить её с детьми в Рокухара, мечтая, как жестоко он будет её мучить, но увидел Токива, и гневное сердце его смягчилось. В ту пору она считалась первой красавицей в Японии. «Если только склонится к моим желаниям, — подумал Киёмори, — тогда пощажу я её сыновей, пусть даже их потомки станут врагами моим внукам». И вот Киёмори стал изо дня в день писать ей. Вначале она не прикасалась к письмам, но в конце концов ради спасения детей уступила его желаниям. Только так смогла Токива вырастить сыновей. Старшего и среднего отдали в монастырь, а младший рос при матушке до четырёх лет, душевностью и благородством превосходя всех.

Между тем Токива родила от Киёмори дочь, которая стала прислужницей вдовствующей государыни. Но постепенно Киёмори охладил к красавице, и она покинула его.

В конце жизни Киёмори одолел ужасный недуг, у него началась горячка, всё тело его горело, как в огне. Чувствуя нестерпимый жар, он захотел выкупаться в холодной воде. Когда он погрузился в воду, вода чуть не закипела, а его страшный крик был слышен далеко-далеко. Киёмори чувствовал себя все хуже и хуже. Родичи окружили изголодые больного, спрашивая, не желает ли он сказать что-нибудь напоследок. Тяжело дыша, Киёмори заговорил: «Всё живое неизменно умирает. Не один только я! За заслуги перед императорским домом я заправлял страной, как хотел. Я достиг высшего положения, какое доступно для подданного. Императору я стал дедом по матери! О чём же мне жалеть ещё? Но есть одно, о чём я жалею. Это то, что я умираю, не нагнавшись на отрубленную голову Минамото Ёритомо! И когда я умру, не приносите жертвы Будде, не возносите молений ему. Одно только! Отрубите вы Ёритомо голову и повесьте её, эту голову, перед моей могилой! Вы, мои сыны, мои внуки, мои подвластные, рабы мои! Зарубите же в память себе слова мои и не уклоняйтесь от них!» Семь дней проболел Киёмори и умер на шестьдесят четвертом году своей жизни. Тысячи воинов, преданных ему душой и телом, теснились рядами в его усадьбе, готовые отдать свою жизнь за своего господина, но им неподвластно было одолеть невидимых посланцев подземного мира. На седьмой день тело Киёмори предали огню. Был Киёмори могуч и властен, по всей стране гремело его грозное имя, но и он в одночасье обратился в дым и рассеялся в небесах над столицей.

*Голос колокола в обители Гион
звучит непрочностью всех человеческих деяний.
Краса цветков на дереве Сяра
являет лишь закон: «живущее — погибнет».
Гордые — недолговечны:
они подобны сновидению весенней ночью.
Могучие — в конце концов погибнут:
они подобны лишь пылинке перед ликом ветра.*

(перевод Н.И. Конрада)

Александр Куланов

Записки от зависти

Японцы всегда обожали писать дневники и записки. К числу самых известных произведений этого жанра относятся, например, знаменитые «Записки от скуки» Кэнко-хоси. Не от головы или живота, как можно было бы подумать (от живота они предпочитали вещи посерьезнее), а от скуки. Рассказал японский монах о том, что его занимало, от чего скучал, и, быть может, от скуки и излечился.

Когда, вернувшись из Японии, я спускаюсь в московское метро и лихорадочно ищу платок, чтобы зажать нос, то испытываю острое чувство стыда (Михал Михалыч Жванецкий в 1989 году писал: «Простите меня за то, что я был, а вы не были в Японии») и не менее острое желание написать записки от зависти. Думаю, я не одинок в этом своем низком чувстве. Слишком многие наши люди завидуют Японии и японцам. Завидуют тому, как работают, как отдыхают, завидуют космическому японскому быту, унитазам а-ля «Спейс шаттл». Да мало ли чему еще можно завидовать... Вот я и подумал: а если написать записки от зависти, может быть, зависть и пройдет?

1. Смерть от жуимотины

Самые популярные в этой стране виды отдыха называются «каимоно» (шоппинг) и «табэмоно» (хождение по ресторанам), но мы пока обратимся к более известным у нас вещам. Например, к любованию сакурой. С каким умилением, вторя поэтам и писателям, мы восторгаемся: японцы так мило любят ветку сакуры, так утонченно наливают сакэ и слагают стихи! Они ждут наступления каждой весны с таким нетерпением — вот-вот зацветет вишня! Как это возвышенно! Хорошо, что наши дачники в большинстве своем не относятся к числу фанатов японской жизни, а то еще немного, и у нас отказались бы от черешни в пользу японской бесплодной красоты. Черешни было бы жаль, но такой красоте я, скажу честно, завидую. Бело-розовое великолепие на несколько недель окутает всю страну, и опадающие лепестки, о которых в Москве разве что ленивый не знает, что они — символ оборванной жизни самурая, кружась в вальсе, упадут в чашки с сакэ:

*Сакуры нежной цветок
В водки стакан опустил.
Как хорошо!
(www.susi.ru)*

Каждой весной 20-25 японцев расстаются с жизнью из-за любви к прекрасному — они упиваются насмерть. Любованию сакурой для многих жителей этой страны слишком уж неразрывно связано с алкоголем. Как можно смотреть на эту красоту без стакана в руке? Смахивая sentimentalную слезу, японские мужчины устраивают поэтические турниры, викторины, игры, где проигравших ждет одно наказание — штрафная. Я завидую японцам. Они доросли до того уровня, когда количество смертей от перепрогнозируемо и держится на практически неизменном — потрясающе низком — уровне столетиями. Они травятся священным рисовым вином, слушая стихи и наблюдая за опадающими лепестками точно так же, как травились их деды прадеды. И только 20-25 человек в год. Не тысячу сотен — два десятка человек. Лимит. Великая страна.

Помните, как мы смеялись, узнав, что президент Буш чуть не расстался с жизнью, подавшись не то пончиком, не то коврижкой? Японцам было смешно. Каждый Новый год 2-3 японские старичка делают то, что не под силу президенты супердержавы — они умирают от жуимотины. Здесь принято справлять Новый год установленным порядком: есть холодную гречишную кашу, пить с утра сакэ и давиться сладковатыми рисовыми лепешками — моти. Эти самые моти обладают странным свойством — они очень долго прожевываются. Японские дедушки и бабушки знают об опасности, но из года в год, из столетия в столетие хладнокровно рискуют. Вы скажете, что такое для страны с населением 126 миллионов человек 2-3 смерти на Новый год? Ерунда, ерунда. Но каково упорство! В другой стране давно бы еще раз сакэ выпили. Но в Японии традиция превыше всего! Знают, но даются. И деды и внуки давились, и прадеды — самураи, дети самураи

я опять немножко завидую им. Такое упорство, да еще и в мирных целях... Завидую.

2. Закон «орануса»

Всем известно — сегодня Япония переживает экономический кризис. Рядовые граждане этой страны тоже «в курсе» и, хотя у большинства семей материальное положение все еще позволяет эту новость игнорировать, законопослушные японцы готовятся к невзгодам. Отказ от менеджмента в японском стиле с его пожизненным наймом и переход к свободной конкуренции держат теперь в напряжении даже неприкосновенных прежде начальников предпенсионного возраста. Хотя японцы бесконечно далеки от того, чтобы покупать новогодние подарки в стойеновых магазинах, все большее количество покупателей устремляется в ширящиеся сети дешевых универсамов. В магазинах сети «ЮНИКУРО» (UNIQLO) скупается произведенная, главным образом, в Китае и Вьетнаме яркая и качественная одежда в среднем по 1-2 тысячи йен. Сэкономленные деньги потом с воплями радости вкладываются брэндофилами в покупку фантастически популярных и столь же дорогих сумочек «Луи Виттон» (LOUIS VUITTON) — 150-300 тысяч йен штука. По телевидению то и дело транслируются программы, передающие опыт отдельных семей по сбережению кровно заработанной йены. Обычно в конце таких передач объявляется: «Семья Ямамото сэкономила в этом месяце 4357 йен и теперь отправляется в ресторан», где и отмечает столь небывалый успех на сумму, в 4-5 раз превышающую содержимое кубышки.

Но и это еще не предел. Наиболее рьяные домохозяйки решительно отправляют своих мужей по утрам в общественные туалеты — воду тоже надо экономить. Мужьям приходится трудно — на сумму, уже в десятки раз превышающую размеры экономии, они каждый вечер напиваются со своими друзьями пива, которое утром должны донести до ближайшего парка или станции метро. Они не могут по-другому. Это закон пелевинского «орануса» — чем больше производишь, тем больше потребляешь. А если кризис, то экономишь то, что потребляешь для того, чтобы потреблять еще больше, и это — тот редкий случай, когда я японцам не завидую.

3. Место достижения удовольствия

Финансы тщательно берегаются для решительного инвестирования не только в драгоценности и модную одежду, но и в необходимые, по мнению японцев, высокоинтеллектуальные предметы обихода. При этом интеллектуализация добралась до самых потаенных уголков японских

квартир. Наконец-то налажен выпуск туалетов, разговаривающих с хозяином и делающих ему массаж филейной части мощными водяными струями с ароматами от лидеров мирового парфюма. Да что парфюм! Волшебный сортир способен на месте производить анализ кала и отправлять его (анализ, разумеется) по интернету в медицинский центр. Выложив за такой аппарат дополнительные несколько манов (десятков тысяч йен), хозяева чудо-сортира могут теперь годами экономить на электричестве — унитаз не только играет классическую музыку, но и светится в темноте. Идея сдавать анализы под звуки арфы, сидя на светящемся стульчаке, соединенном со Всемирной паутиной, должна прийтись японцам по вкусу — разве это не интеллектуально? Возникает, правда, несколько вопросов. Например, нужна ли для светящегося унитаза светящаяся туалетная бумага? Что именно говорит галльон-собеседник справившему нужду хозяину? Как японцы теперь намерены бороться со своей национальной болезнью № 1 — извините, геморроем? Если уж они и раньше в позе орла умудрялись стихи сочинять, то теперь... Наконец, возможно ли использование такого чуда в России? Боюсь, что, в связи с малой степенью вовлеченности в интернет наших медицинских центров, покупать такие чудо-стульчаки будет интересно только «новейшим русским» — можно обмениваться результатами анализов друг с другом.

Я завидую японцам — они построили то, о чем мечтали наши отцы и деды — если не коммунистическое общество, то что-то очень похожее. Когда Никита Сергеевич пообещал нам коммунизм при жизни одного поколения, серьезнее всего это обещание восприняли в Японии. Те студенты, которые в шестидесятых дрались с полицией и бандитами-якудза на улицах японских городов, отстаивая идеалы марксизма, сегодня руководят фирмами, компаниями, корпорациями. Они сделали вид, что побеждены и победили сами. Строили капитализм под руководством Соединенных Штатов. Построили национальный коммунизм для самих себя. В Японии самые счастливые и беззаботные категории населения — дети и старики. Первым пока все равно. Вторым уже все равно. Те, кто посередине, работают. Кто не выдерживает, бросается из окна или под поезд. Их много. С каждым годом их становится все больше. Но и этот рост предсказуем, как рост валового продукта. Предсказуем, как почти все в Японии, кроме ее будущего. Когда я смотрю на японскую молодежь с крашеными губами и в безумной одежде, на молодых клерков, бредущих по улицам в одинаковых темных костюмах и с ниточками слюны, свисающими из вечно открытых ртов, я думаю о том, что будет дальше. И заранее немножко завидую.

Словарь японских религий

В этом году в Институте стран Азии и Африки при МГУ была создана кафедра истории и культуры Японии. Задача кафедры – воспитывать новое поколение японистов, знания которых будут находиться на самом высоком уровне самых высоких международных стандартов. Гарантией этому служит преподавательский состав кафедры, где работают лучшие отечественные специалисты. Кроме них, лекции читают и признанные историки из Японии.

Студенты кафедры прослушивают не только уже ставший привычным подробнейший курс лекций по истории Японии от древности до наших дней. Им предлагается и множество уникальных спецкурсов по бытовой культуре, искусству, религии, общественной мысли и много-много другое. Где бы ни работал после окончания Института выпускник, полученные на кафедре знания позволят ему свободно ориентироваться в любой проблематике, связанной с Японией.

Поскольку сотрудники кафедры являются одновременно и постоянными авторами журнала, а ее студенты – такими же постоянными читателями, мы решили создать постоянную рубрику «Кафедра». Материалы этой рубрики послужат бесценным подспорьем для студентов и преподавателей всех вузов России, а также для всех тех, кто хочет глубже познакомиться с историей и культурой этой замечательной страны. В первом выпуске рубрики мы печатаем первую часть словаря японских религий. Читайте, изучайте, сдавайте экзамены и наслаждайтесь. Номер журнала советуем хранить вечно.

Аматэрасу (Аматэрасу Омиками) – букв. «Светящаяся с неба великая богиня», главное божество пантеона **синто**. Считается прародительницей императорского рода. Согласно синтоистской мифологии, была порождена богом Идзанаги, когда он омывал левый глаз после путешествия в Страну Мертвых («Кодзики»), или Идзанаги совместно с богиней Идзанами («Нихон сёки»). Считалась управительницей Небесного мира – Равнины Высокого Неба (Такамагахара). Аматэрасу отправила своего внука Ниниги-но Микото для умиротворения островов Японии, вручив ему зеркало, меч и драгоценный камень, которые стали впоследствии императорскими регалиями.

Главное святилище Аматэрасу расположено в Исэ (префектура Миэ), где она почитается во «Внутреннем святилище» (Найку). Культ Аматэрасу, будучи до этого лишь родовой святыней правящего дома, получает общепонимание распространение приблизительно с XII в., в связи с чем приобретают популярность паломничества в Исэ, проходящие с особым размахом с XVII в. (окагэ маири).

Иконографическим символом Аматэрасу считается зеркало (в раннем синтоизме антропоморфные изображения богов отсутствуют). В Средние века (в особенности в XIII–XVI вв.) в рамках школы **рёбу-синто** наблюдаются попытки идентификации Аматэрасу с космическим буддой **Дайнити** (санскр. Махавайрочана) в силу того, что тот, согласно буддийской мифологии, также является носителем солнечного света. См. также **Синтоистская мифология**, **Исэ Дайдзингу**, **Ватараи-синто**.

Амида – санскр. Амитабха («Бесконечный свет») и Амитаюс («Бесконечная жизнь»), один из важнейших будд махаяны. Местоположением Амида является Чистая Земля (рай – яп. Дзёдо), находящаяся на западе. Этот рай является «чистым» местом (в противоположность «грязной» и греховной земле), он населен буддами и бодхисаттвами.

Письменным истоком культа Амида является сутра «Сукхавати-вьюха» (яп. «Даймурёдзюкё»). Она описывает жизнь бодхисаттвы Дхармакара (яп. Ходзо, будущий будда Амида). Дхармакара принес 48 обетов, которые были призваны спасти всех живущих. После исполнения этих обетов Дхармакара достигает состояния будды. Главным из этих обетов считается восемнадцатый, согласно ему Дхармакара не станет буддой до тех пор, пока все люди, верящие

大泉
野子
安阿彌陀寺

Словарь японских религий

В этом году в Институте стран Азии и Африки при МГУ была создана кафедра истории и культуры Японии. Задача кафедры – воспитывать новое поколение японистов, знания которых будут находиться на самом высоком уровне самых высоких международных стандартов. Гарантией этому служит преподавательский состав кафедры, где работают лучшие отечественные специалисты. Кроме них, лекции читают и признанные историки из Японии.

Студенты кафедры прослушивают не только уже ставший привычным подробнейший курс лекций по истории Японии от древности до наших дней. Им предлагается и множество уникальных спецкурсов по бытовой культуре, искусству, религии, общественной мысли и многое-многое другое. Где бы ни работал после окончания Института выпускник, полученные на кафедре знания позволят ему свободно ориентироваться в любой проблематике, связанной с Японией.

Поскольку сотрудники кафедры являются одновременно и постоянными авторами журнала, а ее студенты – такими же постоянными читателями, мы решили создать постоянную рубрику «Кафедра». Материалы этой рубрики послужат бесценным подспорьем для студентов и преподавателей всех вузов России, а также для всех тех, кто хочет глубже познакомиться с историей и культурой этой замечательной страны. В первом выпуске рубрики мы печатаем первую часть словаря японских религий. Читайте, изучайте, сдавайте экзамены и наслаждайтесь. Номер журнала советуем хранить вечно.

Аматэрасу (Аматэрасу Омиками) – букв. «Светящая с неба великая богиня», главное божество пантеона синто. Считается прародительницей императорского рода. Согласно синтоистской мифологии, была порождена богом Идзанаги, когда он омывал левый глаз после путешествия в Страну Мертвых («Кодзики»), или Идзанаги совместно с богиней Идзанами («Нихон сёки»). Считалась управительницей Небесного мира – Равнины Высокого Неба (Такамагахара). Аматэрасу отправила своего внука Ниниги-но Микото для умиротворения островов Японии, вручив ему зеркало, меч и драгоценный камень, которые стали впоследствии императорскими регалиями.

Главное святилище Аматэрасу расположено в Исэ (префектура Миэ), где она почитается во «Внутреннем святилище» (Найку). Культ Аматэрасу, будучи до этого лишь родовой святыней правящего дома, получает общепонское распространение приблизительно с XII в., в связи с чем приобретают популярность паломничества в Исэ, проходящие с особым размахом с XVII в. (окагэ маири).

Иконографическим символом Аматэрасу считается зеркало (в раннем синтоизме антропоморфные изображения богов отсутствуют). В Средние века (в особенности в XIII-XVI вв.) в рамках школы **рёбу-синто** наблюдаются попытки идентификации Аматэрасу с космическим буддой **Дайнити** (санскр. Махавайрочана) в силу того, что тот, согласно буддийской мифологии, также является носителем солнечного света. См. также **Синтоистская мифология**, Исэ Дайдзингу, Ватараи-синто.

Амида – санскр. Амитабха («Бесконечный свет») и Амитаюс («Бесконечная жизнь»), один из важнейших будд махаяны. Местоположением Амида является Чистая Земля (рай – яп. Дзёдо), находящаяся на западе. Этот рай является «чистым» местом (в противоположность «грязной» и греховной земле), он населен буддами и бодхисаттвами.

Письменным истоком культа Амида является сутра «Сукхавати-вьюха» (яп. «Даймурёдзюкё»). Она описывает жизнь бодхисаттвы Дхармакара (яп. Ходзо, будущий будда Амида). Дхармакара принес 48 обетов, которые были призваны спасти всех живущих. После исполнения этих обетов Дхармакара достигает состояния будды.

Главным из этих обетов считается восемнадцатый, согласно ему Дхармакара не станет буддой до тех пор, пока все люди, веря-

大泉
野子
安阿彌陀寺

в него и повторяющие его имя, не возродятся в Чистой Земле, которую ему удалось создать в результате накопления достоинств в течение времени, не поддающегося исчислению.

Култ Амида пользовался чрезвычайной популярностью во всей Восточной Азии. Изображения этого будды доминируют в иконографии танского Китая (618-907), когда буддизм достиг там пика своей популярности. Култ Амида распространен практически во всех школах японского буддизма, в том числе и в самых ранних. Он проникает в Японию еще в VII в. В школе **Тэндай** практиковалась «ходячая медитация» вокруг статуи Амида, для чего строились специальные молельни. Школа **Сингон** считала Амида одним из пяти основных «будд мудрости» (дхьяни-будда), во многих храмах этой школы Амида почитается в качестве основной святыни. Куя (903-972) считается родоначальником практики постоянного возглашения имени будды Амида (нэнбуцу), что рассматривалось как проявление глубокой и страстной веры. Куя возглашал имя Амида и одновременно танцевал, достигая состояния шаманского транса. Однако в его время «спасение верой» считалось путем более низким по сравнению с толкованиями сутр и медитацией.

Особенной популярностью Амида стал пользоваться с конца периода Хэйан как в среде аристократов, так и в рамках школы Чистой Земли (**Дзёдо**) и ее разновидностей, считавших Амида спасителем, встречающим заслуживших вознесения у входа в Чистую Землю. Усиление культа Амида в это время было связано с распространением эсхатологических идей, верой в близкий конец света (**Маппо**). В учениях **Хонэн** (1133-1212) и **Синран** (1173-1262) Амида стал рассматриваться как божество, спасительные силы которого активизируются путем повторения магической формулы «Наму Амида буцу» («Я верю в будду Амида»), что считалось достаточным для спасения даже при отсутствии других достоинств. В честь Амида было построено множество храмов. Самым известным из них является павильон Хоодо в храме Бёдоин в Удзи.

Амида обычно изображается в сопровождении двух бодхисаттв — **Каннон** и **Сэйси** (санскр. Махаштхамарапта).

Буддизм — наряду с **синто**, одна из двух основных религиозных систем древней, средневековой и современной Японии. Буддизм получает распространение с середины VII в. Первоначальным толчком для этого послужила необходимость создания общегосударственной идеологии, функционирование которой на основе разрозненных культов **синто** было в то время невозможно. В первую очередь в распространении буддизма был заинтересован правящий род и нарождавшаяся служилая знать (например, род Сога), среди которой было немало представителей иммигрантских родов из Кореи и

Китая. Служилая знать не имела достаточных возможностей для вертикальной мобильности, поскольку социальная структура определялась тем, к какому из древнейших божеств пантеона **синто** данный род возводил свое происхождение (служилая знать, естественно, не могла похвастаться своей родовой истинностью). В связи с этим буддизм на первых порах встречается с определенной оппозицией со стороны наиболее мощных родов старой аристократии (Мононобэ, Накатоми и др.). Однако с течением времени объективные интересы нарождавшейся государственности централизованного типа взяли верх, и буддизму начинает оказываться прямая государственная поддержка (строительство храмов, проведение при дворе буддийских церемоний и ритуалов).

Древние и средневековые источники отводят особенно большую роль принцу Сётоку-тайси (574-622), который до сих пор считается одной из ключевых фигур, содействовавших распространению буддизма в стране. Так, ему приписывается основание храма Хорюдзи, первые в Японии комментарии к буддийским сутрам.

Пик государственной поддержки буддизма приходится на период Нара. В правление Сёму в каждой провинции были построены государственные буддийские храмы, а в самой столице возведен гигантский храм **Тодайдзи**. Монахам в этих храмах вменялось в обязанность возносить молитвы о благополучии государства, которое ассоциировалось, прежде всего, с сакральной фигурой императора. Однако после попытки государственного переворота, предпринятого в 770 г. монахом Докё, наступает охлаждение государства к буддизму, становится ясно, что он начинает выходить из-под тотального контроля, который это государство пыталось ему навязать (так, согласно законодательству VIII в., буддийским монахам было запрещено покидать пределы своих храмов для ведения проповеди).

Однако к этому времени буддизм набрал уже достаточно сил, чтобы обходиться без государственной поддержки (хотя большинство буддийских деятелей и в дальнейшем продолжали искать такую поддержку у властей). Это было связано с тем, что буддизм отвечал потребностям формирующейся средневековой личности и возлагал на эту личность персональную этическую и религиозную ответственность за совершенные деяния (модус поведения человека в синтоизме носит коллективный характер, концепция посмертного существования не разработана). Буддизм предлагал ясную и определенную концепцию рая и ада, прижизненного воздаяния за совершенные деяния. Первым памятником такого народного понимания буддизма был сборник буддийских преданий и легенд «Нихон рёйки» (составлен на рубеже VIII-IX вв. монахом Кёкай).

С самого начала своего распространения в Японии буддизм испытывал значительное влияние со стороны **синто**. Так, многие буддийские храмы

получили статус узидэра — «родовых храмов», молитвы в них были призваны обеспечить благополучие именно того рода, которому принадлежал храм. Поскольку эти храмы строились на земле, которая находилась «в ведении» синтоистских божеств, то последние стали восприниматься в качестве охранителей вероучения Будды.

Буддизм периода Нара еще не был разделен на различные школы. Их появление связано с деятельностью **Сайтё** и **Кукай** — основателями школ **Тэндай** и **Сингон**, которые несли на себе сильное влияние эзотерического буддизма (тантризма). Поклонниками их ритуалов и культового искусства были многие императоры и аристократы. Именно в недрах Сингон и, в особенности, Тэндай вызревают те течения религиозной мысли, которые к концу периода Хэйан и в период Камакура оформляются в самостоятельные школы (см. **Амида**, **Дзёдо**, **Дзёдо синсю**, **Нитирэн**). Вместе с тем в это время получает широкое распространение и учение **Дзэн**, которое пользовалось прямой поддержкой первых сёгунатов.

В правление сёгуната Токугава буддизм оказался под чрезвычайно жестким государственным контролем. В отличие от предыдущих периодов, он не дал ни одной крупной фигуры, которая бы полностью принадлежала буддийскому миру. Сёгунат Токугава использовал сеть буддийских храмов в качестве подразделения государственного аппарата. Каждый подданный был приписан к ближайшему храму (а не к храму избранной им школы), что привело к значительному нивелированию различий между ними и ослаблению дискуссий по вопросам догматики. Разрешение на путешествие выдавалось в том случае, если храм удостоверял, что прихожанин не является христианином.

После Реставрации Мэйдзи тогдашнее правительство взяло решительный курс на превращение синто в государственную религию, что вылилось в гонения на буддизм.

В настоящее время в стране имеется около 80000 храмов и 150000 буддийских монахов. Число адептов буддизма не поддается исчислению, поскольку среднестатистический японец не считает взаимоисключающим посещение буддийских и синтоистских служб. Так, похоронный обряд справляется практически всегда согласно буддийским установлениям (кремация), а свадьба проводится в соответствии с синтоистским ритуалом.

Историческое развитие буддизма в Японии выявляет важные его характеристики, отражающие особенности японской культуры, образа мышления, общей социальной организации: 1) японский буддизм породил сравнительно мало оригинальных философов, что находится в прямой связи с прагматической ориентированностью культуры и ее малой склонностью к метафизическим рассуждениям; 2) японский буддизм породил достаточно большое

количество первоклассных художников, скульпторов, поэтов и писателей, что отражает конкретный и наглядно-чувственный модус мировосприятия японцев; 3) японский буддизм склонен к порождению лидеров харизматического толка, культ исторических личностей занимает в нем очень значительное место; 4) почти все школы японского буддизма настаивают на возможности сравнительно быстрого («в этом теле» или же мгновенного — как в **Дзэн**) достижения просветления; 5) японский буддизм придает огромное значение церковной организации адептов, рассматривая их как единицу социальной квазиродственной организации, что связано с влиянием синто и конфуцианства.

Ватараи-синто (Исэ-синто) — школа синтоизма. Получила свое название по фамилии жрецов, отправлявших синтоистские ритуалы во «Внешнем храме» Исэ, где почиталась богиня еды Тоёукэ. В конце XIII в. жрецы Ватараи составили несколько «тайных книг» (они получили название «синто гобусё» — «пять книг синто»), которые якобы были написаны их предками ранее «Кодзики» и «Нихон сёки». В противовес жрецам Накатоми из «Внутреннего храма» они считали, что наиболее древним (т.е. главным) божеством Исэ, а значит и синто в целом, является Тоёукэ, а не **Аматэрасу**, почитавшаяся во «Внутреннем храме». Дебаты по поводу подлинности «тайных книг» продолжались вплоть до 1871 г., когда они были официально признаны сфабрированными.

Гэнсин (942-1017) — японский буддийский монах, принадлежал к школе **Тэндай**, основанной **Сайтё** (867-822). Родился в провинции Ямато. Автор нескольких сочинений, наибольшей известностью среди которых пользуется трактат «Одзё ёсю» («Основа учения о возрождении в раю»), заложивший в Японии основы амидаизма.

Дайдзёсай (ониэ мацури или онам мацури) — ритуал восхождения императора на престол. Буквально означает «Великий праздник вкушения новых плодов».

Дайдзёсай — это разновидность ежегодно отправляемого в 11-ой луне ритуала праздника вкушения новых плодов (синдзёсай или же ниинамэ мацури, т.е. практикуемого во всех аграрных обществах ритуала нового урожая. Впервые ритуал Дайдзёсай был исполнен при восхождении на престол Тэммы (последний по времени — в ноябре 1990 г., когда Сёва был сменен Хэйсэй). Известно, что во время этой церемонии представитель рода Имибэ преподносил государю регалии его власти (зеркало и меч) глава Накатоми возглашал молитву-благопожелание. В ней, в частности, говорилось:

*По изволению бога и богини,
прародителей могучих владетеля нашего,
восемь миллиардов божеств*

божественным сбором собрались,
и так назначили боги:
«Взвук наш царственный, повелитель,
деянья начав на Равнине Высокого Неба,
мирно, спокойно правь
страной ботавых равнин тростниковых
и тучного колося,
на высоком престоле небесном восседая,
солнцу небесному наследуя.
И, как небесную трапезу,
как долгую трапезу, вечную трапезу,
тысячу осеней по пять сотен осеней
колося драгоценные мирно, спокойно
на священном дворе вкушай».

(Перевод Л.М. Ермаковой)

Подготовка к церемонии начиналась в 8-ой луне. Во всех основных синтоистских храмах проводился ритуал «великого очищения», для отправления которого двором делались приношения этим храмам. Тогда же с помощью гадания определялись два поля, откуда священный рис (юки и суки, этимология неизвестна) нового урожая доставлялся во дворец. Для его хранения строился специальный амбар. Там же изготовлялось священное сакэ. За месяц до Дайдзэсай сам государь начинал подготовку к основному ритуалу. Сначала он совершал священное омовение (мисоги), чтобы очиститься от скверны перед общением с богами. После этого он должен был во избежание ритуального загрязнения пребывать в специально построенном «дворце воздержания». Это воздержание включало в себя различные запреты, в том числе отказ от мясной пищи. Накладывались ограничения и на вербальное поведение — предписывалось говорить «сон» вместо «болезнь», «пот» вместо «кровь», «выздоровление» вместо «смерть» и т.д. Аналогичные табуации должны были соблюдать и все участники предстоящего ритуала.

Сам основной ритуал проводился в специально построенном комплексе (дайдзёгу), включающем три основных помещения — юкидэн, сукидэн и кайрюдэн (помещение для ритуального очищения будущего императора). Туда доставлялись сакэ, рис, модели гор (симэяма), украшенные ветками сосны и сливы, изображениями солнца и луны. В вечерних сумерках император, сопровождаемый высшими придворными, шествовал в кайрюдэн, где совершал омовение. Затем он направлялся в юкидэн, где совершал приношения божествам. Здесь же совершался некий тайный (и неизвестный нам) ритуал, который называется онфусума (это слово обозначает шелковое покрывало на троне), целью которого является установление коммуникации с богами и магической преемственности с прошлым правителем. Затем проводилось повторное омовение, и процедура повторялась в сукидэн.

Дайнити-нёрай — букв. Великий Будда Солнца, санскр. Махавайрочана, один из основных объектов

поклонения в японском эзотерическом буддизме. Культ Дайнити-нёрай основан на «Махавайрочана-сутре», которая пользовалась особенным авторитетом в школе **Сингон**. В этой сутре рассказывается о космическом будде Дайнити-нёрай, главным атрибутом которого является всепроникающий свет.

Дарума — японское произношение имени Бодхихармы, основателя школы Чань (**Дзэн**) в Китае. Его культ был широко распространен в Японии. До сегодняшнего дня большой популярностью пользуются изображающие его куклы типа «монах-встанька» без рук и ног. Их происхождение связано с легендой, в соответствии с которой Дарума лишился своих конечностей после девяти лет сидячей медитации.

Дзёдо — школа буддизма, основанная **Хонэн** (1133-1212). Особенно известна своим пристрастием к формуле «Наму Амида буцу» («Я верю в будду Амида»), что считалось достаточным для перерождения (одзё) в Чистой Земле будды **Амида**. Школа Дзёдо придает первостепенное значение страстной вере и повторению сакральной формулы (нэнбуцу) при умалении более традиционных путей самосовершенствования (медитация, толкование сутр, соблюдение заповедей, строительство храмов). Основанием для этого была утверждаемая **Хонэн** мысль, что никакое из вышеперечисленных средств не может быть доступно всем верующим, в то время как спасительная сила нэнбуцу может быть использована любым человеком. В этом отношении **Хонэн** шел за танским монахом Шандао (613-681), которого он считал своим духовным отцом (к этому времени Шандао считался на родине воплощением **Амида**). Впав в транс (самадхи), **Хонэн** увидел Шандао, половина тела которого была золотой (золотое тело считалось иконографическим признаком будды). Дополнительным основанием для спасения исключительно с помощью нэнбуцу было убеждение, что во времена конца света (**Маппо**), когда все люди, а с ними и буддийское учение, деградируют, способности и возможности человека становятся настолько недостаточными, что необходимо обращение к помощи других (тарики), в данном случае — к **Амида**, причем формы обращения должны быть максимально понятными и доступными всем.

Датой основания Дзёдо считается 1175 г., когда **Хонэн** покинул свою горную хижину и спустился в столицу Хэйан для начала проповеди нэнбуцу. Однако для официального основания школы требовалось

разрешение властей и одобрение со стороны школы Рицу в старой столице Нара, от которой зависело, будет ли разрешено новой школе проводить ритуал пострижения в монахи. Получить такое разрешение **Хонэн** не удалось, поскольку в его учении немалое место занимала социальная критика. **Хонэн** также отвергал основы догматики наиболее влиятельных школ того времени — **Тэндай** и **Сингон**. Так, он отрицал значение итинэн сандзэн (букв. «одна мысль — три тысячи миров») — понимания абсолютной сущности вселенной в качестве имманентной «здесь и теперь», понимания, достигаемого в результате медитативной практики (базисная доктрина для школы **Тэндай**). **Хонэн** отвергал также и краеугольный камень **Сингон** — концепцию «хонгаку», суть которой заключается в абсолютной ценности этого мира — на том основании, что в каждом человеке изначально «встроена» сущность Будды, которую следует лишь «обнажить» с помощью мантр, эзотерических ритуалов и философствования. Центром своих помыслов **Хонэн** сделал мир грядущий, мир, достигаемый после смерти, для чего в момент наступления смерти достаточно 10 раз повторить имя **Амида**.

Несмотря на то, что **Хонэн** нажил себе множество врагов как при жизни (его учение было запрещено, самого его сослали в провинцию Тоса), так и после смерти (его критиковали такие влиятельные буддийские деятели, как Мёэ, 1173-1232, из школы Кэгон и **Нитирэн**, 1222-1282), школа Дзёдо набирала силу. Ее проповедь оказалась близка самым широким социальным слоям, жаждущим спасения в тот период, когда страну терзали усобицы и многим казалось, что обрести желанный покой можно лишь за пределами этой жизни.

Дзёдо синсю — «Истинная Школа Чистой Земли», одна из основных школ амидаизма и японского буддизма вообще. Ее основатель **Синран** (1173-1263) не имел намерения создать самостоятельную школу. Он использовал термин Дзёдо синсю в значении «истинная сущность» (синсю) учения о Чистой Земле своего учителя **Хонэн**. Однако позднее оно стало пониматься как «учение», возникшее вокруг идей, высказанных **Синран**.

В 1207 г., когда в ссылку был отправлен **Хонэн**, а несколько его учеников казнены, **Синран** был сослан в провинцию Этиго. Он был прощен в 1211 г., но предпочел не возвращаться в Киото. **Синран** вместе с семьей переехал в район Канто. Когда в 1235 г. он вновь очутился в столице, то обнаружил, что несколько учеников **Хонэн** ведут там обособленное существование — каждый толковал учителя на свой лад. Находясь в столице, **Синран** направил свою энергию на сочинение религиозной поэзии, писал комментарии к сочинениям **Хонэн**, посылал бесчисленные письма своим последователям в Канто, работал над своим основным сочинением «Кёгё

синсё». Именно в это время он основывает школу Дзёдо синсю.

Догматические основы Дзёдо синсю не отличаются от учения Дзёдо. Так же, как и в учении **Хонэн**, наиболее эффективным средством для спасения **Синран** считал нэнбуцу. Однако **Синран** полагал, что вера — это разум будды **Амида**, разум, который проникает в оскверненное грехами сердце верующего, что делает возможным вхождение в истинную реальность, которая есть сам **Амида**. Когда это случается, тогда и происходит прижизненное перерождение в Чистой Земле. Это идет вразрез с традиционным пониманием Чистой Земли, как физического места посмертного перерождения.

Настоящую популярность эта школа приобрела только после смерти своего основателя. Эта популярность связана, прежде всего, с именем Рэннэ (1415-1499), 8-го настоятеля храма Хонгандзи, возникшего на месте захоронения **Синран**. Рэннэ удалось объединить сторонников **Синран** и многократно увеличить их число. Однако после смерти 11-го настоятеля Кэннэ Дзёдо синсю раскололась на несколько более мелких школ, основными из которых были Западная Хонгандзи и Восточная Хонгандзи. Тем не менее, школа имела весьма устойчивые позиции во времена сёгуната Токугава.

После Реставрации Мэйдзи правительство пыталось достичь объединения нации за счет усиления роли синтоизма и нагнетания националистических страстей. Последователей буддизма ждали при этом достаточно суровые гонения. В это время школа Дзёдо синсю возглавила буддийскую оппозицию этой правительственной религиозной политике.

Дзидзо — санскр.

Кшитигарбха, один из самых популярных бодхисаттв в японском буддизме. Обычно изображается в виде фигуры монаха с драгоценным камнем в одной руке и посохом — в другой. Культ Дзидзо получил широкое распространение, начиная с эпохи Хэйан (794-1185).

Считается, что Дзидзо оказывает покровительство всем страдающим и нуждающимся в помощи. Молитвы ему считаются особенно действенными в отношении детей, в связи с чем его каменное изображение часто украшает чепчик и детский нагрудник.

Дзэн-буддизм — одно из основных направлений японского буддизма, оказавшее огромное влияние на всю японскую культуру. Хотя Дзэн (кит. Чань)

был заимствован из Китая, именно в Японии он получил наибольшее распространение. Важнейшую роль в начале распространения Дзэн в Японии сыграли учившиеся в Китае **Эйсай** (1141-1215) и **Догэн** (1200-1253), основавшие школы Риндзай и Сото. Новое для страны буддийское вероучение было поддержано сёгунатом Минамото (Камакура), видевшим в Дзэн противовес **Тэндай** и **Сингон** — старым школам буддизма, тесно связанным с домом императора. В стране была создана сеть дзэнских храмов, во главе иерархии которых находились «пять монастырей» (годзан, букв. «пять гор») — система церковной организации, заимствованная из Китая. К этим храмам относилось пять храмов в резиденции сёгуната в Камакура (Кэнтёдзи, Энгакудзи, Дзюфукудзи, Дзётидзи, Дзёмёдзи) и пять — в Киото (Нандзэндзи, Тэнрюдзи, Кэнниндзи, Тофукудзи, Мандзюдзи). Все же в эту сеть входило около 300 монастырей и храмов, которым оказывалась государственная поддержка. В 1338 г. сёгун Асикага Такаудзи (1305-1358) выпустил указ о строительстве дзэнских храмов во всех 66 провинциях страны, которые были призваны обеспечить магическими способами процветание Японии.

Особенной популярностью Дзэн пользовался среди самураев, поскольку он, объявляя все традиционные культурные оппозиции несуществующими, также снимал дихотомию «жизнь-смерть». В период сёгуната Токугава (1603-1868) формальное значение Дзэн несколько уменьшается в связи с тем, что основой государственной идеологии становится неоконфуцианство. Однако идеи Дзэн к этому времени уже получили широкое распространение среди самураев и горожан, а на буддийские храмы (включая дзэнские) были возложены некоторые функции государственной власти (например, регистрация населения). Кроме того, оформившаяся в это время этическая система самураев (бусидо) в значительной степени обязана многим своими основными положениями именно Дзэн. Наиболее крупной фигурой этого времени был монах **Хакуин** (1686-1769). После Обновления Мэйдзи (1868) и в XX в. Дзэн окончательно теряет свое место в системе государственной идеологии, однако продолжает сохранять свое значение в культуре. После окончания Второй мировой войны идеи Дзэн получают распространение на Западе, в значительной степени благодаря деятельности философа, культуролога и адепта Дзэн Д.Т. Судзуки (1870-1966).

Ранний Дзэн в значительной степени отвергал письменную форму передачи традиции (сутры и шастры, т.е. комментарии к сутрам), в связи с чем на первое место выдвигалась фигура учителя, выступавшего в качестве хранителя и передатчика сакрального знания (подарок ученику портрета учителя приравнивался к передаче таинства учения).

Характерной особенностью религиозной практики Дзэн является акцент, сделанный им на медита-

ции в позе лотоса (дзадзэн) и изучении коанов. Поза лотоса — одна из основных поз (асан), разработанных еще индийскими йогами. Дзэнские мыслители (в особенности **Догэн**) утверждали, что в процессе медитации в позе лотоса достигается состояние высшей психической и ментальной концентрации, абсолютной «пустоты», которое может быть описано только в терминах отрицания. Коаны представляют собой загадки, решение которых невозможно с помощью рациональной логики. Их каноническое собрание («Хэкиганроку» и «Мумонкан») состоит приблизительно из 1700 коанов. В отличие от большинства других японских школ буддизма, Дзэн настаивает на том, что просветление (сатори) достигается не постепенно, а мгновенно, как озарение, для чего медитация и коан являются лучшими операциональными средствами. Состояние сатори описывается как мистическое единение с универсумом, когда исчезают все культурные оппозиции.

Большое внимание уделяет Дзэн также занятиям «искусствами», в названия которых входит понятие «путь» (кит. дао, яп. до). Это объясняется тем, что творческий акт уподобляется достижению сатори в силу их спонтанного и интуитивного характера. К этим искусствам относятся живопись (в основном, монохромная живопись тушью), каллиграфия, садовое искусство (особенной известностью пользуются «сухие сады» камней), поэзия (в основном, на китайском языке), воинские искусства (стрельба из лука, фехтование и др.). Все эти искусства поощрялись дзэнскими храмами и монастырями и рассматривались в качестве необходимой практики дзэнского монаха. В связи с этим Дзэн-буддизм породил блестящую плеяду поэтов и художников.

Догэн (1200-1253) — один из наиболее известных японских средневековых мыслителей, основатель буддийской дзэнской школы Сото и храма Эйхэйдзи (преф. Фукуи). Родился в аристократической семье в Киото. Принял монашество в 1213 г. в храме, принадлежавшем эзотерической школе **Тэндай**. Затем перешел в дзэнскую школу Риндзай, основанную **Эйсай** (1141-1215). В 1223 г. отправился в Китай, где провел четыре года, обучаясь у ведущих мастеров Чань-буддизма. После возвращения основал школу Сото. В своей проповеди, которая имела определенный успех как в ставке сёгуна, так и при императорском дворе, особенно подчеркивал важность сидячей медитации (дзадзэн) для достижения просветления (сатори). Основным трудом Догэна — «Сёбо гэндзо» («Хранилище истинного глаза дхармы»). Религиозно-философское наследие Догэна оказало большое влияние на последующее развитие Дзэн-буддизма и его практику.

Ёсида-синто (Юицу-синто) — средневековая синтоистская школа. Ее основателем был Ёсида Канэтомо (1435-1511), выходец из семьи потомствен-

ных жрецов (раньше они носили фамилию Урабэ), которые занимались гаданием. С переносом столицы из Нара в Хэйан в окрестностях новой столицы было построено святилище Ёсида, жрецами которого стали Урабэ. В 1081 г. это святилище вошло в список 22 синтоистских храмов, которым оказывала свое покровительство императорская фамилия. С течением времени Урабэ распались на несколько ветвей, каждая из которых служила в одном из влиятельных святилищ Киото: Хирано, Уэномия, Авата и Ёсида. Из семьи Ёсида вышло много знатоков и комментаторов ставших к этому времени классическими текстов (в особенности это касается «Кодзики» и «Нихон сёки»). К этой семье принадлежал также и Ёсида Кэнко (Кэнко хоси, 1283-1352), автор знаменитых «Записок от скуки».

Школа Ёсида-синто считает «Кодзики» и «Нихон сёки» наиболее авторитетными синтоистскими текстами. Сам Ёсида Канэтомо, унаследовав пietet по отношению к этим памятникам, сделал предметом своих забот восстановление утерянного в значительной мере авторитета императора, воссоздание синтоистских святилищ, погибших во время Смуты годов Онин-Буммэй (1467-1477). Учение Ёсида Канэтомо имеет синкретический характер (в нем много элементов буддизма и конфуцианства), однако он использовал их для увеличения престижа синто. Так, одна из основных идей вероучения хондзи-судзюку заключалась в том, что синтоистские божества есть не что иное, как временные воплощения (аватара) будд и бодхисаттв. Канэтомо же утверждал обратное: будды и бодхисаттвы – временные воплощения синтоистских kami. Канэтомо был озабочен обеспечением единства и унификации синто (так, правда, никогда и не достигнутого). Одним из символических проявлений этого устремления стал построенный им в 1484 г. храм Дайгэнгу, главный несущий столп которого (по традиции вкапывался в землю; синтоистская архитектура не знает фундамента) был засыпан 3132 камнями, которые символизировали то число божеств, имена которых приводятся в «Энгисики» («Установления годов Энги», 927 г.).

Школа Ёсида Канэтомо приобрела достаточно большую значимость после смерти своего основателя. Так, после смерти Тоётоми Хидэёси в 1598 г. именно ей было доверено проведение его похоронных ритуалов. Такая же роль была отведена ей и в связи со смертью Токугава Иэясу. Представители школы даже построили для Иэясу гробницу на горе Куно (преф. Сидзуока), но в результате выбор пал на проект монаха школы Тэндай по имени Тэнкай (знаменитая ныне усыпальница Иэясу в Никко).

Школа Ёсида имела большую влияние (как институциональную, так и идейную) в период Токугава, однако после Реставрации Мэйдзи ее влияние сходило на нет.

Исэ Дайдзингу – «великое святилище Исэ», родовой храм правящего рода. Храмовый комплекс Исэ (преф. Миэ) состоит из двух основных святилищ: «Внутреннего» (Найку) и «Внешнего» (Гэку). Первое посвящено **Аматэрасу**, второе – богине пицци Тоёукэ. В «Нихон сёки» рассказывается, что Исэ было выбрано в качестве святилища правящего рода в правление Суйнин. «Аматэрасу рекла ... наставление: «Эта страна Исэ... – страна отдаленная [от Ямато] и прекрасная. Здесь я желаю пребывать». Происхождение «Внешнего храма» традиция связывает с тем, что Тоёукэ подносила ритуальную пищу **Аматэрасу**. В настоящее время обычно считается, что Тоёукэ являлась локальным божеством, «в ведении» которого находилась та земля, на которой впоследствии было построено святилище **Аматэрасу**.

Достаточно долгое время святилище Исэ оставалось родовой святыней правящего рода. Вход посторонним был туда воспрещен. Паломничества в Исэ приобретают широкую популярность только с XII в. Считается, что архитектура храма сохранилась без изменений, по крайней мере, с VII в., когда был введен обычай перестраивать храм один раз в двадцать лет. С этого же времени ведет свое происхождение система назначения в Исэ в качестве жрицы (сайгу) незамужней принцессы из правящего рода.

Каннон – японское произношение китайского имени Гуан-инь (санскр. бодхисаттва Авалокитешвара). Догматические основы почитания Каннон содержатся в посвященной ей 25-ой главе «Лotosовой сутры», которая бытует в Японии в качестве отдельной

сутры «Каннонгё». Несмотря на то, что бодхисаттва является существом бесполом, в Японии Каннон (вслед за Китаем) — богиня милосердия. Является одним из наиболее популярных божеств низового буддийского пантеона. С именем Каннон связано множество фольклорных преданий, выявляющих ее универсальную всеосстрадательность. Культ Каннон разделяют большинство школ японского буддизма. Основным храмом, в котором почитается Каннон, является Хасэ-дэра в Камакура, хотя храмы, посвященные Каннон, встречаются повсеместно. Иконография Каннон также представлена многочисленными образцами, в том числе «тысячерукой Каннон» (в реальности это статуя с сорока руками). Считается, что с помощью этих рук Каннон спасает всех попавших в беду.

Кокубундзи — «провинциальные буддийские храмы», сеть которых была создана в VIII в. Строительство их началось в 742 г. (правление Сёму). В каждой из провинций (их число превышало 60) предписывалось построить мужской (20 монахов) и женский (10 монахинь) монастыри с семярусными пагодами (в реальности многие пагоды были пятирусными). Самым крупным из обнаруженных археологами на сегодняшний день монастырей оказался монастырь в Мусаси (900 на 550 м), однако стандартный монастырь обычно занимал площадь 225 на 225 м. Молитвы в этих «провинциальных храмах» были призваны обеспечить безопасность государства от внешних и внутренних врагов, избавиться от стихийных бедствий и эпидемий, принести богатый урожай.

Кокубундзи располагались, как правило, в непосредственной близости от управлений провинциями, образуя вместе с ними единый архитектурно-административный комплекс. Сама идея создания такой религиозной суперструктуры была подсказана китайским опытом — в каждой провинции там имелся буддийский «государственный храм». Непосредственной же причиной, приведшей к такому решению, были продолжавшиеся несколько лет ряды неурожая, распространение эпидемий, мятеж Фудзивара-но Хироцугу.

Кукай (774-835) — буддийский монах, известен также под своим посмертным именем Кобо-дайси. Буддийский мыслитель и религиозный деятель. Родился на острове Сикоку в провинции Сануки (совр. преф. Кагава). Не окончив курса обучения в школе чиновников, сделался странствующим монахом, обосновывал свое решение тем, что буддизм — более совершенное учение, чем конфуцианство и даосизм (трактат «Санго сики» — «О сути трех учений», 798). В качестве студента-монаха принял участие в посольстве, отправившемся в Китай в 804 г., где получил посвящение от Хуэйго (745-805). По возвращению в 806 г. основал эзотерическую школу **Сингон** (санскр. Мантра).

Наряду с **Тэндай**, **Сингон** относится к школам эзотерического буддизма. Целью последователей **Сингон** является мистическое слияние с буддой Махавайрочана (яп. **Дайнити-нёрай**).

Находясь в близких отношениях с императорским домом, Кукай получил разрешение на основание храмового комплекса на горе Коя (возле Киото). В 823 г. император Сага (809-823) построил для Кукай храм Тодзи, который стал центром распространения учения Сингон.

Кукай — автор около 50 религиозно-философских трактатов, сочинений по поэтике и другим отраслям знания. Один из первых японцев, который обладал адекватными знаниями по буддийской философии. Заслугой Кукай считается систематизация существовавших буддийских учений, обоснование того, что с помощью учения **Сингон** можно достичь просветления уже в этой жизни, убеждение, которое стали разделять практически все направления японского буддизма. Кисти Кукай принадлежит также самый древний, из дошедших до нас, японский иероглифический словарь («Тэнрэй бансё мёги»). Он также считался одним из лучших каллиграфов своего времени. Основал первую в Японии школу (Сюгэй сютин), доступ в которую был открыт вне зависимости от социального происхождения. Имя Кукай окружено легендами. Так, ему приписывается изобретение системы японского письма кана.

Кумано Сандзан — собирательное название трех синтоистских храмов, расположенных в уезде Кумано преф. Вакаяма. Эти храмы посвящены **Сусаноо**-но Микото, **Кумано Хаятама**-но Ками и **Кумано Фусуми**-но Ками. Горы Кумано издавна считались обиталищем синтоистских божеств. Особую популярность храмы Кумано приобрели в период Хэйан, когда с распространением амидаизма эти храмы стали ассоциироваться с буддийским раем (**Дзёдо**),

а местные божества стали считаться временными местными проявлениями (санскр. аватара, яп. гонгэн) будды **Амида** и различных бодхисаттв. Кумано было чрезвычайно популярным местом паломничества для аристократов Хэйана, а также местом самосовершенствования для странствующих монахов (**хидзири**), горных отшельников ямабуси. См. также **Амида**, **Дзёдо**, **Сюгэндо**.

Маппо — «конец буддийского закона», эсхатологическая концепция средневекового буддизма. Согласно ей, история после смерти Будды Гаутама делится на три периода: Сёбо («Истинный закон»), Дзобо («Ложный закон») и Маппо. Период Маппо характеризуется общим упадком нравов и учения, когда никто из живущих не может достичь просветления. Считалось, что этот период начался в 1052 г. Это оказало огромное влияние как на общие умонастроения, так и на эволюцию японского буддизма. Новые школы (**Дзёдо**, **Нитирэн** и др.), которые получают распространение в это время, стремились к предельному упрощению религиозной практики на том основании, что во времена Маппо человек не способен к восприятию сколько-нибудь изощренных религиозно-философских построений.

Николай (1836-1912) — православный миссионер, в миру — И.Д. Касаткин, замечательный знаток современной ему Японии. Родился в Березовском погосте Смоленской губернии в семье сельского дьякона. Окончив семинарию в Смоленске, поступил в Петербургскую духовную академию. В Японию приехал в 1861 г. в качестве священника российской консульства в г. Хакодате. По возвращению в 1869 г. на родину убедил Синод в необходимости открыть в Японии православную миссию. В 1870 г. он сам возглавил православную миссию, которая имела отделения в Токио, Киото, Нагасаки и Хакодате, а штат насчитывал 5 человек. Сам же Николай получил сан архимандрита, в 1880 г. возведен в епископы, а в 1906 г. — в архиепископы. Особенно трудна была работа Николая во время Русско-японской войны, когда русская дипломатическая миссия в полном составе вернулась на родину, и он остался в Токио в полном одиночестве для «религиозного утешения» русских военнопленных. В Токио под его руководством были построены семинария, православная школа и Воскресенский собор, сохраняющийся до настоящего времени. Обладая выдающимися проповедническими и организационными талантами, о. Николай значительно увеличил численность православного прихода (перед его кончиной насчитывалось 31984 верующих, 265 церквей, 41 священник), который после его смерти в значительной степени приходит в упадок.

Нитирэн (1222-1282) — крупнейший идеолог и деятель японского буддизма. Родился в провинции Ава (совр. преф. Тоба). Происходил из социальных

низов (отец его был рыбаком). Был послан на обучение в ближайший храм школы **Тэндай** Киёсумидэра в возрасте 12 лет. Спустя четыре года после посвящения в монахи предпринял многолетнее путешествие-паломничество по крупнейшим храмам района Кансай. Вернулся около 1253 г. За это

время укрепился в мысли о «неправильности» набравших силу учений школ **Дзёдо** и **Дзэн**. Выступил против них в проповеди, состоявшейся 2 июня 1253 г. в Киёсумидэра (эта дата традиционно считается временем основания школы Нитирэн). Был изгнан из Ава адептами **Дзёдо**. Обосновавшись в Камакура, стал отказываться от своей приверженности философским спекуляциям **Тэндай**. Нитирэн считал, что главным буддийским текстом является «Лотосовая сутра». Не без влияния практики нэнбуцу амидаистских школ утверждал, что для спасения достаточно повторения фразы «Наму мёхо рэнгэ кё» («Я верю в «Лотосовую сутру» благого учения!»). Эту практику он назвал «даймоку» («заголовок»). Нитирэн полагал, что в даймоку содержится как вся мудрость, заключенная в сутре, так и мудрость всех остальных сутр, самого будды. В 1260 г. Нитирэн закончил «Трактат об успокоении государства путем установления правильного учения» («Риссё анкоку рон»), в котором он возлагал ответственность за политическую нестабильность на школу **Дзёдо**. Трактат был представлен Ходзё Токиёри (1227-1263), фактически возглавлявшему в то время сёгунат Камакура. После этого Нитирэн был сослан в Идзу. Вернулся из ссылки в 1263 г. Прибытие в Японию монгольского посольства в 1268 г., угрожавшего вторжением монгольской армии, укрепило Нитирэн в правильности своих мыслей (в своем «Трактате» он предсказывал возможность иностранной агрессии) и в надеждах на то, что его проповедь будет оценена по достоинству. Агрессивность его полемики, беспрестанные нападки на представителей других учений привели к тому, что он был вновь арестован в 1271 г. и сослан на остров Садо. Там он написал труд «Каймокусё» («Открытие глаз»), который считал завещанием ученикам. В это время Нитирэн стал воспринимать свою жизнь в качестве высшей миссии, приравнивая ее к деятельности бодхисаттв **Дзёфукё** и **Дзёгё**, о которых говорится в «Лотосовой сутре». Первый из них был преследуем за проповедь этой сутры, второй — призван из подземного мира, чтобы распространять «Лотосовую сутру». Нитирэн считал, что во времена «конца учения» (**Маппо**) настало время для появления **Дзёгё** в Японии. В 1274 г. Нитирэн был освобожден и

вернулся в Камакура, где в течение двух месяцев безуспешно пытался убедить власти в том, что только принятие его учения способно избавить страну от монгольского нашествия. После этого Нитирэн обосновался в Минобу (совр. преф. Яманаси), где и жил до конца своих дней. Там он вел активную переписку с учениками и непримиримую полемику с представителями других учений. Адептам амидаизма он уготавил ад, приверженцам Сингон приписывал миссию по уничтожению страны, монахов Дзэн называл чертями, а Рицу — предателями. Для верившего в абсолютную истинность своего учения Нитирэн поражение двух монгольских экспедиций в Японии (1274 и 1281 гг.) было большим ударом. В последние годы своей жизни Нитирэн стал делать упор не на достижения состояния будды в этом теле («сокусин дзэбуцу»), но на будущем перерождении «в Чистой Земле Духовной Горы» («Рэдзэн дзэдо»).

Оценивая религиозно-философское и религиозно-практическое наследие Нитирэн, следует сказать, что оно представляет сочетание старых элементов (выработанных другими школами) с теми, которые принадлежат лично ему. Так, приверженность к «Лотосовой сутре» следует отнести к наследию Тэндай, практика даймоку является фактическим заимствованием нэнбуцу. Новым же элементом следует считать крайне непримиримые взгляды Нитирэн на все другие учения, которые рассматриваются как ереси, что было решительным отступлением от веротерпимого духа буддизма. Нитирэн даже считал, что его последователи не должны подавать милостыню представителям других вероучений и принимать ее от них.

После смерти Нитирэн между его последователями произошло множество расколов, что было вызвано воспитанной в них непримиримостью, отсутствием четко зафиксированного канона, тенденцией к устной передаче вероучения. Несмотря на это, число приверженцев Нитирэн было очень значительным. Многие из них стали переселяться в Киото, составив, как считается, около половины населения столицы. В традициях того времени, они (точно так же, как и адепты других буддийских школ) были вооружены. Приверженцы Нитирэн фактически захватили город в свои руки и отказывались платить налоги. В 1536 г. вспыхнул конфликт между ними и монахами школы Тэндай, располагавшимися на горе Хиэй, обладавшими мощной военной организацией. В результате последние вторглись в город и разрушили 21 главный храм школы Нитирэн. После этого, даже после разрешения восстановить уничтоженные храмы, школа Нитирэн не восстановила своей бывшей влияния.

В XX в. учение Нитирэн пережило новый взлет. Самые различные общественные организации — от ультраправых до ультралевых — стали считать Нитирэн своим духовным отцом. Основной акцент при этом делался не столько на религиозно-философский, сколько на организационный аспект (жесткая

иерархическая структура с четким разделением на «своих» и «чужих»). Стремительная модернизация Японии вызвала значительные миграции населения (концентрацию городского населения) и утерю привычных форм социальной организации. Именно переселенцы и их потомки и составляют в настоящее время основных приверженцев таких влиятельных общественно-религиозных объединений нитирэнистского толка, как Рэйюкай (основана в 1925 г.), Сока гаккай (1930) и Риссё косэйкай (1938).

Норито — молитвословия синто. Ранние норито представлены в «Энгисики» («Установления годов Энги», 927 г.). Представляют собой поэтические тексты на древнеяпонском языке, исполнявшиеся во время важнейших синтоистских ритуалов (праздник урожая, освящение построек, изгнание духов болезней, ритуалы храмового комплекса Исэ и др.). Один из основных источников для реконструкции раннесинтоистских мифологических и религиозных представлений.

Религии Японии. К основным религиозным системам, распространенным в Японии, относятся синто, буддизм и христианство. Следует иметь в виду, что влияние последнего значительно уступает авторитетности синто и буддизма. Поэтому, когда речь заходит о «японских религиях», имеются в виду именно они. Нужно также помнить, что, хотя ни конфуцианство, ни даосизм не сумели создать в Японии ни церковной организации, ни сколько-нибудь оформленного вероучения, их элементы входят в качестве составных частей в учения многих синтоистских и буддийских школ. Однако они настолько прочно вошли в эти вероучения и подверглись настолько многим трансформациям, что академическая задача по их выявлению зачастую вызывает значительные трудности.

Сколько-нибудь комплексными данными по истории японских религий мы обладаем приблизительно с VI в. н.э. До этого наши знания ограничиваются трудно поддающимися однозначной интерпретации археологическими данными и столь же фрагментарными и неточными сведениями, почерпнутыми из китайских письменных источников.

К основным характеристикам практически всех выработанных на протяжении веков религиозных построений следует отнести: политеизм; отсутствие концепции единого Творца; отсутствие основного канонического текста (в синтоизме количество текстов, подпадающих под понятие «канонических», сравнительно невелико; буддийский канон не поддается исчислению); относительная веротерпимость к «иноверцам» (история Японии не знает религиозных войн, допускается участие верующего в деятельности, по крайней мере, двух — синтоистской и буддийской — общин); усиленный акцент на аграрной и сезонной обрядности; обилие местных культов;

сильный культ предков; отсутствие доминирующей конфессии или же школы; практическая неприменимость понятия «государственная религия» (за исключением периода со времени Реставрации Мэйдзи до окончания Второй мировой войны).

Рёбу-синто — школа «двойного синто». Истоки этого буддийско-синтоистского вероучения восходят, по крайней мере, к XI в. Именно тогда стало считаться, что **Аматэрасу** является одной из манифестаций будды Махавайрочана (**Дайнити**), главного объекта поклонения буддийской школы **Сингон**. Согласно учению рёбу-синто, «Внутренний» и «Внешний» храмы Исэ являются проявлением двух главных качеств Махавайрочана — мудрости и просветленности-света, что, в свою очередь, отражено в двухчастной мандале **Сингон** (Конгокай, Мир алмаза, ассоциируется с мудростью, а Тайдзокай, Мир чрева, — с просветленностью). Точно так же, как две части мандалы дополняют друг друга, «Внутренний» и «Внешний» храмы Исэ образуют нерасторжимое целое. Тайдзокай соотносится при этом с «Внешним храмом» и богиней Тоёукэ, а Конгокай — с «Внутренним храмом» и **Аматэрасу**. Школа рёбу-синто пользовалась большой влиятельностью в XIII-XVI вв., оказав особенно большое влияние на **Ёсида-синто**. Однако в XVIII-XIX вв. за отсутствие «чистоты» учения она подверглась ожесточенной критике со стороны представителей школы Кокугаку, после чего практически потеряла свой авторитет.

Сайтё (Дэнгё-дайси, 767-822) — японский буддийский мыслитель и религиозный деятель, основатель школы эзотерического буддизма **Тэндай**. Родился в провинции Оми (совр. преф. Сига) в семье выходцев из Китая Мицукубэ. Стал послушником в 12 лет, через два года постригся в монахи в Нара и получил свое монашеское имя. После этого отшельничал на горе Хиэй (к северо-востоку от Киото). Около 797 г. стал изучать тексты китайской школы Тяньтай (яп. **Тэндай**, «Опора Неба»). Его проповедь привлекла внимание императора Камму (781-806), который покровительствовал Сайтё, желая создать противовес мощным буддийским институтам бывшей Нара, которые в конце периода Нара стали оказывать чрезмерное влияние на политическую жизнь.

Сайтё принял участие в посольстве, отправившемся в Китай в 804 г. Целью девятимесячного пребывания Сайтё в Китае было непосредственное изучение религиозной практики и доктрин Тяньтай. По возвращении в Японию он застал Камму тяжело больным и провел серию эзотерических ритуалов для его выздоровления. В 806 г. Сайтё получил разрешение Камму основать школу **Тэндай**.

Сайтё называл себя учеником **Кукай**, просил его совершить над собой обряд посвящения, посылал к нему своих учеников на выучку. Переписка между Сайтё и Кукай представляет собой один из самых

ранних примеров обсуждения проблем религиозной догматики. В спорах с другими монахами Сайтё встал на точку зрения **Кукай** и активно отстаивал тезис о потенциальной возможности для всех без изъятия достичь просветления, который был воспринят впоследствии всеми основными буддийскими школами в Японии. Однако в 816 г. отношения между Сайтё и Кукай были прерваны, поскольку один из учеников Сайтё не пожелал вернуться к нему после учебы у Кукай.

Еще более серьезную проблему представляли собой для Сайтё многочисленные случаи бегства его учеников в Нара. Дело в том, что в это время окончательную ординацию монахи должны были проходить именно там. Однако многие из них, привлеченные великолепием тамошних храмов, предпочитали остаться в Нара навсегда. В связи с этим Сайтё просил разрешения, чтобы его ученики проходили обряд посвящения на горе Хиэй с последующим обязательным пребыванием там в течение 12 лет. Это вызвало оппозицию монахов из Нара, и Сайтё пришлось вести с ними оживленную полемику. Самой известной из работ Сайтё полемического рода считается «Кэнкайрон» («О заповедях»). Разрешение для **Тэндай** проводить самостоятельное посвящение было дано через семь дней после смерти Сайтё. Имя Дэнгё-дайси («Великий учитель, передающий учение»), под которым он более всего известен в Японии, было даровано ему двором в 866 г.

Евгения Сахарова

Окружной уровень административно-территориального деления в Японии VIII века

Одним из уровней административно-территориального деления, введенного в Японии по китайскому (танскому) образцу во второй половине VII – начале VIII вв., были округа¹ (кит. дао, яп. до)², объединявшие в своем составе несколько провинций. Округа включали провинции с близкими природно-климатическими условиями, а их границы проходили по дорогам, ведущим в столицу. Насчитывалось 7 округов (не считая центрального района Кинай): Токайдо (16 провинций), Тосандо (8 провинций), Хокурукудо (7 провинций), Санъиндо (8 провинций), Санъёдо (8 провинций), Нанкайдо (6 провинций), Сайкайдо (9 провинций).

В источниках не зафиксирована точная дата введения окружного деления, впервые округа упоминаются в хронике «Нихон сёки» (720 г.) в правление императора Тэмму (673-686) под 685 г. Раньше всего упоминаются Токайдо и Тосандо, расположенные на востоке о. Хонсю. «Государь рек: «Во всех провинциях к востоку от Мино в Тосандо и к востоку от Исэ в Токайдо все те, кто обладают рангом, освобождаются от трудовой повинности» («Нихон сёки», Тэмму, 144-27, 685 г.)³.

В том же году наряду с Токайдо и Тосандо упомянуты Санъёдо, Санъиндо и Нанкайдо. Во все эти округа, а также на Цукуси (север Кюсю) были отправлены посольные («Нихон сёки», Тэмму, 14-8-15, 685 г.).

В Китае при отправке посольных или инспекторов в округа обычно употреблялась формула «отправлены в четырех направлениях», что должно было символизировать распространение власти императора на всю страну. При отправке же посольных в правление Тэмму такая формулировка отсутствует, а перечисление идет преимущественно по оси восток-запад: сначала называются восточные округа (Токайдо и Тосандо), затем западные (Санъёдо и Санъиндо), затем южный округ Нанкайдо и, наконец, самый западный район – Цукуси. При этом из поля зрения государства выпадают такие территории, как район Хокуруку и юг Кюсю.

По мнению Хаякава Сёхати, окружное деление было введено в период между 683 и 685 гг.⁴ В 683 г. впервые было приказано провести границы между провинциями, следовательно, ранее этого времени деления на округа не существовало, так как такая административная единица, как провинция, ещё только создавалась.

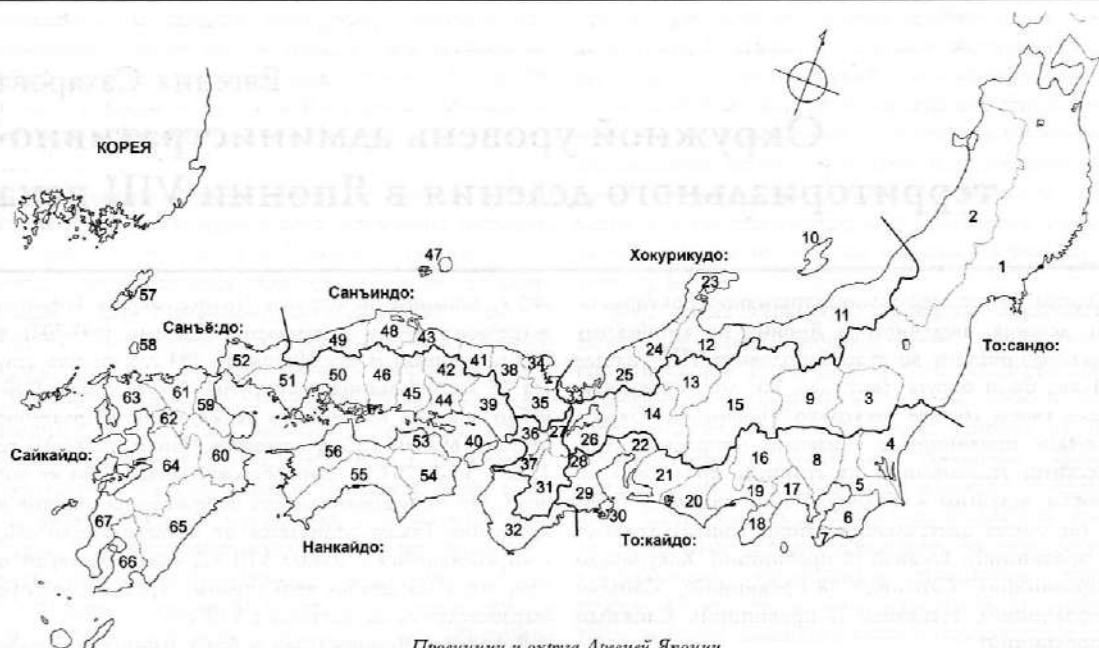
Однако в правление императрицы Дзито (686-697) округа не упоминаются ни разу. Следующие, после

685 г., упоминание округов (точнее, округа Тосандо) встречается лишь в правление Момму (697-707) в 700 г. (хроника «Сёку Нихонги», 794 г.)⁵, то есть спустя 15 лет.⁶ Названия же округов Хокурукудо и Сайкайдо впервые встречаются также лишь в правление Момму, 697-707 («Сёку Нихонги», Тайхо, 1-8-8, 701 г.; Тайхо, 3-1-2, 703 г.). Это обстоятельство, а также тот факт, что последовательность перечисления округов в правление Тэмму отличается от последовательности, употреблявшейся с начала VIII в.⁷, свидетельствуют о том, что в масштабах всей страны окружное деление «заработало» лишь начиная с VIII в.

В Древней Японии были и более ранние прецеденты существования должностей с полномочиями по управлению обширными территориями. Мы имеем в виду так называемую должность сорё⁸, в переводе А.Н. Мещерякова – «управитель», в переводе К.А. Попова – «главный наместник». Упоминания этой должности крайне немногочисленны. В «Нихон сёки» упоминаются сорё Иё и Суо («Нихон сёки», Дзито, 3-8-21, 689 г.; Тэмму, 14-11-2, 685 г.), в «Сёку Нихонги» – сорё Цукуси, Суо и Киби («Сёку Нихонги», Момму, 4-6-3, 700 г.; Момму, 4-10-15, 700 г.), в «Фудоки»⁹ – сорё восточных провинций и сорё принц Исикава (без указания географического района, находившегося в его подчинении) («Фудоки», с. 34-35, 50-51, 64-65, 192-193).

Согласно «Фудоки», должность сорё восточных провинций функционировала с правления Котоку, 645-654 («Хитати-фудоки» – Фудоки, с. 34-35, 50-51, 64-65). Однако косвенные данные позволяют усомниться в существовании этой должности уже при Котоку: 1) ранг дайкэн, упоминаемый в одном из приведенных выше отрывков, не существовал в правление Котоку; 2) упоминаемый в «Харима-фудоки» сорё принц Исикава упомянут и в «Нихон сёки» как управитель Киби (должность записана другими иероглифами), но лишь в правление Тэмму, 673-686 («Нихон сёки», Тэмму, 1-6-24, 672 г.; 8-3-9, 679 г.); 3) в «Нихон сёки» упоминается (и тоже в правление Тэмму) Такамуро-но Оми Мимаро, возможно являющийся одним лицом с Такамуро из «Фудоки» («Нихон сёки», Тэмму, 10-12-29, 681 г.).

Мацубара Хиронобу считает, что должность сорё была введена в правление Тэмму в масштабах всей страны, а главной целью ее введения было управление уездами (коори) и ослабление полномочий управителей уездов¹⁰. Действительно, в большинстве случаев упоминание сорё так или иначе связано с уездами. Для нас же важно отметить, что сорё были подвласт-

Провинции и округа Древней Японии.

1. Митиноку	13. Хидэ	25. Этхдэн	37. Кавати	49. Ивами	61. Тикудэн
2. Дэва	14. Мино	26. Оми	38. Тадзима	50. Аки	62. Тикуго
3. Симоцукэ	15. Синано	27. Ямасиро	39. Харима	51. Суо	63. Хидэн
4. Хитати	16. Каи	28. Ига	40. Авадзи	52. Нагато	64. Хиго
5. Симо:са	17. Сагами	29. Исэ	41. Инаба	53. Сануки	65. Хю:га
6. Кадзуса	18. Идзу	30. Сима	42. Мимасаха	54. Ава (2)	66. О:суми
7. Ава (1)	19. Суруга	31. Ямато	43. Хо:жи	55. Тоса	67. Сагума
8. Мусаси	20. То:то:ми	32. Кии	44. Бидэн	56. Ий	
9. Кодзукэ	21. Микава	33. Вакаса	45. Биттю:	57. Цусима	
10. Садо	22. Овари	34. Танго	46. Бинго	58. Ики	
11. Этио	23. Тамба	35. Тамба	47. Оки	59. Будэн	
12. Эттю:	24. Кага	36. Сэццу	48. Идзумо	60. Бунго	

ны территории (такие, как Киби, Цукуси, восточные провинции), сопоставимые по размерам с округами. Кроме того, скудость упоминаний этой должности в источниках (на деревянных табличках-моккан нет ни одного упоминания) заставляет предполагать, что ее введение было вызвано единовременными, а не долгосрочными целями. Последнее вполне согласуется с предположениями Мацубара Хиронобу.

В данной статье мы ставили перед собой следующие задачи: выяснить, какие цели преследовало введение окружного деления и в какой мере эти цели были претворены в жизнь; выяснить, удалось ли японскому государству сделать округа реальной единицей административно-территориального деления.

По сравнению с провинциями и уездами, для округов характерно крайне низкое число сообщений в хронике «Сёку нихонги» (таб. № 1), и, что не менее показательно, именно для округов характерен самый высокий коэффициент вариации сообщений¹¹ (таб. № 2). Округа практически не упоминаются на моккан — зафиксировано всего 5 упоминаний, что совершенно несопоставимо с количеством упоминаний на моккан таких единиц административно-территориального деления, как провинции, уезды и села. Ни в одном округе (за исключением Дадзайфу) не

было предусмотрено постоянного штата служащих. Таким образом, говорить об округах как о реальной единице административно-территориального деления не приходится. Стоит, однако, заметить, что и в Китае округа не были самостоятельными административно-территориальными единицами в строгом смысле слова, хотя имелась отчетливая тенденция к превращению их в таковую.

Как уже говорилось, окружное деление, как и административно-территориальная система в целом, было заимствовано из танского Китая. Однако если для японских провинций и уездов было принято отличное от Танского иероглифическое написание¹², то слово «округ» записывалось в Японии тем же иероглифом, что и в танском Китае (道).

Если сравнить названия десяти округов, введенных в начале Тан, и японских округов, то обнаруживается следующее. В названиях китайских округов присутствуют три ориентира — реки, горы¹³ и ориентация по сторонам света. В названиях древнеяпонских округов также можно выделить три основных ориентира: горы, море и ориентация по сторонам света. То есть в целом названия японских округов конструировались в соответствии с китайскими географическими представлениями. Однако прослеживаются и некоторые отличия.

Таблица № 1. Среднее арифметическое количество сообщений на уровне административных единиц (провинция, уезд, регион) по годам правлений (по данным «Сёку нихонги»)

Административная единица	Момму (697-707)	Гэммэй (707-715)	Гэнсё (715-724)	Сёму (724-749)	Кокэн (749-758)	Дзюннин (758-764)	Сётоку (764-770)	Конин (770-781)	781-791
Провинция	22,09	33,38	31,38	17,23	20,33	81,33	92,17	64,7	68,09
Уезд	3,18	5,63	8,13	3,19	1,33	2,5	28	7,6	7,45
Регион	1	0,25	1,13	1,81	1	5,5	2,5	1,7	1,27

Таблица № 2. Коэффициенты вариаций сообщений на уровне административных единиц (провинция, уезд, регион) по годам правлений (по данным «Сёку нихонги»)

Административная единица	Момму (697-707)	Гэммэй (707-715)	Гэнсё (715-724)	Сёму (724-749)	Кокэн (749-758)	Дзюннин (758-764)	Сётоку (764-770)	Конин (770-781)	781-791
Провинция	0,65	0,46	0,45	0,63	0,84	0,4	0,12	0,3	0,45
Уезд	0,66	0,68	0,77	1,64	1,41	0,66	0,54	0,42	0,45
Округ	2,1	2,83	1,93	1,56	2	0,55	1,37	1,66	1,44

1. Хотя и танские, и японские округа ориентированы по сторонам света, для танских «дао» характерно преобладание оси север-юг, а для японских – оси восток-запад¹⁴.

2. Если в Китае вторым по значимости ориентиром (после ориентации по сторонам света) были реки-горы, то в Японии – горы-моря¹⁵.

Появление такого ориентира, как море, в названии японских округов может быть связано со стремлением представить свою страну маленьким материком, омываемым, в соответствии с китайскими географическими представлениями, четырьмя морями (правда, в названиях японских округов присутствуют только восточное, южное и западное моря).

Этим различия не исчерпываются. Историки отмечают, что китайские «дао» были, прежде всего, военными и инспекционными единицами¹⁶. Для японских округов прослеживается и сакральное-идеологическая функция.

Само число округов – семь, а с центральным районом Кинай – восемь (в Тан первоначально было 10 округов), видимо, имело сакральное значение. Одно из ритуальных наименований Древней Японии – «Великая страна восьми островов». Согласно «Кодзики» и «Нихон сёки», в начале времен появилось восемь божеств (или восемь пар богов)¹⁷, среди которых насчитывалось семь поколений. Вряд ли это можно считать случайным совпадением. О сакральное-идеологической нагрузке окружного деления свидетельствует и то обстоятельство, что во время проведения государственных синтоистских праздников посольные для молений божествам отправлялись в «семь округ», чему есть множество примеров в «Сёку нихонги» и что зафиксировано в «Энгисики» («Уложение годов Энги», X в.). В данном случае выражение «семь округ» или «все провинции семи округ» подразумевало, что ритуальные мероприятия охватывают всю территорию страны. Список официальных синтоистских храмов в «Энгисики» также приводится по округам.

В «Сёку нихонги» есть также случай, когда во время священного выезда государыни Гэнсё перед ней исполняли песни и танцы представители шести округ

(за исключением Сайкайдо), что должно было символизировать распространение власти государя на эти территории («Сёку нихонги», Ёро, 1-9-12, 9-18, 717 г.).

Таким образом, введение окружного деления не просто копировало аналогичную танскую систему, но должно было также символизировать подвластность японскому императору всей территории страны. При этом в области сакральное-идеологической использовались не только китайские географические представления, но и собственно японские мифологические представления.

Помимо сакральное-идеологических функций, создание округов преследовало и чисто практические цели. Судя по «Сёку нихонги» (таб. № 3), среди основных функций округов можно выделить (приводятся в порядке значимости): цензорскую (инспектирование провинциального чиновничества и общая координация управления), военную, экономическую. При этом следует учитывать, что экономическая функция вычленяется с трудом и часто является составной частью инспекторской функции. В общих чертах экономическая координация на уровне округов включала регламентацию ассортимента доставляемых в столицу налогов, способов доставки продуктов (например, в 756 г. провинциям округов Санъёдо и Нанкайдо было предписано доставлять налоги морским путем), введение налоговых послаблений в связи с неблагоприятными природными условиями¹⁸. Кроме того, округа играли важную роль в системе дорожных коммуникаций, соединявших центр с остальными частями страны. В этом плане особое значение имел округ Санъёдо, так как по нему проходил тракт, соединявший Главное Наместничество Сайкайдо со столицей. Именно по этой дороге проезжали китайские и сианские посольства, направлявшиеся в Нара. Как уже говорилось, до нас дошло всего 5 моккан с упоминанием округов: по одному разу упомянуты Нанкайдо, Токайдо и Хокурикудо и дважды – Санъёдо. Причем из двух упоминаний округа Санъёдо один раз речь идет, по-видимому, о почтовой станции.

Как видно из таблицы № 3, в большинстве сообщений на уровне округов речь идет об инспектировании.

Таблица № 3. Типы сообщений на уровне округов (по «Сёку Нихонги»)

	Токай	Тосан	Санъё	Сайкай	Нанкай	Санъин	Хокуруку	Всего
Административные	13 (10)	13 (11)	12 (9)	11 (8)	12 (9)	13 (9)	9 (8)	83
Военные	13	11	4	5	5	5	3	46
Экономические	2	2	5	2	3	1	2	17
Другие	3	2	3	5	1	1	3	18
Всего	31	28	24	23	21	20	17	164

Цифры в скобках – количество сообщений, имеющих отношение к инспектированию округов.

Впервые об отправке проверяющих в округа говорится в правление Тэмму («Нихон сёки», Тэмму, 14-8-15, 685 г.), тогда они назывались просто посыльными (яп. си, 使). Посыльные с проверками отправлялись на места и при Дзито, но не в округа, а «во все провинции» («Нихон сёки», Дзито, 8-7-15, 694 г.).

Главной задачей инспекторов была проверка провинциального и уездного чиновничества. На протяжении VIII в. трижды вводились критерии оценки службы местного чиновничества. В 715 г. выделялось по три добродетели и три провинности в управлении¹⁹, в 719 г. их стало, соответственно, по пять, а в 786 г. – по восемь. Ниже мы приводим указ 786 г. с наиболее подробной шкалой оценок.

«Согласно счетным записям, в последние годы во всех провинциях имеются недоимки по заменительной натуроплате и натуральному налогу. Так продолжается много лет, и зло укоренилось глубоко. Это происходит из-за того, что чиновники по лености и нерадивости передают дела друг другу. В результате средства растрачиваются, а казна скудеет. Кроме того, для управления народом посылается множество государевых чиновников. Но из сотни не найдется и одного бескорыстного и справедливого. Напротив, девять из десяти грабят [народ] и наживаются. Разве можно [таких людей назвать] государевыми чиновниками? Следует расследовать это и произвести соответствующие увольнения. Имена же тех, кто относится к службе без небрежения, следует записать и поощрить их продвижением по службе. Чтобы [легче] было отделить чистое от замутненного, были составлены нижеследующие статьи. Дадзёкан, посоветовавшись, постановил:

если количество подведомственных дворов увеличилось;

земледелие и шелководство поощряются, а государственные амбары полны;

различные поставки выполняются в срок;

подведомственная территория очищена от преступников и мятежников;

судебные решения соответствуют принципам, и среди них нет ошибочных;

[чиновник] на службе справедлив и беспристрастен, в повседневных делах честен, чист и сострадателен;

[рубежи] защищены, земли возделаны, военное продовольствие запасено;

границы замирены, крепости и рвы исправны –

если провинциальный, уездный чиновник, либо военачальник важных рубежей, занимающая должность в течение 3-х лет, добились очевидных успехов по одному и более из вышеозначенных пунктов, чиновников

5-го ранга и выше следует соответственно повышать в ранге. Чиновникам 6-го ранга и ниже – вночередно жаловать 5-й ранг.

И наоборот: если чиновник на службе корыстен и порочен, в делах несправедлив;

если он чинит произвол и алчно домогается к себе знаков почтения;

если он без меры развлекается охотой, ввергая народ в смуту;

если он нерадив к службе по причине пристрастия к саке;

если ничего не известно о служебном рвении чиновника, но известно о его стремлении к личному обогащению;

если младшим попустительствуют, а [их] желаниям и просьбам открыто потворствуют;

если число беглых велико, а число пойманных мало;

если командование [военными] подразделениями и охраной противоречит установлениям –

если найдутся чиновники, которые осуществляют управление таким образом, и к их службе применима одна и более из перечисленных выше статей, независимо от срока давности его следует увольнять с занимаемой в данный момент должности.

Кроме того, с теми, кто нарушает статьи о попечении о народе и поощрении земледелия и шелководства и др. из вышеперечисленных, также поступать в соответствии с их проступком». Государь одобрил эти предложения» («Сёку нихонги», Энряку, 5-4-11, 786 г.).

Подавляющее число положений указа 786 г. повторяет те или иные статьи «Ёрорицурё» (сост. в 718 г., введен в действие в 757 г.). Тем не менее, положения эти не соблюдались. И когда двадцать лет спустя в 806 г. при императоре Хэйдзэй (806-809) на уровне округов была учреждена новая должность инспекторов – кансацуси (кит. гуаньяшаши), им предписывалось проводить в жизнь положения все того же указа 786 г. («Нихон коки», Дайдо, 1-6-10, 806 г.).

Как видно из таблицы № 4, сроки проведения инспекций и единицы инспектирования не были четко установлены, сами названия должностей проверяющих чиновников были буквальными заимствованиями из танского Китая²⁵. Инспекции часто носили экстраординарный характер (например, в 766 и 772 гг. они проводились в связи с разразившимся в эти годы голодом с целью выяснения нанесенного стране ущерба), а сама должность инспектора могла

Таблица № 4. Назначение инспекторов
(по «Сёку Нихонги»)

	Дата	Название должности	Единица инспектирования
1	699	дзюнсасуци (кит. сюнъячи)	Кинай и провинции
2	700	дзюнсасуци	Тосан
3	703	дзюнсасуци	7 регионов
4	709	дзюнсасуци	Тосан, Токай
5	715	дзюнсасуци	?
6	719	ансэти ²⁰ (кит. анъячи)	провинции (42) ²¹
7	721	ансэти	провинции (17) ²²
8	722	ансэти	провинции (Муцу и Дэва)
9	727	?	7 регионов
10	742	дзюнсасуци	Кинай и 7 регионов
11	744	дзюнсасуци	Кинай и 7 регионов
12	752	ансэти	провинции (5) ²³
13	754	дзюнсасуци	Кинай и 7 регионов
14	760	дзюнсасуци	7 регионов
15	761	ансэти	провинции (6) ²⁴
16	763	ансэти	провинции (Муцу и Дэва)
17	766	дзюнсасуци	Кинай и 7 регионов
18	767	ансэти	провинции (Муцу и Дэва)
19	772	ансэти	провинции (Муцу)
20	772	дзюнсасуци	7 регионов
21	777	ансэти	провинции (Муцу)
22	781	ансэти	провинции (Муцу)
23	782	ансэти	провинции (Муцу)
24	783	ансэти	провинции (Оми)
25	786	?	Тосан, Токай

заметно видоизмениться в зависимости от специфики местной ситуации. В провинциях Муцу и Дэва, населенных непокоренными племенами эмиси, должность инспектора (ансэти) стала военной.

В таком источнике, как моккан, должности инспекторов (ансэти) упоминаются лишь дважды.

В первом моккан говорится следующее: «Стаж за три года. Инспектор провинции Харима, младший [4-й ранг?]» (найден в Хэйдзёке на территории Сикибусё). В «Сёку нихонги» зафиксировано два назначения на должность инспектора провинции Харима: в 719 г. на эту должность был назначен Камо-но Асоми Кибимаро, а в 721 — Кудара-но Коникиси Нантэн. Оба в момент назначения обладали младшим 4-м рангом, Камо-но Асоми нижней, а Кудара-но Коникиси верхней степени («Сёку нихонги», Ёро, 3-7-13, 719 г.; Ёро, 5-6-26, 721 г.). Так что в моккан могут подразумеваться и тот, и другой чиновники. Но, судя по сохранив-

шемуся фрагменту текста, а также по месту находки (территория министерства церемоний или, как предполагают переводить термин «сикибусё» А.Н. Мещеряков и М.В. Грачев, Министерства кадров), не инспектор Харима осуществлял проверку на местах, а сам он был объектом проверки (аттестации).

Сохранность второго моккан хуже. В ней, помимо должности инспектора (ансэти), упоминаются сосевый соус и уксус, т.е. опять же говорить о проверке на местах не приходится.

Таким образом, данные моккан, а вернее их отсутствие, подтверждают вывод о несостоятельности округов в качестве инспекционных единиц.

Тем не менее, однако, полномасштабные инспекции (затрагивавшие все или почти все провинции) фиксировались в «Сёку нихонги» хотя бы один раз в правление (по 1 разу в правления Момму, Гэммэй, Гэнсё, 3 раза в правление Сёму, 2 раза — в правление Кокэн; по правлению Камму данные неполные, в «Сёку нихонги» для его правления зафиксирована 1 полномасштабная инспекция).

Можно выделить следующие различия между китайскими и японскими инспекторами окружного уровня: 1) в Китае назначения на должности инспекторов проводились регулярно, а в Японии — нет; 2) танские инспекторы обладали значительно более широкими полномочиями, которые к тому же имели тенденцию к расширению; в IX в. танские инспекторы, помимо проверяющих функций, обладали судебными, экономическими функциями, а также имели право рекомендации центру кандидатур на местные должности; 3) в Китае имела тенденция к оседанию инспекторов окружного уровня на местах, что вкрупне с широкими полномочиями окружных инспекторов вело к созданию реальной угрозы власти центра на окружном уровне²⁶; в Японии подобных тенденций практически не было²⁷.

На уровне китайского прототипа японских округов — «дао»²⁸ — чрезвычайно важную роль играли военные функции. В начале VIII в. в Тан появилась должность военных губернаторов «дао» — цзедуши (яп. сэцудоси), стоявших во главе округов. Однако должности с похожими функциями существовали и раньше. В 721 г. цзедуши были назначены в 10 округов-дао. Под началом каждого из них находилось от 15400 до 91400 солдат²⁹.

Но если в Китае концентрация военной силы в округах (особенно пограничных) была насущной необходимостью ввиду постоянной угрозы вторжения кочевников, то в Японии такой необходимости не было. Поэтому и заимствованная из Тан должность военного губернатора — сэцудоси — имела ярко выраженный внешнеполитический характер. Впервые назначения на эту должность зафиксированы в 732 г. (были назначены военный губернатор Токай и Тосан и военные губернаторы Сайкай и Саньин)³⁰. Назначение было произведено в один день с назначением послов в Таң («Сёку нихонги», Тэмпё, 4-8-17, 732 г.), что уже само по себе свидетельствует о внешнеполитической подоплеке. Введение должности военных губернаторов было вызвано ухудшением отношений

с корейским государством Силла. Власти Силла были недовольны тем, что японцы установили дипломатические отношения с их противником на континенте — государством Бохай¹¹, а также гегемонистскими претензиями Японии (считавшей Силла своим вассальным государством). В 732 г., за несколько месяцев до назначения военных губернаторов, посол Силла стал просить о сокращении числа силланских посольств, что вызвало недовольство Японии. Введение военных губернаторов стало одной из мер по подготовке к несостоявшейся войне.

В следующий раз назначения на должности военных губернаторов были произведены в 761 г. (в Токай, Нанкай, Сайкай), но в 761 г. территории, подчиненные им, не совпадали с границами округов («Сёку нихонги», Хоки, 11-7-15, 761 г.). В это время Япония вновь готовилась к войне, планируя военное вторжение на Корейский полуостров. Такое решение было принято, в частности, в связи с внутренними беспорядками в танском Китае, лишившими Силла поддержки могущественного соседа. Как и в предыдущий раз, в 761 г. планировалась отправка посольства в Тан (посольство не было отправлено). Изменение границ территорий, подчиненных военным губернаторам, было, по-видимому, вызвано причинами целесообразности. Военному губернатору Нанкай помимо четырех провинций о. Сикоку подчинялись провинции о. Хонсю, расположенные вдоль побережья Внутреннего Японского моря. Это должно было облегчить координацию сбора и отправки кораблей с размещенным на них военным корпусом на материк.

В VIII столетии существовала еще одна военная должность на уровне округов — тинбуси, или «умиротворители» (перевод термина предложен А.Н. Мещеряковым). В «Сёку нихонги» назначение на эту должность зафиксированы лишь дважды: в 731 (в округа Нанкай, Санъё, Санъин) и в 746 гг. (во все округа, за исключением Сайкай, где должность умиротворителя исполнял наместник Дадзайфу). Но в том же 746 г. должность умиротворителей была упразднена. В отличие от военных губернаторов, введение умиротворителей было вызвано внутренними потребностями. В 731 г. из-за засухи год был неурожайным, хроника «Сёку нихонги» отмечает появление разбойников и грабителей. Об обязанностях умиротворителей говорится следующее: «В обязанности управляющего Кинай входит мобилизация воинов и лошадей в столице и в Кинай, предотвращение сборищ, образования злоумышленных клик, искоренение бедности среди старых и молодых, исправление неправых действий [со стороны местных властей], обличение несправедных чиновников, поиск и поимка преступников, а также выявление воров, грабителей, предсказателей и тех людей, которые обладают оружием, не являясь при этом воинами. Следует также время от времени совершать инспекционные поездки по провинциям и уездам и немедленно докладывать государю о том, что есть хорошего и плохого. Нельзя допускать промедления с докладом, чтобы те,

кто уже совершил преступления, не могли бы подпасть под помилование. [Управляющему] разрешается выносить решение о наказании преступников ударами палками от 100 раз и меньше, о более серьезных преступлениях следует подавать доклад. Обязанности управляющих округами определяются в том же объеме, за исключением права мобилизации войск и лошадей» («Сёку нихонги», Тэмпё, 3-11-28, 731 г.; перевод А.Н. Мещерякова).

Отметим, что оба раза назначение умиротворителей осуществлялось в правление императора Сёму, отличавшееся политической нестабильностью.

В моккан встречаются два упоминания военных губернаторов (сэцудоси): один раз в учебном тексте (в моккан, найденном на территории Хэйдзёкё), и один раз упоминается чиновник по имени Инукаи из штаба военного губернатора (найден в современной префектуре Ямагути, на территории медных рудников старой провинции Нагато).

В целом использование округов в качестве военной единицы не получило развития ни для внешнеполитических, ни для внутренних нужд. С уменьшением интереса японских правящих кругов к ситуации на материке военный фактор теряет свое значение в 80-90-е гг. VIII в.: сообщения военного характера на уровне округов фиксируются лишь для Токай, Тосан, в меньшей степени Хокуруку, а в дошедших до нас фрагментах «Нихон коки» военных сообщений на уровне округов нет вовсе.

Среди целей введения окружного деления можно выделить идеологические — стремление создать административно-территориальную систему управления, максимально похожую на танскую; сакральные — стремление продемонстрировать подвластность всей территории страны японскому императору; практические — стремление использовать округа в качестве цензорской и военной единиц, для экономической координации, а также для поддержания коммуникативных процессов между центром и остальными частями страны.

Однако фактически округа так и остались искусственным (то есть не получившим развития) звеном административно-территориального деления. Об этом свидетельствует: 1) низкое количество сообщений на этом уровне административного деления в официальных хрониках и почти полное отсутствие упоминаний в моккан; 2) высокий коэффициент вариации количества сообщений на уровне округов (по «Сёку нихонги»); 3) отсутствие постоянного штата чиновников (за исключением Дадзайфу) на этом уровне территориального деления.

Поэтому и практические цели введения окружного деления (прежде всего, цензорская и военная) также не были осуществлены в полной мере. Вероятно, можно говорить о преемственности с наиболее ранней должностью уровня, подобного окружному (сорё), в том смысле, что преобладающей тенденцией было использование округов для краткосрочных, а не долгосрочных задач.

Примечания

- ¹ Перевод термина «до» как «округ» предложен А.Н. Мещеряковым и М.В. Грачевым. См.: История Древней Японии. СПб., «Гиперион», 2002.
- ² Основными землями административно-территориального деления были: округа (кит. дао, яп. до); провинции (кит. чжоу, яп. коку); уезды (кит. сянь, яп. гун); села (кит. ли, яп. сато/ри).
- ³ Здесь и далее «Нихон сёки» цитируются по: Нихон сёки (Анналы Японии). Пер., пред. и комментарии А.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб., «Гиперион», 1997. Т. 2.
- ⁴ Хаякава Сёхати. Нихон-но рэкиси 4. Рицурё кокка (История Японии 4. Государство «Рицурё»). Токио, «Сэйаккан», 1974, с. 48.
- ⁵ Сёку нихонги («Продолжение анналов Японии»). Серия «Син Нихон котэн бунгаку тайкэй», Т. 1-5. Токио, «Иванами сётэн», 1989-1996.
- ⁶ В сообщении говорится, что в округ Тосандо отправлены инспекторы для выяснения нарушений («Сёку нихонги», Момму, 4-2-22, 700 г.).
- ⁷ С начала VIII в. округа перечислялись в следующем порядке: (Китай), Токай, Тосан, Хохурику, Санъин, Санъё, Нанкай, Сайкай. То есть перечисление начинается с центра, далее с востока против часовой стрелки с одним отклонением на запад (Сайкай) в самом конце. При Тэмму же последовательность перечисления округов такова: Токай, Тосан, Санъё, Санъин, Нанкай, Цукуси. То есть сначала перечисляются восточные округа (Токай и Тосан), затем западные (Санъё и Санъин). В обоих случаях перечисление идет с юга на север. Затем идет южный округ Нанкай, а затем самая западная область Цукуси.
- ⁸ Приношу благодарность М.В. Грачеву, обратившему мое внимание на возможную связь между сорё и более поздними округами.
- ⁹ «Описание земель и обычаев» составлены в первой трети VIII в., дошли фрагментарно. Фрагменты этого источника цитируются по: Фудоки. Серия «Нихон котэн бунгаку тайкэй», Т. 2, Токио, 1970.
- ¹⁰ Мацубара Хиронобу. Сорё то коори-но рё (Сорё и управители коори). – Нихон рэкиси. 1989, № 492, с. 8.
- ¹¹ Проще говоря, упоминания округов в хронике распределяются крайне неравномерно.
- ¹² Танским провинциям «чжоу» (州) соответствовали японские провинции «коку» (国), танским уездам «сянь» (縣) – японские уезды «гун» (郡).
- ¹³ В современном китайском выражение «реки и горы» (кит. шань хэ) является образным обозначением родины.
- ¹⁴ Подробнее об ориентальной системе в Древней Японии см.: Симонова-Гудзенко Е.К. Ориентальная система в Японии VII-X вв. – Япония. Путь кисти и меча. 2002, № 4.
- ¹⁵ Иероглиф «гора» (яп. сан) присутствует в названиях трех округов: Тосандо (東山道, округ «Восточные горы» или «К востоку от гор»), Санъиндо (山陰道, «Гора Инь» или «К северу от гор»), Санъёдо (山陽道, «Гора Ян» или «К югу от гор»). Иероглиф «море» (яп. «кай») также входит в название трех округов: Токайдо (東海道, «Восточное море»), Сайкайдо (西海道, «Западное море»), Нанкайдо (南海道, «Южное море»).
- ¹⁶ Хаякава Сёхати. Нихон-но рэкиси 4. Рицурё кокка (История Японии 4. Государство «Рицурё»). Токио, «Сэйаккан», 1974, с. 48; The Cambridge History of China / ed. by D. Twitchett and John K. Fairbank. Vol. 3, Part 1, London – New York – Melbourne, 1979, с. 205.
- ¹⁷ О символике восьмерки см.: Мещеряков А.Н. Символика числа 8 в японской официальной культуре VII-VIII вв. – Проблемы Дальнего Востока. 1999, № 3.
- ¹⁸ Сёку нихонги, Тэмплё Сёхо, 5-12-13, 753 г.; Нихон коки, Дайдё, 1-8-4, 806 г. – Нихон коки. Серия «Кохуси тайкэй», Токио, «Ёсикава кобункан», 1982. Третья по счету официальная историческая хроника. Ее составление было завершено в 840 г. Хроника состояла из 40 светов, но до нас дошли только 10 из них.
- ¹⁹ «Государяня повелела своим посланцам в провинциях: «Многие люди в Поднебесной бегут с места прилиски в другие деревни, ловко избегая несения трудовой повинности. Тех, кто бродяжничает более трех месяцев, следует внести в реестры соответствующих провинций и вменить в обязанность платить налоги тё и ё согласно установлениям этих провинций. За добродетели управлений провинций и уездов почитаются: заботиться о народе и указывать ему, поощрять земледелие и разведение шелководства, иметь склонность к помощи народу в

голоде и холоде. Вред же государству приносят такие люди, кто, находясь при должности, думают лишь о себе, земледелию не способствуют, выжимают из народа все соки. [Тех чиновников в управлениях провинций и уездов, которые] поощряют промысел и увеличивают богатство, следует причислить в верхнему разряду. Тех, кто поощряет промысел, но люди у них испытывают недостаток в одежде и еде, следует причислить к среднему разряду. Тех, у кого поля не обхожены, а люд мрет от голода и холода, следует причислить к нижнему разряду. Если таковых наберется более 10 человек, то такого чиновника от должности отстранять. Каждое из четырех сословий имеет свое занятие. То, что люди теряют свои занятия и бродяжничают, происходит оттого, что в управлениях провинций и уездов плохо поставлена работа по их воспитанию, чего допускать нельзя. И таких людей [в управлениях провинций и уездов] надо выявлять и наказывать. Следует отправить инспекторов, дабы обозреть нравы в Поднебесной. И пусть они служат управлению добродетельному, дабы праведность государева всех углов достигала!» [Сёку нихонги, Рэйки, 1-5-1, 715 г.] (перевод А.Н. Мещерякова).

²⁰ Эта должность была введена в 719 г. по китайскому образцу. Как и в Китае, чиновник, назначавшийся на эту должность, был также управителем одной из вверенных ему для инспектирования провинций. Однако в дальнейшем эта должность исчезла, сохранились лишь в северо-восточных окраинах, где приобрела военные функции (ансэти провинций Муцу и Дэва).

²¹ Провинции Исэ, Ига, Сима, Тотомо, Суруга, Идзу, Каи, Хитацуби, Ава (о. Хонсю), Кадзуса, Симоса, Мино, Овари, Микава, Синано, Мусаси, Сагати, Кодзукэ, Симокукэ, Эидзидзэ, Ното, Этто, Этто, Тамба, Танго, Тадзима, Инаба, Идзумо, Хоки, Ивами, Харима, Бидзэн, Биттё, Мимасака, Авадзи, Иё, Ава (о. Сикоку), Санзюки, Тоса, Бинго, Аки, Суо.

²² Провинции Харима, Нагато, Суо, Ивами, Сува, Хидэ, Мино, Муцу, Дэва, Садо, Эидзэн, Оки, Идзумо, Биттё, Бинго, Каи, Ямато.

²³ Провинции Тадзима, Инаба, Хоки, Идзумо, Ивами.

²⁴ Провинции Мино, Хидэ, Синано, Ига, Оми, Вакаса.

²⁵ В Тан название должности проверяющего чиновника из центра появлялись в следующей последовательности: сунъячши (яп. дзюнсасуси), аньчяши (яп. адзэти), аньчяйфанши (цайфанши), гуанчяши (яп. кансауси). – Тогоку рэкидай сёккан дзитэн (Административные должности в Китае. Исторический справочник), Токио, 1980, с. 162; Чжэн Бюньцзюнь. Тан дай-но кансауси-ни цуйтэ (Об инспекторах (гуанчяши) эпохи Тан). – «Сирич». 1994. Т. 77. № 5. В Японии последовательность появления названий должности та же, но за пропуском двух из них (аньчяйфанши и цайфанши).

²⁶ Чжэн Бюньцзюнь, ук. соч., с. 43, 60-62.

²⁷ Исключение составляет округ Сайкайдо. Здесь располагалось Главное Наместничество области Сайкайдо (Дайдзайфу), которое в эпоху Нара было вторым по величине после столицы населенным пунктом. Согласно «Тайхорё» (II-69), наместнику Дайдзайфу приспосабливался штат служащих; структура управления Дайдзайфу в миниатюре копировала центральные органы управления. Именно здесь в 740 г. фактический глава Дайдзайфу Фудзивара-но Хироцуру (?-740) поднял мятеж, мобилизовав солдат из подведомственных ему провинций.

²⁸ Регионы-дао (числом десять) были образованы в 627 г., в 733 – их стало 15, а к концу Тан их стало еще больше, они стали играть роль еще одной административной единицы, стоявшей над округами (чжоу).

²⁹ Мисима Хадзимэ, Судзюки Суэцуру. Тоё тэсэй си (История Востока в Средние века). Т. 2, Токио, «Хёбонся», 1939, с. 315. Для сравнения следует сказать, что в 761 г. в разгар готовящейся карательной экспедиции в Корею численность подчиненных военным губернаторам воинских континентов колебалась от 17482 до 23298 человек («Сёку нихонги», Тэмплё Ходзи, 5-11-17, 761 г.).

³⁰ Фудзивара-но Асоми Фусасаки, 3-й старший ранг, был назначен военным губернатором округов Токайдо и Тосандо. Тадзихи-но Махито Атамори, 3-й младший ранг, – военным губернатором округа Санъиндо. Фудзивара-но Асоми Умахи, 3-й младший ранг, – военным губернатором округа Сайкайдо.

³¹ Государство на севере Корейского полуострова, существовало с конца VII в. до 926 г. Начиная с 727 г. Япония регулярно поддерживала дипломатические контакты с этим государством.

Алексей Горбылёв

«Сердце коня — мое сердце»

Если самурай эпохи Токугава (1603-1867) — это воин с двумя смертоносными мечами за поясом, хорошо знакомый нам по историческим кинобоевикам, то самурай предшествующего периода — конный рыцарь, облаченный в тяжелые доспехи, без промаха стреляющий из лука с мчащегося галопом боевого коня.

Само происхождение самурайства, по мнению целого ряда специалистов по военной истории Японии, неразрывно связано с боевым конем. Первоначально армия древнеяпонского государства Ямато была пешей, но столкновение около 400 г. на юге Кореи с конницей северокорейского царства Когурё, обратившей японцев в бегство, явилось толчком для создания конного войска, задавало новое направление развитию всего военного дела и явилось определяющим фактором в становлении военного сословия в Японии.

Уже с V в. конница становится ударной силой японской армии. Связано это было с тем, что, будучи гораздо мобильнее пехоты, отряд конных лучников практически без потерь мог истребить целое войско пехотинцев, как бы хорошо оно ни было организовано.

Ведение боя верхом на скачущем коне было занятием отнюдь не безопасным. Чтобы эффективно сражаться, всадник должен был иметь обе руки свободными (или практически свободными), управляя конем ногами и голосом. Отсюда вытекала необходимость долгой и тщательной подготовки конника и не менее долгой и тщательной дрессировки коня. Боевой конь был очень дорог. Для его объезды требовалось много свободного времени. Он съедал в 6-8 раз больше зерна, чем человек. Его хозяин должен был заботиться о продолжении конского рода. В мирное время польза от коня была невелика. Его мясо и молоко не шли ни в какое сравнение с мясом и молоком коровы, а хомут, который позволил запрягать коня в плуг, был изобретен в Европе лишь около 1000 г. н.э. Все это в совокупности предопределило то, что в Японии средой формирования группы профессиональных воинов-конников стала провинциальная аристократия, имевшая возможность содержать коней и учиться верховой езде. Именно эта группа, по мнению военных историков, и явилась первоисточником самурайства, хотя переход от провинциальной знати, специализирующейся в конном бое, к самураям занял чуть ли не полтысячелетия.

Учитывая столь великое значение боевых коней для самурайства, было бы неправильным в нашей серии очерков о традиционных боевых искусствах Японии забыть о бадзюцу (оно же дэбадзюцу, ёбадзюцу, гунба и др.) — искусстве верховой езды. Тем более, что оно отнюдь не избаловано вниманием современных историков и журналистов, которым бадзюцу неинтересно, наверное, потому, что современный человек, привыкший к «стальному коню» — автомобилю, весьма слабо представляет, сколь непростая эта штука — верховая езда.

И в самом деле! Ну кто из нас, видевших лошадей только в кино или на картинке (хорошо если в деревне на выпасе), знает, например, что стоит всаднику взять в руки какой-нибудь незнакомый предмет (не говоря уже о том, чтобы им размахивать), как даже самая смиренная лошадь приходит в такой ужас, что может запросто вышвырнуть неопытного седока из седла? Или что беговые лошади в ярости порой разносят коляску в щепы, превращая возницу в кожаный мешок с обломками костей?

Короче говоря, бадзюцу — тема новая и, смею думать, достаточно интересная. В общем, по коням!

Основные вехи истории бадзюцу

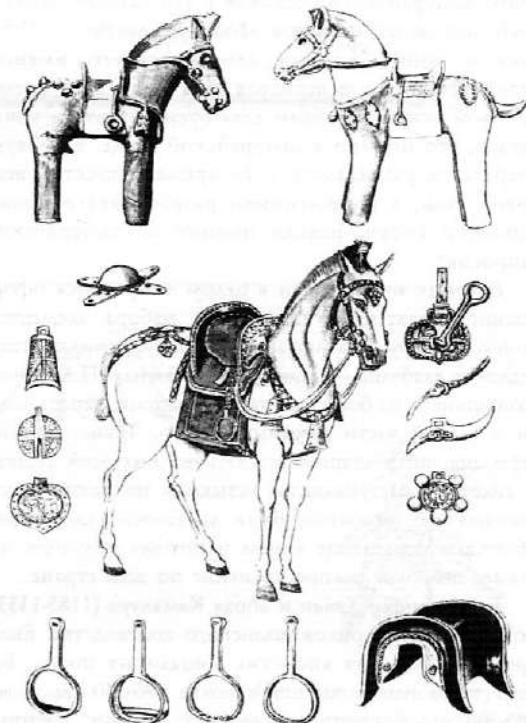
Если верить древнекитайской летописи «Вэй-чжи», то в Древней Японии лошади не водились. А мифологическо-летописные своды «Кодзики» и «Нихон сёки» сообщают, что лошадей в качестве диковинки японским императорам преподносили в дар правители корейских государств и иммигранты с материка. Исходя из этой информации, некоторые исследователи поторопились объявить, что первые лошади — низкорослые, но выносливые лошадики монгольского типа — попали на Японские острова где-то в IV в. нашей эры с Корейского полуострова, и что именно с этого времени следует отсчитывать историю японского коневодства.

Однако при раскопках стоянок более ранней культуры Дзёмон (13 тыс. лет назад — III в. до н.э.) нередко обнаруживаются кости и зубы лошадей — несомненное доказательство их бытования в Японии ранее IV в. Судя по костякам, это были небольшие по размерам лошади, практически непригодные для верховой езды (в этом археологи видят возможность компромисса данных раскопок и письменных источников, ведь «корейские» лошади использовались как раз в качестве верховых), они водились на Тихоокеанском побережье Кюсю и Хонсю. Некоторые ученые считают, что они попали туда в конце эпохи Дзёмон из южной части континентального Китая.

Говоря о древних лошадях, нельзя пройти мимо и знаменитой «теории всадников». Дело в том, что на рубеже IV и V вв. наблюдается резкое изменение характера инвентаря в курганных захоронениях знати. Он приобретает все больше воинственных черт: доспехи, оружие — причем того типа, что использовался кочевниками. На связь с ними указывают и многочисленные предметы конской сбруи, которые обнаруживаются в тех же захоронениях. Характер инвентаря и резкая замена им более раннего, типично жреческого и земледельческого, дали основания японскому археологу Эгами Намио высказать гипотезу о вторжении на Японские острова на рубеже IV и V вв. племени кочевников, которые подчинили себе местное земледельческое население.

Хотя со времени ее обнаружения гипотеза Эгами не раз подвергалась небезосновательной критике (но не опровергнута полностью до сих пор), для нас важно именно то, на что обратил внимание археолог — сходство островных предметов сбруи с материковыми. В курганах находят седла (основная их часть выполнена из кожи и сходна с современными седлами западного образца) с металлическими или деревянными украшениями, кольцеобразные (главным образом) стремена (похожи на европейские), идентичные синхронным корейским. Все это свидетельствует о влиянии древнекорейской традиции коневодства и верховой езды на древнеяпонскую.

Как бы там ни было, в Древней Японии на землях царского дома были организованы лошадиные выпасы, начали формироваться центры коневодства,

Ханьва, детали конской сбруи, стремена, седло и реконструкция конской сбруи эпохи Кофун

которые постепенно перемещались все далее на восток, на равнину Канто, где условия для разведения коней были оптимальными. Никакой коневодческой науки тогда, конечно, не существовало, селекционная работа не велась, лошади питались подножным кормом. Лучших из них использовали в качестве даров святилищам и аристократам, средних отдавали в армию или в почтовую службу, худших продавали.

По мере ослабления материкового влияния, с зарождением собственных традиций верховой езды наблюдается изменение конской сбруи, которая постепенно приобретает уникальные японские черты. Так, стремена (абуми), хранящиеся в сокровищнице Сёсоин, уже не кольцеобразные, а относятся к характерному для переходного периода типу «цубо-абуми» — «стремена-горшки». Они напоминают по форме полусферический сосуд, который, однако, еще не имеет характерного для поздних стремей «языка» в задней части. А вот седла в Сёсоин уже типично японские.

Эволюция основных предметов сбруи указывает на эволюцию стиля верховой езды, которую можно охарактеризовать как постепенный отход от материкового стиля и формирование стиля собственно японского. Полагают, что его основы были заложены воинами из восточных провинций, где конным японским воинам приходилось без конца гоняться то за враждебными «варварами» эмиси, то за преступниками.

Именно там, на востоке Хонсю, во второй половине эпохи Хэйан (794-1185) происходит оформ-

ление самурайского сословия с его особой идеологией, носившей название «Кюба-но мити» — «Путь лука и коня», которое свидетельствует: именно стрельба из лука и верховая езда были в то время основой основ военного дела буси. Стоит ли удивляться, что именно в самурайской среде, в первую очередь, и развивалось в то время искусство верховой езды, а ремесленники разрабатывали новые варианты сбруи, исходя именно из самурайских запросов?

В конце эпохи Хэйан в целом завершается оформление характерного японского набора элементов конской сбруи, включающего вагура — «японское седло» и вабуми — «японские стремяна». Последние, развившиеся из более ранних цубоабуми, теперь имели в задней части длинный «язык». Такие тяжелые стремяна, позволявшие вставить на них всей стопой и колотить выступающим «язычком» по брюху коня, погоняя его, вероятно, были достаточно удобными, облегчали управление конем и потому получили наиболее широкое распространение по всей стране.

Конец эпохи Хэйан и эпоха Камакура (1185-1333), по мнению историков японского коневодства, были временем расцвета японских лошадиных пород. Боевые кони имели высоту в холке 135-140 см и вес 280-300 кг. Конечно, встречались и более крупные экземпляры, но они были редки и не пользовались большой популярностью у воинов. Известно, например, что знаменитый полководец Кусуноки Масасигэ идеальным считал коня ростом в холке 130 см, быс-

троногого и неутомимого при скачке на большие расстояния.

По степени горячности (норову) самураи делили коней на три категории: сильно горячие, умеренно горячие и не горячие. Выбирая коня, как правило, отдавали предпочтение «золотой середине» — умеренно горячим коням, которые были наиболее пригодны для различных маневров на поле боя: атаки и отступления, посадки в седло и спуска на землю.

К этому времени искусство военной верховой езды достигло уже высокого развития. Самурай умел не только уверенно держаться в седле, но и стрелять из лука, рубить мечом и алебардой, переплывать с конем небольшие речки, преодолевать невысокие препятствия.

Легендарная традиция, на пересказ которой нет-нет да сбиваются японские историки боевых искусств, относит зарождение первых школ бадзюцу уже к эпохе Хэйан. В частности, утверждают, что еще в XI в. в доме Гэндзи уже существовала своя традиция верховой езды и стрельбы из лука, которая называлась «Ирай-рю» — «Школа движения навстречу», и что великий военачальник Минамото-но Ёсиэ переработал ее и создал на ее основе школу Касима-рю. Впрочем, узнать, что эти «школы» (скорее всего, никогда и не оформившиеся в настоящие рюха) собой представляли, никакой возможности нет...

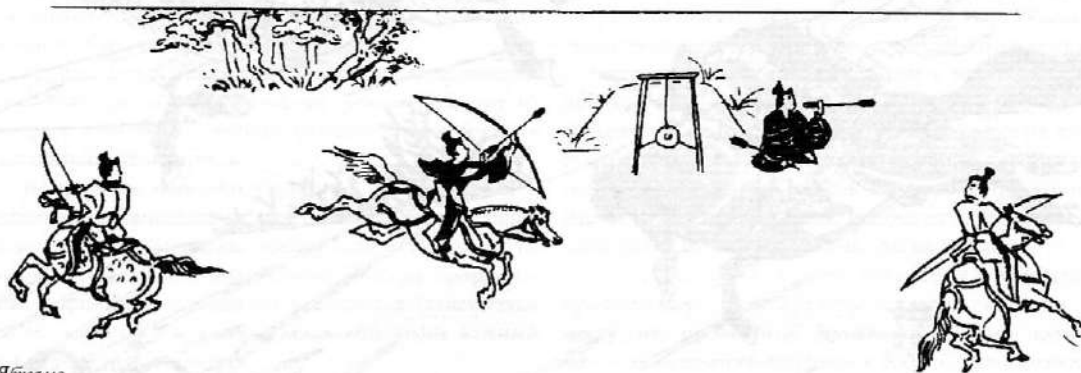
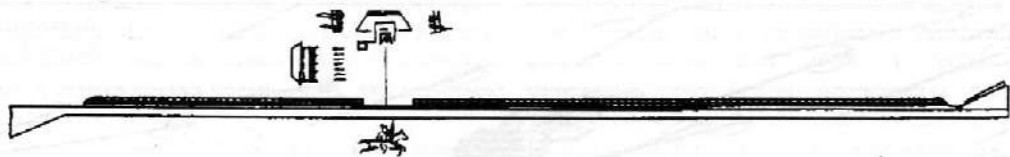
Многочисленные источники школы воинского этикета Огасавара-рю, включавшей в себя, помимо прочего, приемы верховой езды и стрельбы из лука как с коня, так и из стойки, утверждают, что в 1187 г. сёгун Минамото Ёриёси назначил Огасавара Нагакиё официальным наставником сёгуна по стрельбе из лука с коня. Нагакиё якобы утвердил правила проведения церемоний касагакэ, ябусамэ и инуоумоно и таким образом создал собственную школу.

Если эти сведения верны, то Огасавара-рю следует считать самой древней из реально существовавших и существующих школ боевых искусств. Но в настоящее время историки, анализируя данные независимых от Огасавара источников, опровергают претензии Огасавара-рю на статус ортодоксальной школы этикета первого сёгуна, отодвигая приобретение ею этого статуса более чем на двести лет позднее, в начало XV в. — время правления сёгуна Асикага Ёсинори. Однако то, что оформление касагакэ, ябусамэ и инуоумоно, которые выступали одновременно и как методы тренировки стрелков из лука с коня, и как формы состязания, и как религиозные ритуалы, произошло в Камакурскую эпоху, не оспаривает никто.

Упражнение касагакэ восходит к эпохе Хэйан. Первоначально воины выпускали стрелы по бамбуковым шляпам (каса), откуда и происходит название этого способа совершенствования мастерства конного лучника, которое буквально означает «подвешенная шляпа». При практике касагакэ стрелки пускали коней по специальной дорожке по направлению к мишени и с середины ее начинали стрелять по обтянутой кожей деревянной мишени диаметром около

Удила, стремя, конструкция седла и реконструкция конской сбруи эпохи Хэйан

Ябусамэ

50 см, установленной на расстоянии около 15 м в стороне от дорожки. В период Камакура касасагаэ достигло своего расцвета как вид спорта буси и, вероятно, в это же время стало проводиться как религиозная церемония во время празднеств в некоторых синтоистских святилищах.

Ябусамэ — стрельба на скаку по мишеням, установленным сбоку от скаковой дорожки. Издревле использовалась для обучения и проверки уровня подготовки воинов, так как для того, чтобы управлять конем без помощи рук, быстро вытаскивать стрелы из колчана, натягивать лук, прицеливаться и поражать мишени со скачущего коня, требуется высочайшее мастерство наездника и стрелка.

Вероятно, еще в эпоху Хэйан ябусамэ превратилось в вид религиозной церемонии, а если верить легендарной традиции, то даже раньше. Так, предание гласит, что церемония ябусамэ была впервые проведена императором Киммэй (509-571) в святилище Уса Хатиман-гу, чтобы умолить бога Хатиман ниспослать мир и богатый урожай. Однако первое письменное упоминание о ябусамэ относится к 1096 г. — тогда эта церемония была проведена в присутствии экс-императора Сиракава.

Церемония ябусамэ проходит в 4 этапа. Сначала руководитель группы стрелков, которых может быть 7, 10 или 16, выпускает стрелы в небо и в землю для установления вечного мира между ними. Затем стрелки по очереди на полном скаку выпускают стрелы по трем квадратным мишеням со стороны около 60 см, установленным в ряд на расстоянии около 46 м одна от другой и на удалении около 2 м от скаковой дорожки. Участники, поразившие все 3 мишени, допускаются к стрельбе по трем «бычьим глазам», изготовленным из глины в виде шариков

диаметром около 9 см. После завершения стрельбы мишени подносятся руководителю для осмотра. Стреляют стрелами со свистульками вместо наконечника, которые своим гудением должны отпугнуть злых духов. С той же целью на мишенях часто пишут иероглиф «они» — «чёрт». По тому, под каким углом стрела попала в мишень, предсказывают будущее.

Упражнение инуоумоно, что буквально означает «гонки за собаками», возникло в эпоху Камакура (1185-1333) и быстро завоевало популярность среди буси как своеобразный вид спорта. Оно представляло собой стрельбу по собакам тупыми стрелами. В центре конского манежа веревкой окружали круг диаметром около 14,3 м. Внутри него выделяли круг меньшего диаметра. Стрелки скакали вокруг внешнего круга и выпускали стрелы по собакам, которых помощники выпускали из центра малого круга. Мастерство стрелка оценивалось по тому месту, где падала собака, пораженная стрелой.

После падения Камакурского сёгуната воинский стиль бадзюцу вступил в период упадка. Тому были причины как объективные, так и субъективные. Что касается последних, то надо отметить негативное влияние хоть и краткосрочного, но все-таки перехода власти в стране в результате восстановления прямого императорского правления (1333-1336) в руки императора Годайго (правил 1318-1332, 1333-1339). Годайго, считавший инуоумоно чрезмерно жестокой забавой, вообще запретил его. А под влиянием вкусов далеких от войны аристократов в столице стал цениться чисто церемониальный стиль верховой езды, лишенный всякого боевого значения.

Что же касается объективных причин упадка воинского стиля, то сначала бесконечные войны периода

Конная атака.
Рисунок Хокусай

Намбокутэ не оставляли самураям времени для тренировок, а потом, с конца XIV в., установившийся в центре относительно стабильный мир уже не способствовал возрождению упражнений в стрельбе из лука с коня в прежнем масштабе. В это время в упадок приходят касагакэ и ябусамэ, и только инуоумоно, возрожденное в 1342 г. при поддержке сёгуна Асикага Такаудзи усилиями Огасавара Садамунэ, 7-го верховного мастера школы Огасавара-рю, оставалось популярным видом спорта буси — видимо, стрельба по собакам, по сути, род охоты, увлекала воинов больше иных игр, связанных со стрельбой с коня. Впрочем, в эпоху Сэнгоку (1467-1568) захирело и инуоумоно.

Нельзя не сказать и о пагубном влиянии войн на конский генофонд: в сражениях периода Намбокутэ вместе с их хозяевами гибли лучшие представители конского рода. Причем потери были настолько ощутимыми, что историки бадзюцу всерьез говорят о снижении качества лошадей в первой половине эпохи Муромати. Только с установлением мира в конце XI-V в. дело пошло на поправку. Но, как знают все, кто знаком с историей Японии, мир тогда продолжался не так уж долго и нет-нет да прерывался смутами, которые в конце концов переросли в одну большую Смуту годов Онин-Буммэй (1467-1477), открывшую кровопролитнейший период Сэнгоку.

Официальной школой верховой езды сёгуната, видимо, с начала XIV в. являлась Огасавара-рю. По крайней мере, традиция этой школы утверждает, что Огасавара Масанага, 8-й патриарх, и его наследник,

9-й верховный мастер Нагамото, состояли на службе у сёгуна Асикага Ёсимицу.

Однако уже в начале XV в. на первый план выдвигается школа Оцубо-рю, основанная Оцубо Ёсихидэ (Додзэн), учеником Масанага и Нагамото.

О мастере Оцубо, как и о созданной им школе бадзюцу, известно мало. Сообщают, что больше половины жизни он провел в скитаниях, прошел полный курс обучения по школе Огасавара-рю и служил потом сёгуну Асикага Ёсимицу в качестве наставника по верховой езде, что, несмотря на иную фамилию, на деле был родным сыном Огасавара Нагамаса... К сожалению, обрывочные данные не дают ответа, чем же школа Оцубо-рю завосвала сердца тогдашних буси.

Оцубо Ёсихидэ

Первое, что приходит на ум, — что техника верховой езды самого Ёсихидэ была великолепна. Но, увы, никаких конкретных подтверждений этого в источниках нет. Остается только предполагать, что Оцубо-рю отвечала духу времени.

Важной причиной выхода на первые позиции Оцубо-рю была, видимо, и ее открытость практически для всех желающих изучать бадзюцу. Из источников известны имена по меньшей мере 19 выдающихся мастеров этой школы, учившихся у Оцубо Ёсихидэ и у второго патриарха Оцубо Нагаюки. Рядовых же учеников было значительно больше.

И, разумеется, нельзя не сказать о покровительстве Оцубо-рю сёгунов династии Асикага, многие из которых, начиная с Ёсимицу, учились верховой езде у наставников этой школы.

В процессе передачи Оцубо-рю из поколения в поколение развивалась теория верховой езды, шлифовались приемы, методика тренировок и выездки. Наконец, четвертый патриарх Оцубо Ёсихару сформулировал принципы духовного отношения (сэйсинтэки сисэй) наездника к коню, сделав еще один важный шаг в развитии бадзюцу.

Во второй половине XV в., в правление сёгуна Асикага Ёсимаса, в столице расцвел так называемый «тренировочный стиль» верховой езды, само название которого недвусмысленно указывает на его сущность: «ниванори» — «езда по двору». Стиль ниванори представлял собой верховую езду в чистом виде, без сочетания со стрельбой из лука, по манежу. Поскольку он предназначался в первую очередь для демонстраций,

акцент в его технике был сделан на красоте движений, которые были строжайше регламентированы вплоть до мельчайших деталей. В процессе формирования этого стиля происходила разработка ката — стандартных, шаблонных операций, которые должен был проделывать наездник от подхода к коню до спуска из седла.

С началом эпохи междоусобных войн Сэнгоку-дзидай возрождается боевой стиль верховой езды, в то время как тренировочный вместе с уже предельно ритуализованным ябусамэ уходят в тень. Самураи снова учатся стрелять из лука, а позднее и из мушкета и пистолета с коня, плавать вместе с ним через реки, преодолевать невысокие барьеры и т.д. В то время владение большим количеством первоклассных коней было важным условием победы в войне, так что многие князья прилагали усилия для увеличения конного парка. Но и потери кони, особенно с распространением огнестрельного оружия, несли немалые...

В то же время в среде столичных аристократов приобретают популярность скачки, которые по месту их проведения назывались «Камо курабэума» — «Состязания лошадей в Камо». Как правило, в курабэума принимали участие два всадника. Сначала стартовал один, а затем второй пускался за ним вдогонку. Если он перегонял «беглеца», то выигрывал заезд; если только догонял — добивался ничьей; если не догонял — объявлялся проигравшим. Иногда устраивались скачки с участием 10 всадников сразу.

С приходом огнестрельного оружия в Японию в середине XVI в. тактика полевых сражений начала

Вольтижировка, поло (дакю) и уход за конями. Рисунок Хокусэй

радикально изменяться. Важнейшей вехой в японской военной истории того времени явилась битва при Нагасино в 1575 г., когда 3000 мушкетеров разметали отборную конницу дома Такэда. С этого момента ударной силой армии окончательно стала пехота. Изменилась и конница. Теперь конные воины все чаще отказываются от луков и стрел и берут в руки огнестрельное оружие. Так, во время Летней осакской войны 1615 г. немало неприятностей отрядам Санада Юкимура доставил отряд конных мушкетеров Датэ Масамунэ.

С началом мирной эпохи Эдо боевой стиль верховой езды за ненадобностью вновь приходит в упадок. В разделенной на множество княжеств стране на основе более ранних быстро развиваются многочисленные школы бадзюцу, подавляющее большинство которых практикует тренировочный, оторванный от потребностей практики стиль верховой езды. Приемы ниванори становятся все педантичнее, разрабатываются новые, рассчитанные сугубо на эстетическое восприятие стили, например, хёсинори — «ритмичная езда», кое-где развивается вольтижировка (кёкунори). Дело дошло даже до того, что некоторые наездники стали подрезать коням бабки, чтобы сделать аллюр красивее. Бадзюцу ценится не столько за его практическую значимость, сколько за воспитательную ценность, как еще одно средство культивирования духа бусидо в самураях.

Боевой стиль верховой езды практикуют лишь в некоторых княжествах, где особо ревниво блюли

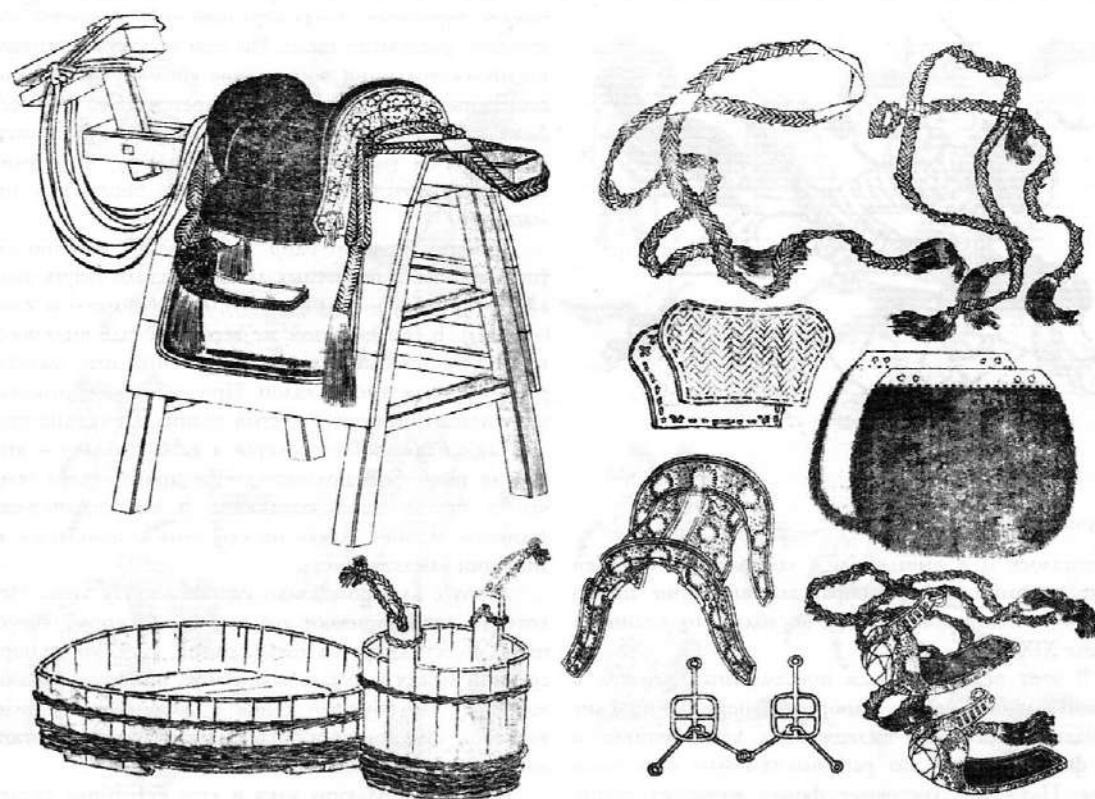
боевые традиции. К нему можно отнести традицию инуоумоно княжества Сацума, ябусамэ княжества Кумамото, искусство стрельбы с коня княжества Сэндай, «гонки за дикими лошадьми» (номаои) княжества Накамура и др.

И все-таки положение в области воинского искусства верховой езды было удручающим. Настолько, что даже 8-й сёгун династии Токугава, Ёсимунэ (1716-1745), переполошился не на шутку. И было отчего. Когда вскоре после прихода к власти этот выходец из боковой ветви Токугава провел смотр сёгунской гвардии, оказалось, что горе-гвардейцы не могут даже толком держаться в седле, не говоря уже о галопе или форсировании водных препятствий.

Ёсимунэ многое сделал для возрождения боевого стиля верховой езды. Он заставлял гвардейцев охотиться верхом на оленей, предпринял попытку возродить ябусамэ. По его приказу церемония ябусамэ была устроена в 15-й день 3-го месяца 1728 г. перед святилищем Хатимангу в Такада-но баба в Эдо при молениях о даровании здоровья его наследнику Токугава Исигэ, который был болен оспой. Организовал Ёсимунэ и ввоз из Европы пород коней, распространенных в западном мире. Так в Японию попали первые арабские скакуны. Привезшие их голландцы познакомили японцев и с европейским стилем верховой езды, который, без сомнения, в большей или меньшей степени повлиял практически на все существовавшие на тот момент в Японии школы бадзюцу. Однако оскудевшая казна сёгуната заставила Ёсимунэ

Поло (дакю) и уход за конями. Рисунок Хокусай

Учебный «деревянный конь», элементы сбруи, ведро и бадья для ухода за конями. Рисунок Хокусай

прекратить всю деятельность в этой сфере. После чего развитие верховой езды снова было пущено на самотек, и самураи снова стали забывать искусство стрельбы из лука с коня и иные важные для настоящего воина умения.

Несколько особняком среди многочисленных школ бадзюцу, проповедовавших красивые, но лишённые практической ценности стили, стоит Тёсокурю — «Школа регулирования дыхания», основанная Сого Дандзи Моримити, выдвинувшимся в период правления 12-го сёгуна династии Токугава Иэёси (1837-1853). Сого резко критиковал другие школы бадзюцу за приверженность ритмическому аллюру, противоестественному и практически бесполезному. Сам он целью тренировки коня и всадника считал развитие способности преодолевать большие расстояния за минимальное время. Он использовал специфические приемы выездки и тренировки лошадей, нацеленные на развитие скоростных качеств и выносливости, и убедительно демонстрировал эффективность своих методов блестящими победами во время конских пробегов между столицей Эдо и городом Камакура, которые ежегодно устраивались сёгунским правительством. Эти победы заставили сёгуна Иэёси обратить внимание на Сого Дандзи, который служил в качестве наставника бадзюцу в княжестве Мацуяма, и он пригласил мастера к себе на службу. В Эдо Сого показал себя прекрасным специалистом по объездке норовистых коней.

В 1850-е гг. с появлением в Японии относительно большого числа иностранцев началось активное знакомство японцев с европейским стилем верховой езды. Некоторые из них даже получили возможность обучиться ему.

Распространение европейского стиля нанесло тяжёлый удар традиционному японскому стилю, хотя некоторые из его мастеров еще пытались убедить сёгунат в своей полезности. Так, в 1865 г. глава школы Огасавара-рю по приказу сёгуна Иэсада разработал приемы верховой езды, рассчитанные на стрельбу из лука и ведение боя мечом и копьём. В созданном в том же году военно-учебном заведении бакуфу Кобусё главное внимание уделялось отработке приемов стрельбы из ружей системы Гэбера с коня, но еще с применением японской сбруи и техники езды.

Однако дни службы бадзюцу были уже сочтены. Вскоре бакуфу приняло решение о реформировании военной системы по французскому образцу и о внедрении в подготовку кавалерии французского стиля. Утратив своего главного покровителя — сёгунат, бадзюцу было обречено на медленную смерть.

После Реставрации Мэйдзи (1868) началось реформирование японской армии по прусскому образцу. В области верховой езды «на вооружение» также был принят прусский стиль. Вместе с французским он был очень популярен и у гражданских лиц, в то время как традиционное бадзюцу было практически отброшено, хотя его влияние еще некоторое время

Рисунок Хокусай

ощущалось и в выездке, и в содержании лошадей даже в армии, на что обращали внимание иностранцы, посещавшие Страну восходящего солнца в конце XIX в.

В этот период начался повсеместный переход к использованию коней импортных пород. Японские лошади просто не выдерживали конкуренции: и по физическим, и по рабочим данным они были хуже. Плачевное состояние фонда японских пород было связано с крайне низким уровнем развития коннозаводческого дела. За все время эпохи Токугава не сохранилось никаких документов, которые бы свидетельствовали, что японцы осуществляли хоть какой-либо контроль за осеменением кобыл (случкой), генеалогиями и уж тем более вели селекционную работу. При таких условиях завоз даже первоклассных коней, начавшийся при Токугава Ёсимунаэ, никак не мог повлиять на совершенствование рабочих качеств коней и выработку более пригодных для использования пород. Японские кони оставались малорослыми, имели низкие рабочие качества. Во время Боксерского восстания в Китае, в подавлении которого наряду с европейскими державами принимала участие и Япония, кони японских кавалеристов стали объектом насмешек со стороны иностранцев, которые открыто издевались над их невзрачным видом и неотесанностью. Не лучшим образом показала себя японская кавалерия и в Русско-японской войне 1904-1905 гг., когда ей пришлось столкнуться с первоклассными казачьими частями с их великолепными конями и отменными наездниками. В то время в японской кавалерии использовались кони ростом 140-145 см и весом 330-340 кг. Сегодня же в спортивной верховой езде используются кони с ростом более 160 см и весом свыше 450 кг.

Особенности бадзюцу

После гибели подавляющего большинства школ бадзюцу практически единственным источником, из которого можно почерпнуть хоть какую-то информа-

цию о старинных стилях верховой езды, являются документы различных школ. Но при отсутствии живых носителей традиции воссоздание упомянутых и даже описанных в них приемов дело чрезвычайно трудное. Даже специалисты не берутся сегодня сравнивать между собой «мертвые» школы бадзюцу, предпочитая сосредоточиться на воссоздании биографий их мастеров.

Приведу только один пример. В источниках упоминаются 5 различных аллюров: дзидо («путь земли»), даку («бег»), хёси («ритм»), какэ («полет») и хасэ («галоп»). В современной же верховой езде выделяют только 4 основных аллюра: нормальный шаг, мелкая рысь, крупная рысь и галоп. При попытке соотнести одну классификацию с другой возникают трудности.

Так, специалисты сходятся в том, что даку — это мелкая рысь. Это подтверждается прежде всего тем, что в кругах коннозаводчиков и спортсменов-наездников термин «даку» по сей день используется в значении «мелкая рысь».

А вот с аллюром дзидо уже не все так ясно. Некоторые рассматривают его как аналог нормального шага, но есть и другая точка зрения — что это аллюр, средний между нормальным шагом и мелкой рысью, которому не обучают коней в европейском стиле верховой езды; иногда такой аллюр демонстрируют лошади коннозаводчиков с Хоккайдо.

Старинные аллюры какэ и хасэ некоторые исследователи соотносят с современной крупной рысью. Получается, что скакать галопом самурай своих коней вообще не учили. Чего, впрочем, не скажешь, глядя на рисунки Хокусай, явственно запечатлевшие именно галоп.

Что представлял собой аллюр хёси, тоже непонятно. Высказано предположение, что хёси — это иноходь. Напомню, что особенность иноходи состоит в том, что при мелкой рыси конь одновременно переставляет сначала правые переднюю и заднюю, а затем левые переднюю и заднюю ноги. Для коня такой аллюр неестествен (в природе встречается только у жирафов) — обычно он одновременно переставляет правую переднюю и левую заднюю ноги, а затем левую переднюю и правую заднюю, таким образом, этому аллюру коня нужно специально обучать. Однако при иноходи меньше вертикальные колебания всадника, что является большим плюсом для наездника, облаченного в тяжелые боевые доспехи, ведущего прицельную стрельбу из лука. Сам факт знакомства японцев с иноходью не вызывает сомнений — её и сегодня еще демонстрируют наездники главной команды Министерства двора (Кунайтё) на показательных выступлениях по хоробики — показательным скачкам, когда за наездником по воздуху развевается длинная полоса ткани. Но только у них иноходь называется не «хёси», а «тёси» — «упорядоченный аллюр». Кроме того, в обычной, не церемониальной верховой езде японским стилем иноходь совершенно не применяется, в этом — одно из отличий японского стиля от западного, которых на самом деле — множество.

Наездники. Рисунок Хокусай

Так, в традиционном японском стиле верховой езды для понукания коня использовались не шпоры, а кончики языков стремян (ситасаки), которыми наездники кололи или ударяли животное по брюху. Иногда для понукания коня били внутренними сторонами стремян. Ударяя только одной ногой, наездник заставлял коня повернуть в нужную сторону. В этом отношении стремяна выполняли ту же роль, что и современные шпоры, но нужно иметь в виду, что старинные японские стремяна довольно тяжелые, и коню от них, видимо, доставалось больше, чем от шпор.

Вообще, жесткому физическому воздействию на животное в бадзюцу отводилось большое место, например, широко применялись хлыст (им самураи сильно били коня по голове и по заду) и крики — и то, и другое на современных соревнованиях по спортивной верховой езде строжайше запрещено. Недаром выездку и тренировку коней в бадзюцу именовали «сэмэума» — «пытка лошади». Действительно, здесь причинение боли животному рассматривалось как основа дрессуры. Такой подход коренным образом отличается от современной спортивной верховой езды, где стремятся воспитывать послушных, понятливых лошадей, которыми можно управлять едва заметными движениями рук.

Важным средством управления конем в традиционном японском искусстве верховой езды были поводья. Способы воздействия поводьями на коня были в основном идентичны современным: сдержи-

вание, ослабление поводьев, понукание и раскрытие. Но был и специфический прием, называвшийся «сякури» — «зачерпывание» или «аори» — «колыхание». Суть его состоит в том, что всадник несколько раз подряд поднимает и опускает руки, сжимающие натянутый повод, что позволяет форсировать скорость бега лошади.

В школе Оцубо-рю для управления конем использовалось изменение положения в седле, что роднит ее с европейским стилем. Но если в последнем всадник сильно сдавливает коленями бока животного, то в бадзюцу наездник, наоборот, разводит колени в стороны. Полагают, что такая посадка диктовалась необходимостью держать нижний конец лука между левым коленом и седлом. В этом положении, разведя носки в стороны, самурай прижимал кончики языков стремян к животу коня.

Даже садились самураи на коня не с той стороны, что на Западе! По крайней мере, с начала эпохи Эдо, когда уже окончательно устоялся обычай ношения двух мечей, заткнутыми за пояс, буси взбирались в седло не с левого, а с правого бока коня — чтобы мечи не мешались.

Бадзюцу сегодня

В наши дни продолжают действовать лишь несколько групп последователей школы Огасавара-рю, школа ябусамэ Такэда-рю, традиция номаои Сома, скачки Камо курабэума да такие тренировочные методы японского стиля верховой езды, как хоробики

и дакю (конное поло), которые культивируются при Министерстве двора. Но все это — не более чем осколки, по которым очень трудно судить обо всем старинном искусстве верховой езды.

На спортивные круги традиции японского бадзюцу практически никакого влияния не оказывают. В лучшем случае в отдельных приемах выращивания и дрессировки коней и в некоторых терминах, используемых коннозаводчиками в провинции, обнаруживаются следы его влияния (хотя еще несколько десятилетий назад попадались наездники, в управлении конем использовавшие некоторые приемы традиционного бадзюцу).

Не лучше обстоит дело и с фондом японских лошадиных пород. Трудно поверить, но это факт: в эпоху Мэйдзи, когда японцы переводили свою кавалерию на лошадей европейских пород, особым законом была предписана кастрация коней японских пород — дабы не мешали скрещиванию японских кобыл и западных скакунов, призванных улучшить породу! В результате в настоящее время лошади японских пород сохраняются в крайне незначительном количестве в местечке Тонои Мисаки в префектуре Миядзакэ (порода Хомайба), в Кисо (Кисоума), на Цусиме (Цусима-но ума) и на Хоккайдо (Досанко) да еще, пожалуй, в заповедниках и национальных парках. И ревнители старины всерьез опасаются, что японским породам лошадей грозит гибель, после чего

может наступить конец и остаткам бадзюцу. Поэтому важнейший для них вопрос сегодня — как приспособить бадзюцу, рассчитанное на использование коней определенного типа, на использование коней современных пород, как сделать последних пригодными к дрессировке в соответствии с правилами бадзюцу? От решения этого вопроса, по-видимому, напрямую зависит сама возможность сохранения старинной японской традиции верховой езды.

В общем, для бадзюцу сейчас трудные времена. Немногочисленных его специалистов очень тревожит судьба любимого искусства. С болью пишут они о том, что ныне лишь немногие японцы вообще знают о существовании японского искусства верховой езды, отличного от распространенного европейского стиля, а те, что знают, склонны оценивать его как примитивный, неразвитый стиль. Полагая, что в дальнейшем в Японии, видимо, еще будет сохраняться ябусамэ как синтоистский обряд и церемонии дакю и хоробики при императорском дворе, они беспокоятся, сохранится ли бадзюцу как особая система, в основе которой лежит специфическое «духовное отношение» всадника к коню?

Но что, собственно, есть это «духовное отношение»? «Сердце коня — мое сердце. Сидящий в седле и несущий седло — одно целое», — такова сокровенная сущность бадзюцу. Разве не актуальна она для современных наездников?

Переправа. Рисунок Хокусай

Алексей Горбылёв

Секреты бесшумного шага

В прошлом номере мы познакомились с основными правилами «тайного проникновения в дом» врага, которые вывели ниндзя. А теперь — немного техники. Поговорим о способах перемещения — ходьбе, беге, прыжках, позволявших средневековым японским шпионам незаметно выполнять свои задания, проникать в нужные места.

«Походка шпиона» (синоби-арукиката)

Специальная техника шпионской ходьбы — сложная наука, в которой ныне многое неясно, потому что большинство источников на этот счет просто молчат.

В уже хорошо знакомом постоянным читателям нашего журнала наставлении по ниндзюцу XVII в. «Сёнинки» приведен список видов ходьбы ниндзя. Всего их названо там десять: нукиаси, суриаси, симэаси, тобиаси, ката-аси, ооаси, коаси, кидзамиаси, вариаси и цунэ-но аси. К сожалению, описание техники всех этих «аси» в наставлении отсутствует, как нет его и в других сочинениях по ниндзюцу, где иногда можно найти упоминания о существовании особых способов ходьбы. Кроме того, в «Сёнинки» приведенные названия записаны японской слоговой азбукой, что, ввиду наличия в японском языке многих омонимов, делает проблематичным установление их точных значений и открывает простор для обилия различных переводов и интерпретаций.

Увы! Даже крупнейшие знатоки предмета вынуждены признавать невозможность их однозначного толкования. И если вам где-то все-таки встретится подробное описание перечисленных походок, будьте уверены: это — лишь интерпретация автора, которая, вполне возможно, не имеет ничего общего с реальной техникой ходьбы ниндзя, даже если он, автор, и настаивает на аутентичности своих приемов.

Тем не менее, мы предложим возможные варианты перевода названий шпионских походок: нукиаси — «втыкающийся шаг», суриаси — «скользящий шаг», симэаси — «придавливающий шаг», тобиаси — «прыжковый шаг», катааси — «перемещение [прыжками] на одной ноге», ооаси — «большой шаг», коаси — «малый шаг», кидзамиаси — «мелкий (семенящий) шаг», вариаси — «переменный шаг», цунэ-но аси — «обычный шаг».

В «энциклопедии» ниндзюцу XVII в. «Бансэнсюкай» имеется раздел «Четыре пункта о способах ходьбы», в котором даны некоторые рекомендации.

Так, если разведчику приходится идти по грязи или слякоти, ему следует использовать сори, а если путь не очень развезло — ветки ивы каваянаги. При ходьбе по деревянному полу ниндзя следует воспользоваться итасори.

Оставленные здесь без перевода слова «сори» и «итасори» непонятны не только автору статьи, но даже и японским знатокам. Вообще, «сори» — это санки, салазки. Но если какой-то способ использования санок для передвижения по грязи еще можно вообразить, то, что делать с ними во время тайного «путешествия» по вражескому дому, совершенно непонятно. В общем, остается только гадать. Правда, в «Бансэнсюкай» есть подсказка, ведь в том же контексте упомянуты еще и ветки ивы. Вот японский исследователь Нава Юмио и высказал предположение, что сори и итасори — не что иное, как обычный широкий толстый матерчатый мужской пояс. Его можно скатать, а потом одним движе-

нием кисти раскатать по полу. При движении по деревянному настилу пола или татами мягкая подкладка поможет в какой-то степени заглушить звук шагов, а при пересечении участка грязи ее можно использовать как своеобразный мостик — если быстро по нему пробежать, то можно и ног не замочить. Как ни крути, а сухие ноги — дело хорошее. И не только для здоровья — хорош был бы ниндзя, оставляющий за собой на полу вражьего жилища ошметки грязи или мокрые отпечатки! Какая уж тут маскировка?!

При проникновении во вражеский дом «Бансэнсюкай» рекомендует ниндзя использовать «плавающий шаг» (укиаси), «лисиный бег» (кицунэ-хасири) и «собачье пролезание» (ину-тоори). Идти «плавающим шагом» — значит двигаться так, «словно обезьяна скользит по ветви дерева», то есть, надо понимать, осторожно, медленно и бесшумно. Передвигаться «лисиным бегом» — значит молниеносно перебежать через открытое пространство с места на место, а «пролезать как собака» — пригнуться к земле, словно собака, лезущая во двор через лаз под забором.

Внутри дома, перемещаясь по деревянному полу, нужно двигаться вдоль стены и использовать «заячий шаг в глубокой траве» (фукагуса усаги-аруки), что значит двигаться, «скользя по поверхности, словно листик плавает по водной глади».

Техника «заячьего шага в глубокой траве» подробно описана в «Сёнинки» в разделе с заголовком «Проход к спальному месту врага». Согласно тексту, нужно в восемь раз сложить бумажный платок и зажать его во рту, чтобы сделать дыхание бесшумным. Дышать нужно носом, спокойно, равномерно, бесшумно. Опустить обе ладони на пол, выдвинуть вперед правую руку и плотно прижать ее ладонь к полу, после чего поставить на нее сверху правую ногу. Далее вперед выдвигается левая рука, и на нее помещается левая нога. И так столько раз, сколько потребуется. Вообще, удовольствие не из приятных — сами попробуйте! Зато руками можно ощупывать пол (может, его там вообще нет, или он просто приподнят, чтобы всякий непрошенный гость в этом месте полетел

кубарем,) и пространство над ним — на случай натянутой поперек веревки. Так как поза человека при такой «ходьбе» напоминает силуэт зайца, приравнившегося в траве, ее и назвали «заячьим шагом в глубокой траве».

В «Бансэнсюкай» упомянуты и еще несколько видов «шпионской походки»: «ходьба боком» (ёко-аруки) и «походка краба» (кани-аруки). Описаний их нет, но что касается ёко-аруки, то нетрудно догадаться, что имеется в виду походка боком со скрещиванием ног, которую часто демонстрируют «кинониндзя». Она использовалась для незаметного передвижения, прижимаясь спиной к стене. При использовании ёко-аруки нужно идти только на носках, оторвав пятки от пола.

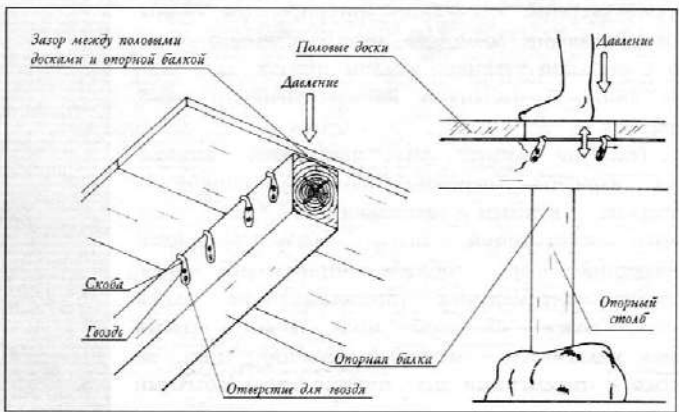
С «шагом краба» все сложнее, но современный «ниндзя» Хацуми Масааки утверждает, что эта та же «ходьба боком», но в сочетании с ритмичными взмахами рук: их соединяют вверх, а затем, согнув в локтях, быстро разводят в стороны — якобы такие движения помогают двигаться быстрее и легче. Впрочем, мне кажется такое объяснение сомнительным: трудно представить себе ниндзя, крадущегося в темноте и размахивающего руками, а при открытом передвижении куда естественнее, быстрее и рациональнее двигаться обычным бегом. Может быть, мы имеем здесь дело с обычной уловкой псевдониндзя, пытающихся поразить, привлечь к себе внимание чем-то необычным, экзотическим?

Чтобы сделать свой шаг бесшумным, ниндзя пробирались по домам и помещениям вражеских замков в таби — своеобразных японских тапочках-носках с отделенным большим пальцем, с особенно толстой и мягкой подошвой, которую подбивали толстым слоем шелковой ваты и покрывали стеганкой, или в сандалиях дзори, тоже на ватной подкладке.

Однако враги ниндзя тоже не дремали. До сего дня в Японии сохранилось несколько усадеб с так называемыми «соловьиными полами» (угуису-бари), издающими характерный скрип при каждом шаге. Это и знаменитый дворец сёгуна в Киото Нидзё-дзё, и расположенная там же купеческая усадьба Нидзё-дзинья, и другие памятники. Могли ли пре-

Устройство «соловьиного пола» замка Нидзё

В сёгунском замке Нидзё-дзё в Киото «соловьиные полы» устроены в помещениях, идущих от входа во дворец Ниномару («Второй пояс строений») до Большого зала Оохирома. При наступании на половые доски, расположенные под ними скобы опускаются и поднимаются. В результате трения скоб о гвозди, удерживающие их на месте, раздается характерное поскрипывание, отдаленно напоминающее пение соловья, откуда и происходит название «соловьиный пол» (угуису-бари).

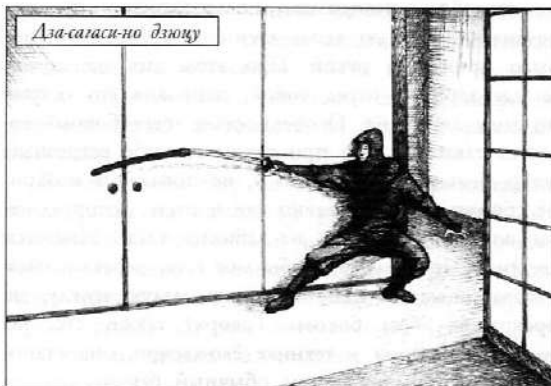
одолевать их ниндзя? Помогала ли им в этом их мягкая обувь?

Исследователь ниндзюцу Нава Юмио в годы юности поставил опыт в киотосском храме Тионин: он прошел по коридору с «поющим» полом в сандалиях дзори на ватной подкладке, но результат оказался тот же, что и без ваты, — полы скрипели, как обычно. И это несмотря на то, что Нава в ту пору был очень худощав, усиленно занимался боевыми искусствами и акробатикой и превосходно владел своим телом. В результате он пришел к заключению, что пройти по «соловиному полу» не стоит и пытаться. Но что же делать в этом случае?

Столкнувшись с угюису-бари, ниндзя мог попытаться миновать опасный участок ползком по стене, декоративной поперечной балке-нагэси или по потолку, воспользовавшись специальными скобами с заостренными концами (касугай) или металлическими штырями, которые втыкались в стену или в потолок в качестве опор. А мог, если был знаком с конструкцией пола, попросту сломать механизм, издающий звук, и затем пройти. Правда, оба этих способа были чреваты обнаружением «невидимки»: при применении первого — по следам, оставленным в дереве скобами, второго — по прекращению привычного скрипа.

Но существует и еще один способ. Зная, что секрет «соловиного пения» половых досок заключается в том, что они трутся об особый образцовый вогнутый клинья, ниндзя, имея под рукой клинья разного размера, молоток, гвоздодер и ломик, мог без особых проблем расправиться со своим деревянным «врагом».

Для перемещения во вражеском доме с неизвестным расположением комнат и предметов в темноте, чтобы не попасть в засаду, «Басэнсюкай» рекомендует технику «поиска места» (дза-сагаси-но дзюцу, дза-сагури-но хо). Суть ее в том, чтобы двигаться в кромешной тьме по комнате по траектории полукруга, используя меч в качестве щупа. Для этого нужно вытащить ножны меча из-за кушака, вытащить клинок из ножен так, чтобы в устье осталось лишь последние 5-6 см и, взявшись за рукоять, выставить меч (лезвие обращено вверх,

спинка меча, естественно, развернута вниз) с подвешенными на нем ножнами вперед как щуп. Чтобы ножны не упали на пол, их нужно придерживать, натягивая шнур, крепившийся к ножнам (сагэо), который сначала держат левой рукой, а потом зажимают зубами. Приняв такую изготовку, можно перемещаться по помещению, двигаясь спиной вдоль стен и как можно ниже припадая к полу. Мечом с висящими на нем ножнами действуют как щупом, двигая из стороны в сторону, словно обмахиваясь веером. Если ножны вдруг натолкнутся на какую-то преграду, значит, в темноте притаился враг — в середине японской комнаты никакой мебели не бывает, а шпион идет спиной вдоль стены и может хорошо ориентироваться в пространстве. В такой ситуации ниндзя выплевывает шнур, ножны падают на пол, а «невидимка», мгновенно отдернув руку с клинком для замаха, наносит два-три укола в темноту, туда, где был обнаружен объект. При этом ниндзя должен двигаться, опустившись максимально низко, чтобы его не настиг неожиданный горизонтальный рассекающий удар, а уколы выполнять, развернув клинок горизонтально, так как велика вероятность, что они придутся в область ребер — если клинок будет стоять вертикально, он наткнется на ребра, и рана не будет опасной.

При действиях на улице шпионы использовали собственный вариант сандалий варадзи. Если обычно их плели из соломы, то ниндзя изготавливали их из хлопчатобумажной нити или особым образом выделанной кожи (для этого кожу коптили в дыму горящих стеблей риса и ячменя, благодаря чему даже при попадании на нее воды она не твердела и не сжималась). Такие варадзи, в отличие от обычных, позволяли двигаться почти бесшумно.

Еще один способ «ходьбы», упоминаемый в наставлениях по ниндзюцу, называется «хай-аруки», что буквально означает «ходьба ползком». Предположительно речь идет о передвижении на четвереньках, которое строилось на подражании четвероногим, стелаясь на бегу по земле. Такой способ передвижения дает лазутчику множество преимуществ. Во-первых, прижимаясь к земле, он становится менее заметным, менее уязвимым для стрелков противника. Во-вторых, так как голова при использовании хай-аруки опущена вниз, ниндзя может легко обнаружить любые препятствия на своем пути — веревки, шипы, волчьи ямы. Кроме того, ночью, смотря снизу вверх, можно на фоне неба видеть предметы, в то время как на фоне земли человека не видно совершенно. Наконец, умение подражать повадкам животных при передвижении таким способом может ввести противника в заблуждение и заставить его поверить, что перед ним собака, волк или какой-нибудь другой зверь.

Группе ниндзя, чтобы скрыть ее численность, наставления рекомендуют двигаться след в след, по возможности, замата — в буквальном смысле — за собой следы при помощи связки соломы или

веток. Но в определенных случаях один ниндзя, наоборот, мог имитировать движение группы. Для этого применялась специальная техника ходьбы с широко расставленными в стороны ногами, так что следы правой и левой ног оказывались на расстоянии более метра друг от друга. Это могло заставить противника поверить, что тропой прошел не один человек, а двое.

Если приходится идти по снегу, жидкой грязи, болоту, как ни осторожничай, все равно наследишь. Поэтому, чтобы сбить с толку погоню, нужно идти, надев обувь задом наперед, или спиной вперед. Последняя техника отработывалась специально, потому что к ней прибегали и при отходе после выполнения задачи — ступая в ранее оставленные следы, ниндзя таким образом создавали у противника иллюзию, что они еще не покинули замок. Кроме того, ниндзя отработывали технику ходьбы на носках, пятках, подъемах стоп, что позволяло обманывать противника, заставляя его думать, что след оставлен не человеком, а каким-то животным.

Ниндзя использовали специальную технику ходьбы не только для того, чтобы бесшумно подкрадываться к врагу и сбивать его со следа, но и для измерения протяженности стен замков, расстояния от одного пункта до другого — от города до города, от ворот замка до сторожевой башни и т.д., необходимого для составления карт, схем, чертежей. Для этого разведчики учились ходить шагами одинаковой длины и строго по прямой.

Сохранился любопытный рассказ о том, как бдительный самурай вычислил ниндзя именно по равномерности шага. Дело было так.

Миямото Иори, приемный сын и наследник знаменитого мастера меча Миямото Мусаси, служил в княжестве Огасавара в провинции Будзэн на Кюсю в качестве каро — старейшины. Однажды солнечным весенним днем 1649 года он шел по улочке призмкового городка Кокура (столицы княжества) и вдруг обратил внимание на бродячего торговца лекарствами, размеренно вышагивавшего вперед. За спиной у него болтался большой кожаный мешок, на котором большими красными иероглифами было написано: «Целебные пилюли Манкинтан». В его облике не было ничего необычного, но что-то все-таки привлекло внимание Иори. Понаблюдав за торговцем некоторое время, он вдруг решительно велел страже немедленно схватить торговца и выдворить его из княжества. Изумленным приятелям и слугам он объяснил, что торговец явно имел подготовку ниндзя и, похоже, занимался обмером города — слишком явно он шел поставленным размеренным шагом, строго держась прямой линии.

Через два года после этого странного происшествия был раскрыт заговор ронина Юи Сэсэцу, замышлявшего, а свержение сёгуна Токугава. Сэсэцу покончил с жизнью самоубийством, но

некоторые его сторонники были схвачены. В их числе оказался и странный торговец пилюлями из Кокура. Это был Канэи Камбэй, ближайший сподвижник Юи Сэсэцу, подбивавший к выступлению против Токугава воссоздателей запада Хонсю...

Специальные способы бега ниндзя

Первостепенное значение для ниндзя имело и умение бегать — быстро, далеко, бесшумно и долго. Оно было необходимо, в первую очередь, для своевременной доставки разведывательных донесений полководцу. И совсем неслучайно в некоторых княжествах ниндзя называли «хаяси-моно» — «быстроногие» или «хаяси-гуми» — «отряд быстроногих». О некоторых знаменитых бегунах-ниндзя даже сложены легенды.

Так, на службе у сёгуна Токугава состоял некий Арита. Согласно его распоряжению, перед отходом ко сну слуги ежедневно каали ему в изголовье новые сандалии-плетенки особого военного типа (муся-варадзи). На следующее утро их обычно находили во дворе на каменной плите гэта-нуги, на которой японцы имеют обыкновение снимать обувь перед входом в дом, но уже с протертой насквозь подошвой, совершенно изношенными, так что их оставалось только выбросить. И это повторялось изо дня в день. Вероятно, по ночам, когда все засыпало, Арита выходил из дома для выполнения заданий в качестве гонца-скорохода или тренировался в ходьбе, прыжках, беге, чтобы не потерять форму.

В наставлениях ниндзюцу упомянуты такие специальные виды бега ниндзя, как «бег боком» (ёко-хасири), «диагональный бег» (нанамэ-хасири) и «бег назад» (усиро-хасири).

«Бег боком» — это особая, совершенно специфическая техника бега, которая вряд ли имеет аналоги где-то в мире. Фактически, это беговая разновидность описанной техники «ходьбы боком» (ёко-аруки), характерной особенностью которой является скрещивание ног в движении. Она использовалась для бега в узких коридорах или улочках. Утверждают, что с помощью ёко-хасири тренированный ниндзя мог довольно резко бежать даже в сверхузком коридоре шириной в толщину груди. Этим же способом «невидимки» пользовались и при передвижении ночью вдоль стены, к которой можно было прижаться рукой. При этом меч на случай засады держали перед собой, направив его острие по ходу движения. Особенностью «бега боком» является также то, что при таком способе встречный ветер меньше бьет в лицо и, не попадая в ноздри, не сбивает дыхание, равно как и пыль, которую несет воздушный поток, не забивает глаза. Имеются сведения, что ниндзя якобы мог есть, переключаться с товарищами и даже справлять малую нужду, не прекращая «бега боком». Говорят также, что, по мере привыкания к технике ёко-хасири, она становится более удобной, чем обычный бег.

«Диагональный бег» использовался при забегании по крутой поверхности, например, крутому склону холма. Ниндзя рекомендовали бежать не по прямой, а зигзагами, бросаясь из стороны в сторону: шаг вправо-вперед — шаг влево-вперед. Они считали, что так тратится меньше сил и сбивается прицел у вражеских стрелков. При использовании способа нанамэ-хасири рекомендовалось немного наклонить голову вниз, чтобы встречный ветер меньше сбивал дыхание. Большое внимание уделялось также работе руками. Их следовало энергично скрещивать перед грудью, а потом столь же энергично разводиться в стороны. При нанамэ-хасири человек бежит скачками, почти прыжками, используя резкие движения туловищем, словно закручивая пружину, которая потом мощно раскручивается, набирая довольно высокую скорость и уставая, меньше чем при обычном беге.

«Бег назад» не был предназначен для спринтерских состязаний — как бы ни был подготовлен человек, а глаз на спине нет, и пути все равно не видать. Эту технику использовали только, чтобы обмануть врага относительно направления своего движения — дело в том, что в полутьме при таком способе бега наблюдатель некоторое время не может сообразить, в какую сторону бежит человек. Кроме того, если ниндзя настигала погоня, он мог использовать усиро-хасири, чтобы, развернувшись лицом к противнику, отражать его атаки, выставив меч или «изрыгая» в лицо врагу огонь и пламя, выдувая его из скорлупы грецкого ореха с двумя отверстиями (трюк ониби — «дьявольский огонь»).

Долгое время оставалась загадкой удивительная способность ниндзя мчаться в темноте, практически не снижая скорости. Отчасти приоткрыть занавес тайны помог бандит по прозвищу Проповедник, прославившийся в период Тайсё (1912-1926) дерзкими кражами со взломом.

Этот преступник, которого звали Цумаки Мацукити, был уроженцем местечка Ямака. Он неоднократно попадал в засады, но каждый раз умудрялся вырваться из плотного кольца полицейских, уносясь как молния в ночную мглу, когда никто из его преследователей не мог толком ориентироваться и неизбежно снижал скорость бега. Когда в конце концов его сумели схватить, полицейские приложили немало усилий, чтобы выбить из него, каким образом ему удавалось столь быстро и уверенно бегать в темноте. И Цумаки рассказал следующее.

В темноте на бегу он выставлял горизонтально перед собой на вытянутой руке бамбуковый меч или длинный бамбуковый шест, а лицо наклонял вниз — все равно в темноте ничего не видать. Если «щуп» натыкался на какой-нибудь объект — дерево, ограду, столб, Цумаки моментально сгибал руку в локте и уходил в сторону, чтобы избежать столкновения.

Нава Юмио в этом рассказе усматривает знакомство Цумаки с некоторыми уловками ниндзя. Известно, что разведчики во время перебежек в темноте аналогичным образом использовали в качестве щупа меч с надетыми на его кончик ножнами, как в описанной выше технике «поиск места». При столкновении с предметом, клинок «въезжал» в ножны, за счет чего столкновение гасилось. Нужно отметить, что ножны у «шпионского меча» (синоби-гатана) были очень прочными, с железной оковкой. Они могли легко перенести даже столкновение со стеной или принять на себя удар бритвенно острого самурайского меча.

Техника прыжков ниндзя

Разумеется, не прошли ниндзя мимо и техники прыжков. Ведь, обладая хорошей прыгучестью, разведчик, спасаясь от погони, мог разом перемахнуть через ограду, «взлететь» на конек крыши, отскочить в сторону и скрыться из поля зрения врага. Перепрыгнув через широкую канаву, запрыгнув на стену, спрыгнув с большой высоты, ниндзя разом отрывался от преследователей, которыми все эти трюки были неподвластны.

В источниках по ниндзюцу мы находим упоминания о «шести способах прыжков» (тоби рокухо). В их числе: «прыжок вперед» (маэ-тоби), «прыжок назад» (усиро-тоби), «прыжок в высоту» (така-тоби), «прыжок в длину» (хаба-тоби), «прыжок в сторону» (ёко-тоби), «прыжок по диагонали» (нанамэ-тоби).

Предания утверждают, что ниндзя могли прыгать на высоту 9 сяку (ок. 210 см), в длину — на 18 сяку (ок. 540 см.), спрыгивать с высоты в 50 сяку (ок. 15 м). Очевидно, речь идет о каких-то идеальных параметрах, к которым должен стремиться идеальный же ниндзя.

Для совершения прыжков ниндзя должен был быть очень легким. Для максимального снижения веса и выведения из организма «жирового» балласта «невидимки» использовали специальные снадобья, главным компонентом которых был дикорастущий ячмень. Этому же была подчинена и вся диета ниндзя, питавшихся главным образом соевым творогом, и вся их каждодневная тренировка, направленная на формирование сухого выносливого гибкого тела.

Рассказывают, что во время тренировок ниндзя использовали нателное белье, изготовленное из оленьей шкуры. Каждый знает, что интенсивная тренировка сопровождается обильным потоотделением. Пот смачивал оленью кожу, а она от этого сжималась, сдавливая тело лазутчика, словно тискалами. Продолжая тренировку, несмотря на весьма неприятные ощущения, ниндзя якобы добивались такого состояния сухости тела, когда пот уже переставал выделяться, что было очень важно при тайном проникновении, когда враг мог обнаружить «невидимку» по запаху.

По легендам, ниндзя развивали прыгучесть прыжками через посадку конопли. Для этого засевали коноплей площадку размером в 1 цубо (3,3 кв. м) и дожидались, когда она прорастет, после чего переходили к тренировке прыжков, выполняя через траву различные их виды. Конопля — растение быстрорастущее, и ее стебель подрастает с каждым днем. Соответственно, и ниндзя приходилось напрягаться все больше и больше, повышая свой класс прыгуна. Если сначала прыжок через куст не составлял большого труда, то под конец сезона, когда конопля вымахивала под 2 метра, задача становилась чрезвычайно трудной. Считалось, что для овладения в достаточной степени прыжками требовалось не менее трех лет упорных занятий.

Для прыжков на высоту, превышающую «идеальные» 9 сяку (а в действительности, вероятно, и на меньшую), использовалась техника прыжков с помощью партнера или партнеров, которая именуется «дзимба» — «человеко-конь». Дзимба часто демонстрировались в различных акробатических шоу в середине эпохи Эдо, и даже в наши дни их можно увидеть в цирке.

Разработку этой техники приписывают некоему Кадзума, сыну Канафуки Тахэя из Киото, который приехал в Эдо в период Гэнроку (1688-1704) и поступил в ученики к знаменитому наезднику Сасаки Хэйба. Этот Кадзума якобы любил совершать опорные прыжки через коня и в итоге придумал технику высокого прыжка с помощью партнера.

Однако исследователи истории ниндзюцу полагают, что технику дзимба ниндзя разработали еще задолго до этого. Так, Нава Юмио считает, что она распространилась в эпоху Токугава в цирковых кругах именно благодаря экс-ниндзя, которые, в отсутствие спроса на их специфические знания в мирное время, были вынуждены использовать некоторые свои навыки на потеху публике для заработка. Именно со «шпионским» происхождением Нава связывает неоднократные запреты демонстраций дзимба в токугавский период.

«Человеко-конь» мог состояться из двух или из трех человек. «Человеко-конь из двух человек» (футари-куми дзимба) позволял преодолевать преграды высотой свыше 5 метров. Один ниндзя становился второму ногами на плечи и низко приседал, придерживаясь руками за голову партнера. Нижний товарищ крепко сжимал лодыжки верхнего руками, чтобы подтолкнуть в нужный момент. Став лицом к стене на расстоянии нескольких метров и установив единый ритм дыхания, «конь» начинал

мощный разбег. В самой удобной для прыжка точке верхний ниндзя изо всех сил отталкивался ногами от плеч товарища и с мощным взмахом руками взмывал вверх. Нижний одновременно делал прыжок вверх и толкал товарища руками под лодыжки, действуя как катапульта. При абсолютной слаженности действий партнеров, достигаемой только в процессе долгих тренировок, ниндзя мог взлететь на приличную высоту, например, в окно третьего этажа.

«Человеко-конь из трех человек» (саннин-куми дзимба) представлял еще более мощную «катапульта», но более сложную «в эксплуатации», так как она требовала абсолютной слаженности усилий трех человек. Первый из трех ниндзя спиной к стене в 4-5 метрах от нее усаживался на какой-нибудь большой камень так, чтобы его бедра были расположены горизонтально. Второй ниндзя вставал у него за спиной. Ниндзя-прыгун совершал короткий мощный разбег, заскакивал на колени первому партнеру и, толкаясь от них, прыгал вверх. Сидящий партнер при этом помогал ему руками, подталкивая либо под бедра, либо под ступни ног, как бы передавая из рук в руки стоящему за спиной товарищу. Тот же подхватывал летящего ниндзя под живот и сообщал ему дополнительное усилие пружинистым разгибанием ног и толчком рук. В результате сложения этих усилий ниндзя якобы могли взлетать на высоту до 10 метров...

Известны были ниндзя и различные варианты «пирамидок» из нескольких человек. Например, один товарищ вставал напротив стены, упирался в нее руками и пригибал голову. Второй взбирался ему на плечи. Третий становился за спиной первого, наклонялся вперед так, чтобы его спина приняла горизонтальное положение, и держался руками за поясницу впереди стоящего товарища. Ниндзя-прыгун делал разбег и, словно по ступенькам, «взбегал» по товарищам на стену. Так можно было без больших трудностей взлететь на высоту в 5 метров.

Умели ниндзя совершать и прыжки через заборы при помощи шеста или копья (бо-такатоби), летать через пропасти по принципу маятника (забросив веревку с крюком на ветку), использовать примитивные качели — доска и камень или бревно в качестве опорки.

Владея столь широким набором приемов передвижения в пространстве, ниндзя могли смело брать на себя и бесшумное проникновение в дом для похищения важного документа, и штурм замка в стиле спецназа.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ЛИРИКИ САЙГЁ (из антологии «Синкокинсю», 1205 г.)

27. Весенняя песня

Вот и тают снега,
что за долгую зиму скопились
на вершине горы, —
покатила прозрачные воды
речка Чистая — Киётаки

52. Без названия

Пусть запомнит меня
объятым тоской и печалью
этот горный приют
под ветвями цветущей сливы,
чьё весну продлить я не в силах

79.

Там, в горах Ёсино
под снежным покровом поникли
ветви вишен густых —
верно, долго еще придется
ожидать нам пору цветенья

86.

Слагаю песнь о цветах
Не привычным путем
в горы Ёсино нынче отправлюсь —
я тропу обновлю,
чтобы дивной красой цветенья насладиться в
новом обличье

126. Без названия

Долго-долго смотрю
на вишни в весеннем цветенье —
и печалюсь о том,
что соцветья, милые сердцу,
все равно опадут под ветром

217. Без названия

Ты не пела еще,
но я подожду, о кукушка,
новых песен твоих
подле рощицы криптомерий
здесь, в долине Ямаданохара...

218. Без названия

Чу! Кукушка летит
с отдаленной горной вершины —
и доносится песнь,
оглашая окрестные склоны
и подножие гор Восточных

262. Без названия

Я с дороги сойду
и в тени раскидистой ивы
над прозрачной струей
ручейка, бегущего в поле,
ненадолго привал устрою

263.

Зноем пышут поля,
и в мареве жаром исходят
стебли высохших трав —
но уже чревата прохладой
в небесах нависшая туча

299. Без названия

Сердца тех людей,
кто прежде и думать не думал
о брэнной красе,
впервые наполнит печалью
повевший осенью ветер

300.

О эта печаль!
Как росную россыпь теряет
трава на лугу,
когда над равниной Мияги
проносится ветер осенний

362.

И самый бездушный
печальную суть бытия
вкусит в этот вечер —
бекас пролетел над болотом,
сгущается сумрак осенний

367.

Не ведаю сам,
в чем тайна очарованья,
но знаю одно —
извечной печалью веет
пришедшая снова осень

448.

Олень протрубил
вблизи от сторожки горной,
и сторож кричит —
напуган тоскливым кличем,
отпугивает пришельца

472.

Все холоднее
осенние долгие ночи —
вот и поэт
все глуше, все отдаленней
где-то во тьме кузнечик

501.

Облака на заре
покидают родную вершину,
ветром увлечены, —
и разносятся над горами
голоса гусей перелетных

502.

Гуси тянутся вдаль,
облака задевая крылами,
и печально зовут
за собою тех, что остались
на живые близ жилья людского

538.

Вот и листья плюща,
обвившего старые сосны,
облетая, кружат —
как, должно быть, ветер осенний
за Восточной горой ярится!..

570.

Наконец-то ушли
облака, что скрывали вершину
в ожиданье луны —
наделен, должно быть, душою
даже первый дождик осенний

585.

Верно, начался дождь
вдали над долиной Акиси,
что в Восточных горах, —
облака нависли грядую,
осенняя кручу Икома

603.

Облетела листва
С деревьев близ дома в селенье
у горы Огура —
и люблюсь лунным сияньем,
пробивающимся сквозь ветви

627. Без названия

О, когда бы найти
еще одну душу живую
в этой горной глуши —
чтобы зимней порою стояли
наши хижины друг близ друга!..

697. Без названия

Нынче все уж не так,
как в ту пору, когда до прозренья
собирал я во двор
принесенный волнами хворост, —
вот и год уже на исходе...

831. Душа, познавшая испостоянство

Так влачат свои дни,
не ведая мира иного,
чтобы вскоре уйти,
на земле живущие люди —
то печалются, то мнутятся

937. Без названия

Думал я, что печаль
таится в пределах столицы,
где люблюсь луной, —
но приносит луна одно лишь
неизбывное очарованье

1099.

О если бы мне
вдали от мирских искушений,
от взоров людских
в приюте уединенном
предаться думам о милой!..

1148.

Когда бы со мной
была этой ночью безлунной
та, кем дорожу,
верно, было б не так тоскливо
коротать часы до рассвета

1155.

Все думы о том,
как встречи с любимой дождаться,
дожить до нее —
и в разлуке полнится сердце
неизбывной горькой тоскою

Перевод Александра Долина

Сироёси

1

Дети с жаром спорили о том, кто среди зверей самый сильный.

— Ясное дело, тигр сильнее всех!

— Ты что! Лев сильнее!

— Врешь! Тигр!

— А лев, между прочим, царь зверей! Куда тигру до него — кишка тонка. Кошка она и есть кошка, хоть и здоровая.

Белый котенок Сироёси, по обыкновению уткнувшись носом в мамин живот, довольно урчал, посасывая молочко. Но стоило детям произнести «кошка», как тотчас наострил ушки — о чем это они? Просто у кошек так устроены ушки, что они с легкостью поворачиваются в ту сторону, откуда доносятся интересующие их голоса и звуки.

— Трусливее кошки и зверя-то нет. Вот наш Сироёси: как увидит мышонка, так сразу удирает без оглядки.

— Да ведь он маленький еще, совсем котенок. Он и мышей-то никогда не видел, вот и пугается.

— Чего тут спорить, лев — самый сильный, и точка. Куда тигру с ним тягаться!

И тут Сироёси, с удовольствием потягивавшему мамино молочко, стало нестерпимо стыдно и он перестал мурлыкать. А все потому, что как раз на днях, когда он дремал на кухне, прямо под носом у него прошмыгнула мышка. Сквозь полудрему он принял ее за какое-то ужасное чудовище, подпрыгнул от страха и убежал. Дети его увидели, этот случай очень позабавил всех домашних.

Услышав, о чем говорят дети, Сироёси погрустнел. «Скорей бы я вырос! — подумал он. — Я бы тогда всех-всех мышей переловил и вернул бы себе свое честное имя».

— Есть животное и посильнее твоего льва! — выпалил вдруг один из спорщиков. — Слон! Он огромный. Куда уж льву с ним тягаться. Слон хоботом может его запросто с ног сдуть.

— А вот и не может! Лев умный.

— Ага, как же. Ну, а если слон на него наступит, что тогда? Он его раздавит, как печенье. Сначала сдует, а потом сверху хорошенько придавит. Ни льву, ни тигру не поздоровится, если они попадутся слону на пути.

— Лев подкрадется сзади, и пока твой глупый слон сообразит в чем дело, успеет на него наброситься.

— А вот и не успеет! Слон вон какой здоровенный. Стоит льву его разок укусить, тот его как хоботом скрутит и забросит куда-нибудь подальше.

После этих слов Сироёси уже перестал понимать, кто все-таки сильнее — лев или тигр. Дети продолжали спорить и даже принесли книжку про животных с картинками. Мальчик говорил, что слон огромный, словно американский грузовик, а лев, хоть он и нападает из засады, а похож на шавку, которая на этот грузовик лает. Маленький спорщик доказывал, что слону — все нипочем, сколько на него ни кидайся, и чтобы его одолеть, надо двоим львам на него разом навалиться, тогда у них, может, чего и выйдет.

2

Дом Сироёси находился в самом центре города. Но достаточно было пересечь широкую улицу с трамвайными путями, как вы оказывались в парке с густыми деревьями, с красивыми клумбами и теплыми солнечными лужайками.

Из облюбованного местной детворой уголка доносились детские голоса и скрип качелей. Чтобы не попасться никому на глаза, Сироёси пробрался между деревьями и оказался в тихом месте, куда людям было не забраться. Там котенок время от времени устраивал засады на стрекоз. Это занятие ему очень нравилось.

Дорогу с трамвайной линией надо было пересекать очень быстро, на одном дыхании — удостоверившись, что на дороге нет машин и трамваев, а затем еще и убедившись, что нигде поблизости нет злойщей соседской собаки. Малыш Сироёси отлично умел это проделывать.

— Смотри-ка, котенок!

Услышав этот возглас, Сироёси юркнул через щель в ограде и устремился в глубину парка. Держась подальше от людей, он ловко пробрался через заросли молодых деревьев и влез на клумбу. Там цвели красивые розы и георгины, так что, если бы кто-нибудь и заметил Сироёси, здесь он мог надежно спрятаться в цветах.

Сидеть на нежной травке, чувствовать, как пригревает солнышко, было очень приятно. Кошки вообще плохо переносят холод и очень любят понежиться на солнышке. Трава была густой и теплой, как одеяло. Сироёси свернулся калачиком, подобрал под себя лапки, и его стало клонить в сон.

Подкарауливая стрекозу, Сироёси грелся на ласковом солнышке. В тепле он распушился и стал круглым, как шарик. Ему начало казаться, что теперь он сможет стать таким большим, каким только захочет. В памяти у него всплыл слон из детского спора, и котенок вдруг подумал, как это было бы здорово — родиться не маленьким котенком, а большим слоном. И распушился еще больше. Лежать на солнышке было очень приятно.

И тут Сироёси заметил, что стал размером с собаку. «Вот это да!» — удивился он и, словно воздушный шарик, надулся еще больше. Тем временем из-за розового куста показалась его голова, а он — из-за жары что ли? — становился все больше и больше. «Ничего себе! Я становлюсь огромным, прямо как слон!» — обрадовался Сироёси и встал на лапы. Вскоре розовый куст уже не доставал ему до брюха.

Теперь он и вправду стал настоящим котиком — прямо как слон. Даже лев вряд ли смог бы справиться с ним в одиночку.

«Вот здорово!» — несколько раз промяукал Сироёси и подпрыгнул от радости. А так как ноги у него стали, как телеграфные столбы, то, когда он приземлился, земля содрогнулась, как от землетрясения, и все цветы с розового куста в мгновение ока осыпались.

Тут Сироёси широко раскрыл глаза от удивления: он увидел, как вдоль скамеек по дорожке из гравия бежит злющая соседская собака. Сироёси решил было дать деру, но тут собака сама заметила его, разразилась лаем, но тут же поджала хвост и стала пятиться назад. Эта жалкая черная шавка была меньше даже его уха!

«Ага, испугалась!» — подумал Сироёси, а собака с воем со всех ног кинулась прочь. Она мчалась так быстро, будто ее вот-вот догонят и съедят.

«Эх ты, трусишка!» — рассмеялся Сироёси и расправил усы. А каждый ус стал у него теперь с трость толщиной.

На улице показался какой-то дядя, в костюме, с черными усами. Поначалу Сироёси его немного испугался, но когда мужчина сам заметил его, он вскрикнул: «А-а!» — подкинул вверх свою шляпу и убежал.

«Здорово! Даже люди кажутся теперь такими маленькими!» — подумал Сироёси, неторопливо, с чувством собственного достоинства, потянулся и отправился на прогулку. Выставленный трубой хвост доставал до верхушек деревьев, казалось даже, что он касается до неба. Со стороны это выглядело очень величественно и красиво.

3

Пройдя через рощу, Сироёси очутился на бейсбольной площадке. Как только он там появился, зрители подняли крик, а игроки, побросав перчатки и биты,

Обгоняя друг друга, люди ринулись к выходу из парка. Суматоха, надо сказать, была порядочная. Прибежали двое полицейских, но увидев Сироёси, они растерялись, бросились ничком на землю и быстро поползли обратно. Котенок же подскочил еще раз и одним прыжком очутился на дороге за пределами парка. Трамваи остановились, машины и грузовики резко разворачивались и уезжали прочь. А Сироёси, встав на задние лапы, зацепился за стену высоченного здания и стал точить когти. Что и говорить, в полный рост он выглядел устрашающе. На самых дальних концах города люди, заметив Сироёси, поднимали шум. Некоторые открывали окна и выглядывали наружу, но, увидев перед собой огромную кошачью морду, в ужасе бросались обратно в квартиры. На втором этаже находились окна ресторана европейской кухни, откуда распространялся аппетитный запах мяса. Повара в белых колпаках попрятались внутри здания. Сироёси засунул в окно одну лапу и подцепил когтем большой кусок.

Завыла сирена. Показалась пожарная машина, но, когда Сироёси развернулся в ее направлении, она остановилась и ближе подъезжать не рискнула.

Сирена все голосила, звук был ужасно неприятный. Тогда Сироёси запрыгнул на крышу. Здесь, на высоте, было поспокойней, и он стал разглядывать город. Где-то далеко внизу сновали туда-сюда люди, но никто не рисковал подойти к зданию поближе. Тем временем начало смеркаться, в центре города разом зажглись фонари. Улицы были запружены, толпа простиралась до моста на окраине города. Со всех сторон доносилась вой сирен. Город шумел.

«Как же страшно! Хочу скорей домой, к маме!» — мелькнуло в голове у Сироёси.

Где-то надрывалось радио: «Экстренное сообщение. Около четырех часов пополудни в парке Хибия было замечено чудовище непонятного происхождения. В связи с этим прекращено уличное движение на прилегающих к полицейскому участку территориях. В данный момент готовится к выступлению отряд полицейских, вооруженных пулеметами. Жителей города настоятельно просят без крайней необходимости не приближаться к месту событий».

«Чудовище?! Да я всего-навсего маленький котенок!» — заволновался Сироёси. Он спрыгнул на пустырь позади здания, выбрал дорогу побезлюдней и со всех ног кинулся домой. Автомобилей на улице не было, никто ему не мешал, и он быстро добежал до своего дома. Но когда он попробовал попасть внутрь, оказалось, что дом такой маленький, а он сам такой большой, что ему ни в калитку не протиснуться, ни под забором не пролезть. Сироёси совсем растерялся.

Вой сирен приближался. Кто бы ни гнался за

бросившись в бега, Сироёси испуганно вскрикнул и стал носиться по площадке, как шарик. Ему начало казаться, что теперь он сможет стать таким большим, каким только захочет. В памяти у него всплыл слон из детского спора, и котенок вдруг подумал, как это было бы здорово — родиться не маленьким котенком, а большим слоном. И распушился еще больше. Лежать на солнышке было очень приятно. И тут Сироёси заметил, что стал размером с собаку. «Вот это да!» — удивился он и, словно воздушный шарик, надулся еще больше. Тем временем из-за розового куста показалась его голова, а он — из-за жары что ли? — становился все больше и больше. «Ничего себе! Я становлюсь огромным, прямо как слон!» — обрадовался Сироёси и встал на лапы. Вскоре розовый куст уже не доставал ему до брюха. Теперь он и вправду стал настоящим котиком — прямо как слон. Даже лев вряд ли смог бы справиться с ним в одиночку. «Вот здорово!» — несколько раз промяукал Сироёси и подпрыгнул от радости. А так как ноги у него стали, как телеграфные столбы, то, когда он приземлился, земля содрогнулась, как от землетрясения, и все цветы с розового куста в мгновение ока осыпались. Тут Сироёси широко раскрыл глаза от удивления: он увидел, как вдоль скамеек по дорожке из гравия бежит злющая соседская собака. Сироёси решил было дать деру, но тут собака сама заметила его, разразилась лаем, но тут же поджала хвост и стала пятиться назад. Эта жалкая черная шавка была меньше даже его уха! «Ага, испугалась!» — подумал Сироёси, а собака с воем со всех ног кинулась прочь. Она мчалась так быстро, будто ее вот-вот догонят и съедят. «Эх ты, трусишка!» — рассмеялся Сироёси и расправил усы. А каждый ус стал у него теперь с трость толщиной. На улице показался какой-то дядя, в костюме, с черными усами. Поначалу Сироёси его немного испугался, но когда мужчина сам заметил его, он вскрикнул: «А-а!» — подкинул вверх свою шляпу и убежал. «Здорово! Даже люди кажутся теперь такими маленькими!» — подумал Сироёси, неторопливо, с чувством собственного достоинства, потянулся и отправился на прогулку. Выставленный трубой хвост доставал до верхушек деревьев, казалось даже, что он касается до неба. Со стороны это выглядело очень величественно и красиво.

травке посреди клумбы с цветами. Такой же маленький, как и всегда.

Доносился вой сирены, по дороге и впрямь мчалась пожарная машина. Рядом с Сироёси красиво осыпались на траву большие красные лепестки. «Уф!

Стрекочущий котенок

1

Наступила осень, и сад наполнился трескотней насекомых. Даже днем, при свете солнца, в траве и в тени под деревьями раздавались их звонкие голоса. Когда же на смену дню приходила ночь, песни их сливались в один громкий неразделимый хор, и они стрекотали без умолку, соревнуясь друг с другом.

Мама-кошка вывела своих котят на открытую веранду и стала прислушиваться к насекомым. «Ловить сверчков я вам разрешаю, но есть их нельзя! Съедите нехорошую букашку, и животик разболится», — наставляла она котят.

Двое котят прилежно слушали маму, третий же, белый, самый большой проказник, был поглощен трескотней насекомых. «Как же красиво поет сверчок... Ну и вкусный же он, наверное...» — думал он.

Беленького котенка хозяева звали Сироёси — «Белое счастье» — так будем его называть и мы. Когда другие котят спустились в сад и начали играть, Сироёси стал в одиночку пробираться туда, откуда доносилось стрекотанье. И хотя он старался ползти как можно тише, стоило ему подкрасться поближе, как сверчки разом замолкали — непонятно, куда они подевались.

Несколько раз пытался Сироёси незаметно подползти к ним, но каждый раз терпел неудачу. Тогда он устроился поудобнее и стал терпеливо ожидать наступления сумерек.

Когда стемнело, мама-кошка стала звать детей назад: «А ну скорей домой! Спать пора! Завтра еще наиграетесь!» Два котенка поскорее побежали на мамин голос, и только Сироёси, которому очень хотелось полакомиться каким-нибудь жучком, остался под деревом.

Взошла луна. С ее появлением насекомые оживились и принялись голосить. Сироёси попробовал подобраться к ним при лунном свете, но и теперь они дружно замолкли, едва он успел сделать первый шаг. Только откуда-то издали доносилось еле слышное стрекотанье. Сироёси пришлось снова затаиться и ждать продолжения концерта.

В своей засаде он навести уши и вслушивался в тишину. Ждать ему вскоре надоело, его стало клонить в сон, он задремал. Гуденье насекомых приятно убаюкивало. На небе одиноко сияла луна.

Голова Сироёси клонилась все ниже, он ткнулся в землю носом и проснулся. Спать хотелось ужасно. Он разинул ротик и зевнул. В рот что-то влетело. Так и не проснувшись, Сироёси сглотнул это что-то.

«Ой, а ведь это, наверное, жучок», — догадался Сироёси. Но он проглотил его целиком, так что никакого вкуса не почувствовал.

Как же хорошо, что это был только сон», — подумал Сироёси и, как он обычно делал со сна, потянулся, встал, внимательно осмотрелся и, стараясь не попасться на глаза злой соседской собаке, побежал по своим кошачьим делам.

«Спать так хочется. Пойду-ка я назад!» — решил он и отправился домой.

«Где же ты пропадал? А ну, живо спать!» — промурлыкала мама-кошка, заботливо вылизывая ему мордочку. Сироёси зарылся носиком в густую мамину шерстку и тут же заснул.

2

Не успел Сироёси окончательно провалиться в сон, как откуда-то раздалось громкое стрекотанье. Котенок от неожиданности поднял голову. Оказалось, что другие котят тоже проснулись и с удивлением таращатся вокруг. Но никаких насекомых поблизости не было. Станный звук повторился и исчез. Котят снова заснули.

И тут опять непонятно откуда раздалось это странное стрекотание.

Сироёси решил, что звук исходит из-под его брюха, подскочил как ужаленный. Но никого не нашел.

Стрекотание возобновилось. Звуки раздавались прямо из-под Сироёси! Котенок вцепился в собственный хвост и стал вертеться волчком, но, как он ни старался, ничего обнаружить не смог.

Мама-кошка приоткрыла глаза и стала наблюдать за Сироёси. Он же, склонив голову набок, погрузился в размышления.

— Ну и дела...

И вот, когда он остановился, утомился и задумался, стрекотание послышалось снова. Раз за разом оно приятно разливалось по животу. Котенок перепугался и принялся носиться по комнате. Звуки замерли. Но стоило Сироёси остановиться, как тут же в его животе начался настоящий концерт. Сироёси в ужасе выскочил на улицу.

3

Творилось нечто непонятное. Пока Сироёси носился кругами, как заведенный, бесился и кувырчался, сверчок у него в брюхе настораживался и замолкал. Но стоило котенку успокоиться хотя бы на мгновение, как звуки тут же возобновлялись, и Сироёси прямо подпрыгивал на месте. Ему очень хотелось спать, но когда он решил прилечь, в брюхе снова застрекотало. Ведь там, в брюхе, всегда темно, как ночью.

— Надоело, перестань! — замыкали его братья.

— Расшумелся под самым боком, не заснуть. Иди шуметь где-нибудь в другом месте!

После того, как его выгнали, Сироёси совсем загрустил. На него напало то, что люди называют бессонницей, и он стал бродить, пошатываясь из стороны в сторону, словно пьяный. Сверчок в брюхе ответил

удивленной руладой. Сироёси стало так горько, что он расплакался, слезы ручьем потекли из глаз.

— Даже умыться спокойно не могу! Ма-а-ама-мя-ма!

И тогда мама отвела котенка к врачу. Это был кот с роскошными усами и уже в летах. Они вошли в кабинет, мама-кошка рассказала о том, что случилось с Сироёси.

— Уж сколько я практикую, а о такой болезни до сих пор слыхом не слыхивал. Температура есть? — спросил кот и потрогал котенка за ухо.

У кошек уши обычно холодные, но в случае болезни они горячатся. Так что вполне достаточно потрогать котенка за уши, чтобы понять — здоров он или нет.

— Уши-то холодные. Так что ничего страшного, — успокоила врач маму. — А теперь покажи язычок.

Котенок сморщил носик, открыл ротик. Из его брюха донеслось стрекотание, а у доктора от испуга затопорчились усы, а глаза стали прямо как блюдца.

— Наверное, он проглотил сверчка!

Мордочка у Сироёси стала страдальческой — будто бы он и вправду тяжело занемог. Доктор же выглядел несколько озадаченным. Он теребил усы, погружившись в свои безмолвные и безрадостные размышления.

— Доктор, он поправится? — спросила мама.

— А ну-ка, послушаю я его стетоскопом! Иди сюда, малыш. Расправь грудку.

Сироёси лег на спину. Доктор приложил стетоскоп к котенку.

— Вдох!

Внутри у Сироёси застрекотало. Доктор вздрогнул и едва не уронил стетоскоп.

— Плохо дело! Ишь ты, ну и голосище! Можно, конечно, попробовать глистогонное средство. Но только поможет ли оно от сверчка? Неплохо бы проглотить живого воробья или же канарейку — они бы его прямо в брюхе и склевали. Но уж больно ты маленький. Можно, конечно, тебе и операцию полостную сделать. Только придется большой разрез делать.

— Резать ему брюшко? — испугалась мама, а котенок заголосил.

Сверчок тоже испугался и замолчал. Доктор приложил стетоскоп к груди Сироёси. «Кажется, наблюдается ремиссия, — произнес он. — Пусть выпьет глистогонного, посмотрим, что будет».

4

Сироёси выпил глистогонного лекарства, но сверчок не унимался. Когда котенок находился где-нибудь неподалеку, хозяйская дочь, слыша его переливы, восклицала: «И откуда у нас дома сверчок?»

Сироёси становилось не по себе, он уныло плелся в коридор. Зато с наступлением вечера он выбирался в сад и тихо усаживался под деревом. В темноте голоса насекомых сливались в один чудный хор. Когда сверчок заводил свою песню прямо у него брюхе, другие сверчки и жучки безмятежно присоединялись к его руладам, совершенно не догадываясь о его местоположении. Куда бы ни отправился Сироёси, всюду его сопровождали раскатистые переливы. Если бы теперь он захотел поймать какую-нибудь букашку, никаких сложностей это бы не вызвало. Но котенок зарекался, что больше никогда-никогда он не возьмет в рот ни одного сверчка.

Однажды вечером, предварительно хорошенько выспавшись, Сироёси открыл глаза и понял, что из его брюха ничего такого не доносится. Котенок подождал — а вдруг он сейчас заголосит? — но сверчок молчал.

— Мя-ма! — позвал Сироёси. — Он молчит!

— Неужели? — сквозь сон мяу-мама подумала, что Сироёси имеет в виду кого-то в саду. — Скоро ведь зима. Когда ударят заморозки, никаких насекомых не останется, — произнесла она и, убедившись, что на котят не дует, безмятежно уснула. Котята спали, прижавшись друг к дружке. Вечерами становилось прохладно, пора было затапливать печь.

Действительно, скоро наступит зима. Котята родились летом, они еще не видели ни инея, ни снега. Если все сложится у них хорошо, они еще узнают, как удивителен и прекрасен этот мир. Они будут просыпаться с радостью и засыпать со сладостью. Каждый день будет новым и непохожим на прошлый. Сироёси позабудет про своего сверчка до следующей осени, а завтра он будет носиться по саду и весело играть. Ясные осенние дни еще постоят немного.

Перевод Е. Ионовой

Краткая история воинских искусств Японии Хонтё бугэй сэдэн

Перевод А.М. Горбылёва

Оно Сёгэн

Оно Сёгэн жил в период Тэнсё [1573-1592]. Он прозрел чудесную сущность искусства меча и назвал свою школу «Курама-рю». Это именно та школа, которую сейчас называют «Сёгэн Курама-рю». Некоторые же утверждают, что существует школа, называемая «Котэнгу Курама-рю», которая, по их словам, была передана судьей Ёсицунэ¹.

В «Дзиндзя ко» говорится: «В народе передают, что Минамото Усивака в детстве носил имя Сянаомару. Спасаясь от Смуты годов Хэйдзи, он укрылся в монастыре Курама-дэра. Однажды он забрался в долину Содзёгатани, где повстречал чужака² (в некоторых книгах говорится, что он встретил ямабуси). Этот чужак научил Усивака искусству меча, а еще покаялся: «Я стану богом-покровителем Сянао!» После этого Усивака время от времени встречался с чужаком в долине Содзёгатани и хорошо изучил приемы его стили фехтования. Он был [от природы] одарен скоростью и ловкостью и теперь все больше и больше совершенствовал свое мастерство.

Когда Усивака исполнилось пятнадцать, он отправился в край Осю. В годы Дзюэй и Гэняку [1182-1185] он сражался с кланом Тайра и совершил множество подвигов. В начале годов Бундзи [1185-1190] он снова отправился на гору Курама, но отыскать чужака уже не смог. Усивака был известен также под именем Минамото Тэйи Ёсицунэ³.

В «Хэйдзюцу бунко» говорится: «В те дни, когда Минамото Ёсицунэ жил в монастыре Курама-дэра, он учился искусству меча в долине Содзёгатани у монахов из Курама-дэра, которые были учениками Киити. Занимался он в глубочайшей тайне, стремясь достичь [мастерства] бо-

жественного. Обычные люди не знали об этом и думали, что наставником господина Усивака был тэнгу⁴.

(Я же, ничтожный, скажу так. Рассказы о том, что школа Котэнгу Курама-рю – это школа искусства меча, которой Ёсицунэ научился от тэнгу по имени Содзё в долине Содзёгатани, нужны лишь для того, чтобы указать, что эта школа происходит от богов. Но ни в «Дзокусэцубэн», ни в «Адзума кагами», ни в «[Гэмпэй] сэйсуйки», ни в «Гикэйки» – нигде не говорится о том, что Ёсицунэ научился искусству меча от тэнгу⁵. Это очень подозрительно. Скорее, правильнее говорить, что, удалившись от мира, Ёсицунэ тайно отыскал себе наставника и по ночам изучал искусство меча.

А еще любители историй о нечисти утверждают, будто искусство меча Ёсицунэ происходит от тэнгу по имени Сандзякуэн – «Меч в 3 сяку», который жил в местечке Акибаяма в провинции Тотоми. Или говорят, что оно идет от тэнгу по имени Мёги Хоин, который жил на горе Хакуунсан (Сирагумо-яма), что в провинции Кодзукэ. В «Ходзё годайки» в главе «Поединок между Нэгиси и Ивама» говорится, что Токаку колдовал и умел превращаться в тэнгу, что никто не видел его ночью спящим. Там написано, что по ночам к нему являлся [тэнгу] Таробо с горы Атаго и обучал тайным искусствам войны⁶. Точно так же некоторые утверждают, что наставником Сэтогути Бидзэн был тэнгу по имени Дзигэмбо, что Сисидо Сисэн из провинции Аки⁷ постоянно занимался колдовством и доводился родней тэнгу Таробо с горы Атаго и т.д.

Но по моему скромному мнению, все эти утверждения происходят оттого, что в наши дни в воинских искусствах восхищаются нечистой и почитают необычайное. В то время как старинные

¹ «Котэнгу» – «Маленький тэнгу» – одно из прозвищ Ёсицунэ.

² В тексте использовано слово «идзин» – букв. «чужой, незнакомый человек». В категорию идзин японцы включали чужаков, иностранцев, людей без постоянного места жительства, не являющихся членами общины (ямабуси, проститутки, бродячие торговцы, артисты и т.д.), а также чудесных существ низшей мифологии: тэнгу, каппа и др.

³ Имеется в виду «Хонтё дзиндзя ко» («Размышления об [истории] святых наших империи»), сочинение Хаяси Радзан (1583-1657). Данный фрагмент относится к главе 6.

⁴ Имеется в виду «Такэда хэйдзюцу бунко» («Библиотека по военному искусству дома Такэда», 1708).

⁵ «Дзокусэцубэн» (1706) – сочинение Идзава Нагахидэ, ученого из Курамото. «Гэмпэй сэйсуйки» – двадцатитомное повествование о битвах между кланами Тайра и Минамото, автор неизвестен.

⁶ «Ходзё годайки», гл. 7.

⁷ Согласно «Будзюку рюсю року», Сисидо Сисэн был основателем школы хэйдзюцу Кансин-рю. Этот Сисидо был известен также под именем Сисидо Изэиси и владел замком Кикуяма в провинции Аки.

школы пребывают в состоянии плачевном, люди создают новые самостоятельные школы, скрывая имена своих наставников, воруя их приемы, используя ложь. Обманывая глупцов, они утверждают, что то, чего они достигли, было недоступно даже Иидзаса и Тода. Школы, созданные такими людьми, обладающими ложным знанием и переполненными высокомерием, действительно заслуживают названия школ тэнгу⁸.)

Мацубаяси Саманосукэ

Мацубаяси Саманосукэ был уроженцем местности Касима в провинции Хитати. С четырнадцати лет он увлекся искусством меча. Достигнув успехов в овладении им, он совершенствовался с каждой тренировкой и в конце концов обрел чудесное мастерство. Позднее он служил Ина Хандзюро Тадахару и жил в местечке Сэкидан в провинции Мусаси. Втайне он назвал свою школу «Ган-рю»⁹.

В это время сэндайский младший военачальник (сёсё) Датэ Тадамунэ случайно узнал о Мацубаяси. Он чрезвычайно высоко превознес его искусство и выразил господину Ина желание включить Саманосукэ в число своих вассалов. Выполняя его приказ, Ина предложил назначить Мацубаяси жалованье в 300 коку риса. [Через некоторое время] Ина призвал Мацубаяси и передал ему волю господина. Однако Мацубаяси отказался, заявив: «Я соглашусь служить Тадамунэ, только если он назначит мне жалованье в 1000 коку. Если же он не сделает этого, то зачем мне идти на службу в его дворец?» И хотя Ина пытался уговорить его, Мацубаяси твердо стоял на своем и не соглашался.

Посему господин Ина правдиво доложил обо всем Тадамунэ, и Тадамунэ со смехом сказал: «Я с самого начала знал, что Мацубаяси не примет моего предложения. Назначьте ему то жалованье, какое он просит». Так Мацубаяси отправился в край Осю и стал служить Тадамунэ.

Позднее молва о мастерстве Мацубаяси в искусстве меча достигла и великого господина Дайю-тайкун [сёгун Токугава Иэмицу], и он

приказал Тадамунэ послать мастера в Эдо. Там Мацубаяси продемонстрировал свое мастерство перед сёгуном, его партнером по демонстрации был Абэ Досэй нюдо¹⁰.

Позднее Мацубаяси принял монашеский постриг и буддийское имя «Хэнъя». Умер он в Осю. Его сын Тюдзаэмон унаследовал его лен и жил в Осю.

Катахами Бидзэн-но kami

Катахами Бидзэн-но kami был вассалом Ходзё Удзиясу и овладел искусством меча школы Сува-рю.

Был еще некий Араи Дзибу-но сёхо, который также был вассалом дома Ходзё. Он был мастером школы Кё-рю и достиг подлинно чистого и чудесного искусства.

В «Ходзёки» говорится: «Ронин Араи Дзибу-но сёхо, некогда состоявший на службе у господина Роккаку из провинции Оми, состоял на службе в семье Таманава Сазмондаю¹¹ и был великим мастером школы искусства меча Кё-рю. А еще был Катахами Бидзэн-но kami, великий мастер школы Сува-рю¹². Ёкоэ Яхати, племянник Араи Дзибу-но сёхо, отправился в воинское странствие в край Осю. Там он принял в ученики господина Айдазу и, сражаясь с представителями различных школ на поединках, прославил свое имя»¹³.

Маэхара Тикудзэн-но kami

Маэхара Тикудзэн-но kami был вассалом семьи Обата из провинции Кодзукэ. Он достиг тончайшего и чудесного искусства в фехтовании и высокого умения в искусстве гумбай¹⁴.

Ямамото Кансукэ Харуюки нюдо Доки достиг мастерства в искусстве меча Кё-рю, школе, основанной Киити Хоган из Хорикава. Рассказ о свершениях Харуюки имеется в «Коё гункан».

В «Коё гункан» говорится: «Маэхара Тикудзэн усадаи в углу гостиной, и пять или шесть человек метнули в него свои веера с расстояния двух-трех кэн (ок. 3,6 – 5,4 м). Но Маэхара мгновенно схватил свой деревянный меч и отбил все веера, прежде чем они коснулись его тела. А еще, когда в него бросили куски бумажного шпагата,

⁸ Хотя тэнгу считались прекрасными фехтовальщиками, в иерархии сверхъестественных существ народных верований они занимали одно из низших мест. В фольклоре тэнгу приписывается чрезвычайное высокомерие, и Хинацу здесь прибегает к каламбуру: с одной стороны, «школы тэнгу» — это школы, якобы переданные легендарными тэнгу, с другой — это школы, созданные людьми низкого социального статуса, но выдающимися высокомерием.

⁹ Ган-рю Мацубаяси Саманосукэ не следует смешивать с фехтовальщиком по имени Ганрю, с которым сражался Миямото Мусаси.

¹⁰ Иэмицу тогда наградил Саманосукэ тремя кимоно, а одно пожаловал Досэй (запись от 25-го дня 3-го месяца 4-го года Кэйан (1651) в «Токугава дзикки»).

¹¹ Хотя Хинацу использует здесь имя «Таманава Сазмондаю», вероятно, имеется в виду Ходзё Сазмондаю, господин замка Таманава.

¹² Поскольку Катахами состоял на службе у дома Ходзё, его школу иногда называют «Ходзё-рю».

¹³ Этот фрагмент отсутствует в версии «Ходзёки», помещенной в «Дзюку гунсё руйдзю».

¹⁴ Искусство гумбай — эзотерический аспект стратегии, техника гадания для определения правильного времени и направления перемещений войск в войне с помощью божьего веера с начерченными на нем схемами китайской астрологии и, реже, гексаграммами «Книги перемен». Обата были знаменитыми стратегами, Хинацу рассказывает о них в главе своего труда, посвященной стратегии дзёхо.

смоченные саюной [для большей тяжести и скорости полета], Маэхара отбил все их бамбуковым мечом. Этим же бамбуковым мечом он разбил шлем из 62-х частей»¹⁵.

Кисо Сёкуро

Кисо Сёкуро был вассалом дома Сатоми из провинции Ава. Он достиг мастерства в искусстве меча школы Гэн-рю и обрел тончайшую и чудесную искусность.

Хаясидзаки Дзинсуке Сигэнобу

Хаясидзаки Дзинсуке Сигэнобу был уроженцем края Осю (Митиноку). Он молился божеству Мёдзин в местечке Хаясидзаки и прозрел утонченность и чудесность искусства меча. Этот человек является родоначальником возрожденного искусства «выхватывания меча» батто.

В «Ходзё годайки» говорится: «Использование мечей с длинными рукоятками¹⁶ началось после того, как светлый бог явился Хаясидзаки Кансуке Кацуёси в облике старца и объяснил ему выгоды меча с длинной рукоятью».

(Я же, ничтожный, скажу так. Я думаю, что имя «Кансуке» — ошибка копииста. В «Ходзё» го-

¹⁵ Этот фрагмент см. в главе 40.

¹⁶ В «Кэмпо рякки» («Краткие записи о фехтовании», 1839), ценном собрании сведений по истории бусидо и искусства меча, нагацука-но катана — «меч с длинной рукоятью» — описан, как «меч с необычайно и непропорционально длинной рукоятью». Там же говорится, что «все другие школы перешли на использование мечей с такими длинными рукоятками, когда стало известно, что в Тамия-рю используются мечи с более длинными рукоятками».

¹⁷ Икэда Тэрумаса (1564-1613) был могущественным князем с резиденцией в замке Химэдзи, откуда он мог контролировать значительную часть западной Японии.

¹⁸ Токугава Ёринобу (1602-1671) — сын Токугава Изюсу, основатель ветви Кию Токугава, имевшей право предоставлять наследника сёгуна в случае отсутствия наследника в главной ветви.

¹⁹ Токугава Ёсимунэ (1684-1751) — 8-й сёгун династии Токугава (прав. 1716-1745), первоначально был главой дома Кию Токугава, назначен сёгуном по причине отсутствия наследника в главной ветви дома Токугава.

дайки» значит имя «Кацуёси», а в дэнсё школы — «Сигэнобу». Возможно, под «светлым богом», явившимся Хаясидзаки в облике старца и передавшим ему секрет, имеется в виду бог святилища Касима. В дэнсё, однако, говорится, что близ Таэока в краю Осю находится святилище Светлого Бога Хаясидзаки, и что Хаясидзаки молился ему и прозрел чудесную сущность [искусства иай].)

Тамия Хэйбэй Сигэмаса

Тамия Хэйбэй Сигэмаса был уроженцем региона Канто. Он учился у Хаясидзаки Сигэнобу и достиг чудесного мастерства в искусстве батто (дана фуригана «иай» — А.Г.), воистину исчерпал все изменения и достиг божественного состояния. Позднее он принял новую фамилию «Цусима».

Его сын, Цусима-но kami Нагакацу, унаследовал фамильное искусство. Он состоял на службе у Икэда Сандаэммон-но-дзэ Тэрумаса¹⁷. Позднее, уйдя со службы, Нагакацу принял имя «Дзээн». Он отправился в провинцию Кию, где поступил на службу к старшему советнику (дайнагон) Ёринобу¹⁸ и получал жалованье в размере 800 коку.

Его сын первоначально звался Каморибэ Нагаизэ, а позднее изменил имя на «Хэйбэй». Великий господин Дайю-тайкун [Токугава Иэмицу] пожелаю посмотреть на искусство семьи Тамия и приказал Ёринобу послать Хэйбэй в Эдо. Хэйбэй продемонстрировал свое искусство в присутствии сёгуна в его замке, и его имя стало известно на всю страну.

Его сын первоначально звался Санносукэ Томонари, но позднее принял новое имя «Дзэкай».

Сын Дзэкай, Дзироэммон Наричунэ, унаследовал фамильное искусство и служил среднему советнику (тюнагон) господину Ёсимунэ¹⁹.

Его ученики живут во всех провинциях. Воистину, тысячу лет будет греметь его слава.

(Жил-был некий Сайки Санъэммон Киёкацу. Он был уроженцем провинции Кию. С детских лет он учился у Тамия Нагаизэ и тренировался многие годы. Позднее он учился у Томонари и овладел его искусством в совершенстве. В годы Эмпо [1673-1681] он приехал в Эдо, где прославился своим искусством.)

В «Ходзё Соун ки» говорится: «Кацуёси был первым, кто начал носить за поясом меч с длинной рукоятью, а Тамия Хэйбэй Наримаса передал [его технику использования такого меча]. Наримаса»

маса заткнул за пояс меч с длинной рукоятью и отправился в воинское странствие по провинциям. Он поведал, что преимущество в длине рукояти меча в 8 сун (ок. 24 см) дает троскратное превосходство в поединке, и передал иные божественные и чудесные секреты. И после этого все стали носить мечи с длинными рукоятями. Самый главный секрет чудесного мастерства искусства фехтования Наримаса состоит в том, что следует использовать максимально длинный меч, с каким только можешь совладать, потому что победу в бою решает преимущество в 1 сун (3,03 см)²⁰.

Нагано Муракусай Кино

Нагано Муракусай Кино изучал искусство меча у Тамия Сигэмаса и достиг утонченного и чудесного мастерства. Позднее служил у дзидзю Ии²¹ и умер, когда ему было более 90 лет.

Итиномия Садаю Тэрунобу

Итиномия Садаю Тэрунобу был самураем на службе Цутия Содзо, вассала семьи Такэда из Каи, и совершил немало воинских подвигов. В 9-й месяц 8-го года Тэнсё, года киноэногацу [1580], когда Такэда Кацүэри атаковал замок Касивадэ-дзё в провинции Кодзукэ, Итиномия и Ваки Матаити вместе ворвались в ворота замка и бок о бок геройски сражались копьями.

Итиномия изучал искусство меча у Нагано Муракусай и достиг чудесного мастерства. Ныне его школа называется «Итиномия-рю». Последователи ее имеются во всех провинциях.

Был еще Камиидзуми Магодзиро Ёситанэ²², который учился искусству меча вместе с Итиномия у Муракусай и достиг божественного, чудесного мастерства.

Марумэ Мондонодзё

Откуда был родом Марумэ Мондонодзё, неизвестно. В зрелом возрасте (в возрасте около тридцати — А.Г.) он увлекся искусством меча и постиг чудесную сущность искусства иай. Не было никого, кто мог бы лучше реагировать на любые изменения ситуации, чем он. Втайне он назвал свою школу «Итидэн-рю» — «Школа единой передачи».

Кунииэ Яэмон унаследовал традицию Марумэ и передал ее Асаяма Кураносукэ. Асаяма передал ее Унно Итирозмон Наохиса. Наохиса передал ее Канэда Гэмбэй Масатоси. У Масатоси было несколько учеников, и среди них — Хинацу Ясукэ Ёситада, который овладел этой школой в совершенстве и достиг утонченного и чудесного мастерства²³.

Катаяма Хоки-но ками Хисаясу

Катаяма Хоки-но ками Фудзивара-но Хисаясу увлекался искусством меча и прозрел чудесное искусство иай.

Однажды, когда он отправился для моления в святилище Атаго, чтобы попросить божество даровать ему утонченное и чудесное искусство, ночью во сне ему привиделся иероглиф «Кан» — «Пронзать». Пробудившись ото сна, Хисаясу пребывал в совершенном спокойствии и в ясной просветленности.

Когда канцлер (кампаку) Хидэцугу узнал об утонченности и чудесности мастерства Хисаясу, то призвал его в свой лагерь и учился его искусству. Благодаря своему великому мастерству, Хисаясу в 8-й день 4-го месяца 15-го года Кэйтё, года канэноину [1610], был удостоен чести явиться в императорский дворец. Он был пожалован младшим 5-м придворным рангом и назначен губернатором провинции Хоки — Хоки-но ками. Так его имя стало известно повсеместно в пределах четырех морей.

Позднее он отправился в провинцию Суо, потом перебрался в Аки. Умер в провинции Суо.

Его сын, Хоки Хисакацу, унаследовал искусство отца и жил во владениях дома Ёсикава. Позднее приехал в Эдо, где приобрел большую славу благодаря своему искусству меча. Позднее вернулся в Суо. В разных провинциях есть много последователей его школы.

Митани Масанао написал: «Хоки-но ками Хисаясу приехал в провинцию Аки из Суо. Многие самураи дома Асано учились у него искусству меча. Наследником его стал некий Окува Киёэмон».

Нарита Матадзаэмон Сигэнари

Нарита Матадзаэмон Сигэнари жил в Эдо в провинции Мусаси. Он учился у Катаяма Хисакацу и в совершенстве овладел его искусством.

Его традицию перенял Исио Ихэй Тосисигэ.

От него традицию унаследовал Айхара Кёдзаэмон Корэхира. У него было множество учеников. В совершенстве его учением овладел Айхара Гэнтадзаэмон Мунэмаса.

Цутия Итибэй

Цутия Итибэй любил искусство меча и достиг чудесного мастерства в искусстве иай. Сначала он жил в провинции Этидэн, но позднее переехал в Этиго. Он служил князю Тюдзё Мицунага.

Аmano Итигаку учился у Цутия и в совершенстве овладел его учением. Он также служил князю Мицунага вместе с Цутия. Искусство Аmano было великолепно и поистине божественно.

В предыдущем номере в подписи к иллюстрации на с. 58 допущена ошибка. Подпись следует читать: «Легендарный сюжет: великий мастер Цукэхара Бокудэн обучает юного Миямото Мусаси фехтованию (в действительности они никогда не встречались, так как Цукэхара умер еще до рождения Мусаси), используя кришшу от кастроли в качестве щита».

²⁰ В справочниках текст под названием «Ходзё Соун-ки» не значится. Возможно, Хинацу использует это название взамен названия «Ходзё Годайки», цитируемый фрагмент содержится в 4-й главе.

²¹ Ии Наомаса (1561-1602) был господином замка Саваяма и имел владения с доходом в 180000 коку.

²² Камиидзуми Магодзиро Ёситанэ — потомок знаменитого мастера Камиидзуми Исэ-но ками, мастер иай школы Муракуру.

²³ Хинацу Сигэтакэ пишет о своем отце.

Евгения Сахарова

При свете светлячков и снега Японская библиотека

Вещь
в японской
культуре

Вещь в японской культуре. М., «Восточная литература», 2003

Этот сборник — настоящее событие в отечественной японистике. Сборники, посвященные Японии, время от времени издавались и в прошлом, но, пожалуй, никогда мы не видели сборника, посвященного не японской культуре «вообще», а одному конкретному ее проявлению.

В сборнике собраны статьи наших известных япо-

нистов. Нужно сказать, что они одушевились вещностью японской культуры, и книга получилась очень интересной. Лучше всего читать его с самого начала. Открывают книгу статьи Л.М. Ермаковой о функционировании понятия «вещь» в японских мифологических сводах и Е.К. Сибиной-Гудзенко о компоненте «вещь» (яп. моно) в японских теонимах. Поняв насколько широким, а порою всеобъемлющим было понятие «вещь» в японских мифах, можно смело читать статьи сборника в любом порядке, руководствуясь собственными предпочтениями.

Здесь читатель найдет статью о циркуляции вещей (пожалований и подношений) между императором и его подданными в официальной культуре VIII века (А.Н. Мещеряков), а статья М.В. Торопыгиной, напротив, познакомит с обменом вещами (подарками) в частной жизни хэйанской аристократии. Е.С. Бакшеев рассказывает о роли бронзовых предметов в эпоху Яэй. А статья Е.М. Дьяконовой о роли вещей в сложном мире хайку — настоящий подарок многочисленным отечественным любителям японской поэзии. Э.В. Молодякова исследует роль вещей в японских праздниках, М.П. Герасимова анализирует функции вещи в произведениях Кабабата Ясунари (1899-1972), а Г.Б. Шишкина рассказывает о произведениях современного японского прикладного и декоративного искусства.

Есть в сборнике и статьи, посвященные вещам более «конкретным». В.П. Мазурик подробнейшим образом рассказывает о чайной чашке и ее функциях в чайной церемонии, а Н.С. Николаева — о японских ширмах. М.В. Есипова исследует музыкальные инструменты традиционной японской культуры, а Н.Г. Анарина разъясняет, чему призывал великий актер и драматург Дзэами Мотокоо (1363-1443) «учиться у вещей», и раскрывает смысл наиболее значимых предметов театра Но.

Хотя сборник — издание научное, но и сама избранная тема, и высокая квалификация авторов делают его интересным для очень широкого круга читателей, а разговор о «непрочных» вещах оказывается подчас сопряженным с вечностью.

Хайкумена. Альманах поэзии хайку. Выпуск первый. М., РИК, 2003

Этот альманах — родом из Интернета. Именно там «обитают», общаются, дискутируют люди, полюбившие хайку настолько, что посвящают свой досуг их сочинению по-русски. От своей родины альманах унаследовал некоторые черты космополитизма — почти все отечественные хайку сопровождаются переводом

на английский, а один из разделов альманаха знакомит с образцами англоязычных хайку на языке оригинала.

Альманах рубрикуется не только по авторскому принципу, но включает и коллективные стихотворные цепочки (яп. жанр рэнга, букв. «сцепленные строки») и дискуссии о том, что же такое русскоязычное хайку. Лично мне ближе всего мнение Елены Захарченко, утверждающей, что главное в русских хайку — «игра — и ироничность» (с. 211). То есть, добавлю от себя, это все-таки некий вспомогательный жанр. Его главные функции — усвоить основные принципы японской поэзии хайку (а они заключают в себе целое мировоззрение) и, может быть, привить некоторые ее элементы отечественной литературе. Это подтверждается и тем, что именно пародийные хайку на русском языке оказываются наиболее удачными и интересными¹.

В первом номере альманаха приняла участие известнейшая японистка Т.А. Соколова-Делюсина, давшая краткий обзор основных тенденций современной поэзии хайку в Японии. Ее обзор сопровождается прекрасными авторскими стихотворными переводами.

Как видим, кругозор альманаха достаточно широк, а попытка самоосмысления русских хайку на страницах печатного издания предпринимается впервые. Нам же остается только ждать следующего выпуска альманаха, дабы с интересом следить за тем, сколь причудливые формы приобретает порой культурный диалог России и Японии.

В «Золотой серии японской литературы» издательства «Север-Запад Пресс» вышли новые книги.

Японская новелла. СПб., «Север-Запад Пресс», 2003

Том «Японская новелла» включает короткие рассказы с конца VIII по XX в. включительно, большая часть из них — переиздание. Среди новинок — рассказы из сборника «Удзи сюи моногатари»² («Истории, собранные в Удзи», XIII в.) в переводе Г.Г. Свиридова, а также переводы А.Н. Мещерякова: из средневековой антологии «Цудзуми тюнагон моногатари» («Рассказы среднего государственного советника», предположительно XI в.), из «Синтосю»

¹ О некоторых таких пародиях я уже писала. См. «Журнал», №1/2002; №3/2002.

² Выборочные переводы этого памятника уже издавались в книге «Волшебная Япония» той серии того же издательства.

(«Сборника синтоистских повествований», XIV в.), — и перевод одного рассказа средневекского жанра отоги-дзоси под названием «Кошки-мышки».

Открывают книгу буддийские истории о прижизненном воздаянии — «Нихон рёйки» (рубеж VIII-IX вв.), а завершают блестящие рассказы Кавабата Ясунари (1899-1972). В книге действительно представлены многие замечательные японские писатели в переводах лучших отечественных японистов. Несмотря на максимально широкие временные рамки, том сохраняет целостность благодаря тому, что именно малые формы, как утверждает составитель и автор предисловия А.Н. Мещеряков — одна из наиболее сильных сторон японской литературы.

Мистическая Япония. Спб., «Север-Запад Пресс», 2003

Присутствие сверхъестественного очень условно объединяет произведения, вошедшие в книгу. Здесь и близкие к фольклору «Рассказы ночной стражи» (1660 г.), и нравоучительные буддийские «Повести о карме» Судзуки Сёсана (1661 г.), и произведения писателей, умело перерабатывавших китайские сюжеты: Асаи Рёи (1612-1691), Цуга Тэйсё (1718?-1794?), Уэда Акинари (1734-1809). И рассказы Ихара Сайкаку (1642-1693), и произведения детективного жанра (знаменитый «Пионовый фонарь» Санъютэй Энтё, несколько произведений Эдогава Рампо), а также по одному рассказу таких мастеров психологической прозы XX в., как Акутагава Рюноске (1892-1927) и Танидзакэ Дзюнъитиро (1886-1965). Одним словом, книга удовлетворяет самым разнообразным вкусам, а мистика предстает на ее страницах и как самостоятельная тема литературного произведения, и как один из литературных приемов. Добавим, что все произведения, вошедшие в «Мистическую Японию», — переиздания.

Дж. Э. Киддер Япония до буддизма. Острова, заселенные богами. М., Центрполиграф, 2003

Киддер Дж. Э. Япония до буддизма. Острова, заселенные богами. М., Центрполиграф, 2003

Это перевод книги известного английского археолога, изданной почти полвека назад — в 1959 г. В книге на базе археологического материала рассказывается о Японии с древности до исторической

эпохи. Несмотря на давность лет, книга не совсем устарела, хотя, читая ее, конечно, надо иметь в виду, что благодаря масштабным археологическим раскопкам, проводимым в Японии, некоторые ее положения уточнены или пересмотрены.

Краски японской драмы. Антология японской драматургии второй половины XX века. Сост. И.В. Жукова. Том 1. М., РГГУ, 2003

Японская драматургия XX столетия в целом малоизвестна отечественным читателям. Первый том антологии (планируется двухтомник) отчасти восполняет этот пробел. В нем представлены переводы пьес трех известных драматургов второй половины XX столетия. Из них лишь творчество Мисима Юкио (1925-1970), в том числе произведения, написанные для театра, достаточно полно представлено на русском языке, а его имя — хорошо известно отечественным читателям. В 1-й том вошла не переводившаяся прежде пьеса Мисима «Слепое сердце». Два других имени — Киносита Дзюндзи (род. 1914 г.) и Ямадзакэ Масакацу (род. в 1934 г.) — для нас открытия.

Лично на меня особое впечатление произвела пьеса Ямадзакэ Масакацу «Дзэами» (перевод Л. Левыкиной), совмещающая в себе лучшие традиции европейской и японской драматургии.

В книге также представлен очерк основных тенденций японской драматургии второй половины XX в. и краткие сведения об авторах (И. Жукова). И все-таки, видимо, вторая половина XX в. — еще слишком ближняя для нас история, и в очерках о драматургии и драматургах эмоции нередко преобладают над анализом.

Японские пьесы переведены. Интересно, пополнят ли они репертуар российских театров?

Португалов А. Японская кухня. Рипол классик. М., 2003

Хотя это издание именуется «практическим», лишь очень немногими рецептами, приводимыми в нем, можно воспользоваться у нас в России. Многие ингредиенты не достать даже в страшно дорогих японских супермаркетах, появившихся в последнее время в Москве. Впрочем, на то она и экзотическая кухня... Однако, проявив фантазию и немного поэкспериментировав, можно приятно удивить гостей и близких. Я от экспериментов пока воздержалась, но понимаю — гордиться тут нечем.

¹ Впрочем, постоянные читатели нашего журнала уже знакомы с некоторыми из этих переводов. Кроме того, они вошли в «Книгу японских символов», изданную в этом году издательством «Наталис». См. о ней №2/2003.

Будо-Спорт

www.budo-sport.ru

магазин Будо-Спорт

экипировка для восточных единоборств

Богатейший ассортимент товаров для всех, кто решил всерьез заниматься боевыми искусствами! Вся необходимая экипировка для занятий единоборствами (дзюдо, каратэ, айкидо, ушу и др.) от ведущих фирм-производителей формы: «Mizuno», «DaxSports», «Adidas», «Tokaido»; тренировочное оружие: сингаи, боккэны, бо, дзэ, мечи дао и цзянь, саи, танто, сюрикэны; средства защиты: накладки на голеностоп, на голень, бандажи для мужчин и женщин, защита на грудь для женщин, шлемы, жилеты, накладки и перчатки для каратэ и т.д.; спортивные костюмы, футболки, тапочки для занятий, сумки и чехлы для тренировочного оружия, татами, а также сувенирная продукция; широкий выбор литературы по боевым искусствам.

Наш адрес: Москва, 105062, Ул. Покровка, 41.
Тел.: (095) 917-8206.

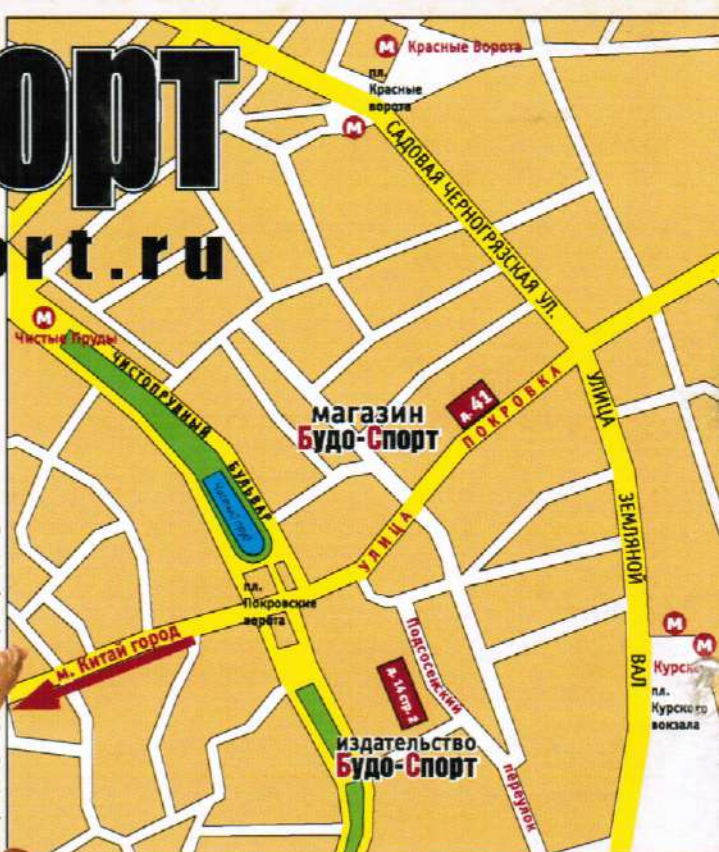
Мы ждем вас ежедневно!
В будни с 10.00 до 20.00,
в выходные с 11.00 до 18.00.

издательство Будо-Спорт

высококачественная литература о будо

Специализированное издательство высококачественной профессиональной литературы по боевым и спортивным единоборствам и истории и культуре Японии и журналов «Боевые искусства Японии. Додзэ» и «Япония. Путь кисти и меча».

Наш адрес: Москва, 105062, Подсосенский пер., д.14
стр.2 Тел.: (095) 917-8653, (095) 917-8614.

МОСКОВСКИЙ БУДОКАН

Центр боевых искусств «Московский Будокаан»

Просторный зал будо и тренажерный зал, раздевалки, сауна, парковка. Коллектив высококлассных тренеров по дзюдо, дзюджюцу, каратэ, айкидо, Винчун кунгфу (Юнчуньюань). Тренировки по будням с раннего утра и до позднего вечера. Каждые выходные - тематические семинары с участием ведущих мастеров будо России и зарубежья. И все это - неподалеку от метро «1905 года».

Для получения справок и записи на семинары будо и в группы «Московского Будокаана» звоните по телефону (095) 917-82-06.

Адрес центра: Москва, ул. Литвина-Седого д.3а

